

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

сборник учебно-методических материалов

для направления подготовки: 40.03.01 Юриспруденция

Благовещенск 2017 г.

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
юридического факультета
Амурского государственного университета*

Составитель: Головатый С.В.

Юридическая психология: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 40.03.01 - Юриспруденция – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017.

© Амурский государственный университет, 2017
© Кафедра конституционного права, 2017
© Головатый С.В., составление

Содержание

1. Методические рекомендации по изучению дисциплины «Юридическая психология»	4
2. Краткое содержание курса лекций	5
3. Методические рекомендации (указания) к практическим занятиям	17
4. План практических занятий	18
5. Методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов	23
6. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины	24

1. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Основными формами изучения дисциплины и проведения текущего и промежуточного контроля являются: лекции, практические занятия, решение задач, аналитическая работа с текстами правовых документов, тестирование. Итоговый контроль – экзамен.

Важным условием успешного изучения дисциплины является системный подход в организации учебного процесса. При изучении дисциплины следует обращать особое внимание на освоение понятийного аппарата, а также на изучение содержания юридических норм, составляющих важнейшие институты отрасли.

С этими целями, помимо изучения лекционных материалов, необходимо использование текстов правовых актов. Для глубокого и качественного усвоения материала курса, прежде всего, рекомендуется внимательно ознакомиться с рабочей программой, тематическим планом дисциплины, планами практических занятий, заданиями для самостоятельной работы, рекомендованной литературой (учебниками, учебными пособиями, хрестоматиями и научными трудами).

Аудиторная работа студента предполагает: во-первых, активную мыслительную деятельность во время посещения лекционных занятий, которые являются основной формой организации учебного процесса. Во-вторых, активное участие в проведении практических занятий. Аудиторная работа дополняется самостоятельной работой студентов с материалами лекций, подготовкой к практическим занятиям, выполнением заданий для самостоятельной работы по темам курса.

Методические указания по изучению теоретического курса

Важной формой усвоения знаний по курсу является лекция. Работа студента над лекцией состоит из трех этапов. Первый из них подготовка к лекции, т. е. самостоятельное ознакомление с материалом следующей лекции при помощи учебника и др. источников. Подобный подход существенно облегчит восприятие материала, будет способствовать более глубокому его усвоению.

Главная стадия – это прослушивание лекции. Для того чтобы усвоить основные положения лекции, запомнить ее, необходимо конспектировать излагаемый материал. Следует помнить, что конспект – это не стенографирование лекции, а сокращенная запись главного. Подзаголовки разделов лекции, новые имена и понятия, определения и наиболее важные обобщающие выводы следует записывать полностью, иначе потом их будет трудно воспроизвести. Точно также должны быть полностью воспроизведены ссылки на правовые акты и специальную литературу. Аргументация общих юридических положений, обоснования и доказательства выводов, характеристика предметов или явлений могут быть записаны сокращенно. Важно также отчетливо представить себе и воспроизвести в записи внутреннюю связь между отдельными аргументами, чтобы вся аргументация или характеристика была записана как стройное целое. Иллюстративный материал-факт, примеры, казусы можно записывать совсем кратко. В тетради, предназначенной для конспектирования лекций, следует оставлять поля с таким расчетом, чтобы после прочтения лекционного материала можно было сделать примечания, исправления, дополнения, привести примеры.

Третий этап работы студента над лекцией это своевременная работа над конспектом, которая позволит не только исправить оплошности в записях, но и прочнее усвоить материал лекции.

2. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КУРСА ЛЕКЦИЙ

Лекция №1

Тема: 1. Психологические аспекты юридической деятельности, роль и значение психологии в работе юриста. Предмет, задачи, и принципы и система психологии

1. Основные психологические категории значимые в работе юриста условия планирования юридической деятельности, группа факторов и положений .Исторические аспекты юридической психологии.

2. Основные психолого – профессиональные направления.

3. Особенности юридического мышления. Поисковая, конструктивная, организационная и коммуникативная деятельность.

4. Основные группы психолого – профессиональной деятельности. Приёмы правомерного психологического воздействия.

5. Предмет психологии. Психология как наука об общих закономерностях взаимодействия человека с внешней средой – о закономерностях психических процессов состояний, индивидуально-типологических особенностях личности и их проявлениях в различных условиях жизнедеятельности человека.

6. Задачи, методы и принципы психологии. Прикладные отрасли психологии. История развития психологии.

Лекция читается 1,5,6 вопросам

Известно, что слово «**психология**» имеет греческое происхождение (психо – душа и логос - наук) и означает науку о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности человека, которая проявляется в его отношениях с окружающими его людьми, с самим собой и с окружающим его миром в целом. Но мало кто знает, что пугающее для многих слово «психо», от которого происходят не менее пугающие и стыдные для рядового обывателя слова и понятия «псих» и «психушка», связаны с именем древнегреческой девушки Психеи, которая затмила своей красотой Богиню Любви Афродиту. Влюбившись в ее сына Эрота, Психея ради этой любви смогла преодолеть множество тяжелых испытаний, недоступных простой смертной девушки, и в итоге стала его избранницей и была возведена Зевсом в ранг Богини. Этот древнегреческий миф в символической форме возносит Силу Человеческой Любви до Божественных высот, приравнивая ее с Божественной Силой. Поэтому стремление к Любви является высшим назначением человеческого сердца и человеческой души. И идеалом высших проявлений души является Любовь. А душа, способная к беззаветной Любви, излучающая Любовь и есть «Психея». И ассоциации с страшными «психушками» здесь уже выглядят достаточно приземлено. Тем более, что и во всех сегодняшних традиционных религиях именно Любовь к Всевышнему, Себе, Своей Отчизне, Своим Близким и т.д. является высшим проявлением человеческой души. И изучать с помощью специально разработанных научных подходов то, как функционирует и проявляет себя душа в различных жизненных ситуациях – это очень интересное и увлекательное занятие. Оно не бывает скучным. Что же касается изучаемой нами юридической психологии, то этот аспект функционирования человеческой души находится в сфере действия установленных обществом законов или в сфере действия права. В связи с этим **дадим определение юридической психологии**, как науки. **Юридическая психология** – это самостоятельная отрасль психологии, занимающаяся изучением психологических закономерностей и закономерностей развития личности в сфере действия права. Являясь прикладной дисциплиной и результатом интеграции психологии в юриспруденцию, она, вместе с тем, имеет и самостоятельное значение, которое неуклонно возрастает с расширением правовой деятельности в обществе. **Предметом** юридической психологии являются различные явления психики, индивидуально-психологические особенности личности участников правоотношений, вовлеченных в сферу правоприменительной деятельности, социально-психологические закономерности этой деятельности, воздействующей на психику и поведение участвующих в ней людей. Мето-

дологическая особенность юридической психологии состоит в том, что основная ее проблема – это изучение личности как субъекта и объекта деятельности в сфере правоотношений. **Объектом** юридической психологии являются личность и социальные группы, являющиеся носителями правовых отношений, а в качестве предмета выступают психологические механизмы, обуславливающие различные формы правонарушений и поведение законопослушных граждан, работников юридического труда. **Основная задача** юридической психологии во многом совпадает с основной задачей правовой науки или юриспруденции – обеспечение правовой грамотности и компетентности, коррекционно-реабилитационной работы среди граждан. Но при этом следует указать, что наиболее востребованным ее назначением является оказание помощи юристам в повышении эффективности и качества их профессиональной деятельности. Кроме того, юридическая психология ставит перед собой следующие вполне конкретные задачи:

1. Исследование психологических механизмов, способствующих или препятствующих эффективному усвоению правовых норм.
2. Выявление психологической природы правонарушений и факторов, обуславливающих социопатогенез, с выработкой мер по их нейтрализации.
3. Разработка психологических основ уголовно-правового, гражданско-правового, административно-правового, семейного законодательства и процесса его применения, других правоотношений между людьми.
4. Исследование психологических особенностей профессий юридического труда в целом и отдельных видов правоохранительной деятельности (следователя, судьи, адвоката).
5. Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности юристов различной специализации, наиболее эффективного применения ими норм права, оказание им психокоррекционной помощи в их повседневной работе в условиях значительных нервно-психических перегрузок, разработка профессиограмм профессиональной деятельности юристов различной специализации, создание надежной системы профессионального отбора на службу в правоохранительные органы.
6. Изучение индивидуально-психологических особенностей правонарушителей и преступников.
7. Изучение механизмов преступного поведения, мотивации отдельных видов преступлений.
8. Исследование психологических механизмов исправительной системы наказания в плане эффективного исправления поведения осужденных и профилактики рецидивов повторных правонарушений.
9. Совместная с криминологами разработка мер профилактической работы, направленной на сокращение преступности в стране.

И это только самые основные и востребованные на сегодня задачи ЮП. Механизм противоправного поведения имеет сложную природу, поэтому при его изучении необходим системный подход, который предполагает комплексное использование правовых психологических дисциплин: уголовного, правового, гражданского права, криминалистики и т.д., как общая, возрастная, социальная, педагогическая, медицинская, психологии управления и общения, психиатрии. Структура юридической психологии предполагает наличие следующих направлений:

1. **Методологический.** Включает в себя предмет, задачи и методы изучения, используемые в рамках данной науки. Исторический аспект развития юридической психологии;
2. **Правовая психология** – раздел, изучающий психологические механизмы правовой социализации личности, десоциализации, приводящие к правонарушениям;
3. **Криминальная психология** – раздел, изучающий психологические особенности личности преступника, мотивацию преступного поведения, психологию преступных групп;

4. **Психология юридического труда** – раздел, изучающий психологические характеристики процессуальной деятельности, психологические основы судопроизводства и других видов деятельности работников правоохранительных органов;

5. Проблемы судебной психологической экспертизы;

6. **Психология осужденных** (пенитенциарная психология), изучающая особенности личности осужденных, психологические основы их реабилитации, методы психолого-педагогического воздействия на них, с целью коррекции поведения и последующей адаптации.

Методы юридической психологии Основными методами, которые используются юридической психологией – это различные методы беседы и опроса, методы обобщения и анализа материалов дела и независимых характеристик, структурного и структурно-генетического анализа, биографический метод, психодиагностические методы, методы наблюдения и эксперимента, изучения результатов деятельности личности, метод изучения отдельного случая. В частности, **беседа** строится на доверительном общении с исследованным лицом при помощи непрямых, косвенных вопросов, через которые формируются общие личностно-значимые точки соприкосновения, что делает **опрос** более эффективным и затрудняет возможность формирования лживых умозаключений и высказываний. В целом, **метод опроса** – это сбор первичных данных, на основе вербальной коммуникации. При соблюдении определенных правил он позволяет получить надежную информацию о событиях прошлого и настоящего, о субъективных состояниях личности. Используемые психологами и следователями методы опроса имеют некоторые различия по форме и характеру их организации. Так, они могут проводиться устно или письменно, индивидуально или в группе, один раз или многократно. Вопросы могут формулироваться в прямой форме (ответ следует понимать в том же смысле, как его понимает опрашиваемый) и косвенный (ответ предполагает расшифровку в ином, скрытом от отвечающего смысле). Они могут иметь открытый (призывающий к подробному описанию предметов и явлений) или закрытый (конкретика типа «да» или «нет») характер. При опросе важен грамотный баланс открытых и закрытых вопросов, что повышает эффективность в получении нужной информации. Этому можно быстро научиться и закрепить в работе. Методы **наблюдения** может быть **внешними (сторонними), внутренним (включенными) и самонаблюдением**. **Внешнее наблюдение** ведет экспериментатор. Он описывает внешность личности, ее изменения, двигательные и эмоциональные реакции, поведение. Для регистрации наблюдения могут использоваться технические средства: запись речи на магнитофон, применение фотосъемки и киносъемки. Но в условиях предварительного следствия и судебного разбирательства технические средства могут быть применимы только в рамках процессуального закона, здесь есть определенные ограничения по использованию оперативной информации. Но данные, получаемые в ходе наблюдения за поведением обследуемого при допросах, очных ставках, следственном эксперименте могут помочь в судебном заседании более четко определить устойчивые личностные свойства, особенности привычного реагирования в кризисных ситуациях. **Внешнее наблюдение** может быть и опосредованным в том случае, когда анализ и выводы по результатам наблюдения делает лицо не участвующее в наблюдении. В таком виде наблюдения большое значение приобретает тщательность фиксации и объективность результатов наблюдения. Это достигается использованием технических средств видео- и звукозаписи. **Включенное наблюдение** используется при изучении закрытых «социальных групп», когда исследователь входит в социальную ситуацию в качестве ее участника, скрывая истинные мотивы своего поведения. Достоинством этого метода является изучение и различных аспектов жизнедеятельности закрытых социальных групп. Но у этого метода есть и свои опасные стороны (внедрение в преступную группу, в тюремную камеру). **Самонаблюдение (интроспекция)** – метод субъективного наблюдения за своим поведением, состоянием и последующий анализ. Основной недостаток этого метода - субъективность полученных данных, зависящих от личностных особенностей наблюдателя, его направленности и теоретической подготовленности.

сти и т.д. **Эксперимент.** Экспериментальные методы сыграли огромную роль в преобразовании психологических знаний. На основе экспериментальных данных психология выделилась из философии и сформировалась как самостоятельная наука. В середине прошлого века в физиологических лабораториях исследовались элементарные психические функции – ощущения, восприятия. Одним из первых такую лабораторию основал Вундт в Лейпциге. С.С. Корсаков по поводу В. Вундта заметил, что ему удалось сделать значительный шаг в психологию потому, что он был физиологом. У Вундта учились многие специалисты, которые приезжали из других стран, а затем возвращались на родину и там открывали экспериментально-психологические лаборатории. Экспериментальный метод необходим при исследовании причинно-следственных связей между психическими явлениями. При проведении существуют определенные этапы. Сначала идет **формулировка проблемы**, затем разрабатывается **методика**. Планируется сам **эксперимент**. Исследователь проводит серию опытов и фиксирует количественные характеристики, которые затем анализируются, подвергаются математической обработке. Специфика эксперимента как метода психологического исследования заключается в том, что в нем целенаправленно и продуманно создается ситуация, в которой изучаемое свойство выделяется, проявляется и оценивается лучше всего. Кроме того, он позволяет надежнее, чем все остальные методы делать выводы о причинно-следственных связях исследуемого явления с другими феноменами, научно объяснять происхождение явления и его развитие. **Имеются три основные разновидности эксперимента: естественный, ассоциативный и лабораторный.** Друг от друга они отличаются тем, что позволяют изучать психические явления в условиях, более отдаленных или приближенных к действительности. **Естественный** научный эксперимент организуется и проводится в жизненных условиях, где экспериментатор создав необходимые условия практически не вмешиваются в ход происходящих событий, фиксируя их в том виде, как они разворачиваются сами по себе. Лабораторный эксперимент предполагает создание некоторой искусственной ситуации, в которой изучаемое свойство можно лучше всего изучить. **Третья разновидность эксперимента – ассоциативный эксперимент.** Раньше он назывался именно так. А сегодня чаще его называют детектором лжи. Суть его состоит в том, что испытуемому предлагается на каждое предъявленное слово ответить первым словом, которое придет в голову. Образовывающиеся при этом ассоциации анализировались психологами и с известной долей вероятности могли указывать на причастность лица в совершенному правонарушению. В 30-х годах XX века наш соотечественник А.Р. Лурия усовершенствовал этот эксперимент, введя с названием слова-ассоциации и необходимость исследования соответствующей мышечной реакции, даже минимального движения, которое фиксировалось на экране. Позже сюда подключился анализ изменения частоты и глубины дыхания, частоты сердечных сокращений - пульса, изменении влажности кожных покровов. В итоге этот усовершенствованный метод явился прообразом современного детектора лжи, полиграфа, нашедшего самое широкое применение в следственной и судебной практике. Такая аппаратура сегодня есть на службе не только у следователей развитых зарубежных стран, но и практически во всех крупных подразделениях нашей отечественной следственной системы. В последние годы в рамках психологии интенсивно развивается **психодиагностика**, которая определяется как область психологической науки, разрабатывающая методы выявления и измерения индивидуально-психологических особенностей личности. Психодиагностические методы достаточно быстро и надежно обеспечивает сбор данных, на основе которого и может быть сформулировано заключение о выраженности психофизиологических особенностей одного испытуемого или групп. Данные психодиагностических методик послужили основой применения в судебном процессе психологической экспертизы. Основным методом в психодиагностике является **тест** (от англ. TEST – опыт, проба), использующий стандартизованные вопросы и задачи (тесты) имеющие определенную шкалу значений. Говоря об истории этого метода, следует вспомнить английского ученого Френсис а Гальтона (1822 – 1911), который в конце 19 века изобрел первые такие тесты и провел научно обоснован-

ные испытания тестированием. В своей лаборатории в Лондоне за небольшую плату он тестировал всех желающих, стремившихся определить свои физические и психологические способности. Поэтому Гальтона называют первым в мире практикующим психологом. Свои методы исследования он назвал словом «тест», которое широко вошло в современный психологический лексикон. Настоящую популярность тесты получили после опубликования в 1908г. французским психологом А. Бине, Т. Симоном шкалы умственного развития для детей и школьников. Эти тесты стали очень популярны в Германии, России и США. Бине искал психологические средства, с помощью которых удалось бы отделить детей способных, но ленивых, от тех, кто страдал врожденными дефектами. Экспериментальные задания А.Бине превратил в тесты, установив шкалу, где каждое деление содержало задание, выполнимое нормальными детьми определенного возраста. В Германии Вильям Штерн (1871 – 1938) ввел понятие «коэффициент интеллекта» (англ. «Ай-Кью»). Этот коэффициент соотносил «умственный» возраст, определяемый по шкале Бине, с биологическим возрастом. Если коэффициент был меньше единицы, то это свидетельствовало либо о задержке умственного развития, когда умственный возраст ниже биологического, либо об одаренности, если умственный возраст был выше единицы. В зависимости от способа предъявления материала и вспомогательных средств выделяют различные **типы тестов: тесты, выполняемые индивидуально и группой; устно и письменно, вербально и не вербально.** Вербальные – это тесты, осуществляемые в словесно-логической форме. Невербальные тесты, представленные чертежами, графиками, картинками, рисунками, отражают те или иные предметы или их свойства или изучаемые явления. При этом анализируется эмоциональное и личностное отношение исследуемого к предъявляемым материалам. Различают тесты, изучающие особенности внимания, памяти, мышления, интеллекта, способности и достижения, а также психологические свойства личности. При проведении психологической экспертизы психологи-эксперты довольно часто используют проективные тесты, которые рассматриваются как приемы опосредованного изучения личности, в ответах которой проявляются и индивидуальные особенности (установки, отношения) и эмоциональные состояния. Наиболее распространен и апробирован проективными тестами являются: тест Роршаха, ТАТ, Розенцвейга, «незаконченные предложения», цветовой тест Люшера и т.д. Если в качестве испытуемого выступают психотравмированные личности или дети, психологи используют рисуночные тесты: «Дом, дерево, человек», «Моя семья», «Несуществующее животное» и т.д. Такой подход оправдан при проведении допроса у несовершеннолетними, если пережитая ими ситуация их психотравмирует. Например, девочка, как показал опыт психотерапии, которая подверглась сексуальному насилию со стороны пьяного отца, была не в состоянии отвечать на прямые вопросы следователя. В психиатрической практике это далеко нередкий случай. По мировой статистике известно, что каждый двадцатый современный ребенок подвергается или подвергался тем или иным формам сексуального насилия со стороны близких родственников (П.С. Гуревич). Вполне понятно, что нельзя вести с ребенком разговор на эту тему напрямую. Это может не только травмировать девочку, но даже разрушить весь процесс психотерапии. Вот здесь и приходят на помощь рисуночные тесты, другие психологические методы. И через них в игровой манере можно получить нужную информацию, которая в дальнейшем может послужить более эффективному дознанию. **Метод изучения продуктов деятельности** (рисунков, лепки из пластилина, выжигание, выпиливание и т.п.) широко используется в психологии для изучения личностных особенностей. Психология использует также **статистические методы**, позволяющие математически обработать результаты исследований. Статистические методы позволяют установить определенные зависимости между наблюдаемыми переменными. Все психологические методы могут быть разделены на две группы: методики **высокого уровня формализации и малоформализованные (проективные, рисуночные).** В диагностическом обследовании необходимо сочетание формализованных методик и малоформализованных. Использование малоформализованных методов требует высокого профессионализма, поскольку дают ре-

зультаты, мало зависящие от личности психолога. **Малоформализованные** методы дают возможность познакомиться с биографией человека и его жизненными ценностями, удовлетворенностью своим местом и ролью в коллективе. При проведении следственной работы широко используется метод направленной беседы. В ходе нее уточняются особенности поведения посягателя в интересующий период. Прицельно выясняются его отношение к тем или иным сторонам жизни, моментам криминального события, ощущения, оценки, детализируются биографические сведения. Беседа может стать и своеобразным приемом прояснения уровня психического развития, осведомленности о разных сторонах жизни, способом выявления некоторых характерологических и личностных свойств. Под понятием «**документальный источник**» понимаются материалы уголовного дела, дневники, фотографии, записи на киноплёнке, материалы средств массовой информации. Психологический анализ документов уголовного дела помогает определить психические закономерности, принятые во внимание при производстве ряда следственных действий, мотивацию решения судьи, вынесшего то или другое постановление. **В психологическом изучении противоправных действий психологический анализ материалов уголовного дела является центральным приемом.** Остальные методы используются как дополнительные для проверки психологических гипотез, возникающих у следователя. С помощью анализа материалов уголовного дела получают сведения о поведении лица в ситуации преступления, до и после его совершения, о динамике развития ситуации. Уголовное дело может содержать информацию о содержательной и структурной стороне ведущих личностных мотивов, проследить процесс формирования мотивационной сферы, ретроспективно восстановить эмоциональное состояние преступника, понять его отношение к происходящему. К таким сведениям относятся данные о самоощущении, внешнем виде, даваемые человеку характеристики и пр. Особое место в изучении личности занимает графология – наука, ставящая своей целью определение индивидуальных свойств личности по особенностям почерка. По почерку можно определить пол человека, уровень образования, эмоциональное состояние, нарушения психики и т.д. В рамках проводимых в судебной и криминальной психологии используют биографический метод изучения личности подозреваемого, обвиняемого, осужденного, хотя эта схема изучения личности может относиться к любому объекту психологического исследования.

Изучение личности биографическим методом включает:

1. Социально-демографические данные;
2. Уголовно-правовые данные;
3. Медицинские данные: состояние физического и психического здоровья;
4. Внешние (физические) данные: лицо; рост; вес и телосложение; голос;
5. Жизненный путь: родители, детство, школа, учебные заведения;
6. Образ жизни: семья, профессия, специальность;
7. Нравственно-правовое поведение в кризисных ситуациях;
8. Способности: интеллектуальные (склонность к фантазированию, реалистичность, бедность воображения); специальные способности;

Опрос несовершеннолетних лиц с отклоняющимся поведением и малолетних преступников необходимо проводить по следующей схеме (А.Е. Личко):

1. Учеба – причина неуспеха, отношение с учителями и соучениками; нарушения дисциплины и чем они вызваны;
2. Планы на будущее, соотносить желаемое и возможное;
3. Отношения со сверстниками – наличие близкого друга или компании приятеля, положение среди товарищей;
4. Увеличение в настоящем и прошлом;
5. Отношение с родителями и внутрисемейные отношения – состав семьи, кто из ее членов занимает воспитанием и с кем в семье подросток наиболее близок;
6. Нарушения поведения в прошлом – прогулы, мелкое хулиганство, побеги из дома, состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних и почему;

7. Наиболее тяжелые события в прошлой жизни и реакция подростка на них;
8. Перенесенные соматические заболевания, возможные черепно-мозговые травмы, особенно легкие, которые могли остаться неизвестными родителям (драки, занятия спортом и т.п.)

9. Сексуальные проблемы. Необходимо предупредить также, что все сообщаемые подростками сведения не будут переданы ни родителям, ни другим лицам без согласия подростка.

Исследование заканчивается составлением психологической характеристики личности. Составление характеристики помогает ориентироваться в собранном материале, способствует выявлению и устранению имеющихся противоречий, позволяет устанавливать социально-психологические причины совершенного преступления (если изучаемое лицо – обвиняемый). Кроме этого, в юридической психологии по мере необходимости могут быть использованы практически все методы, присущие общей и социальной психологии. Но существуют и сугубо **специальные методы**, которые не встречаются в других отраслях психологических знаний. К их числу можно отнести следующие:

1. Метод составления психологического портрета преступника.
2. Метод психологического анализа уголовного дела и составления рекомендаций следственно-оперативным работникам.
3. Метод судебно-психологической экспертизы (не путать с медицинской СПЭ).
4. Метод «следственного» или «розыскного» гипноза (используется ограничено).
5. Метод выявления скрываемых обстоятельств, лжесвидетельства и др.

Все указанные выше методы вооружают юристов эффективным оружием в сфере раскрытия и расследования преступлений.

Краткий исторический очерк развития юридической психологии.

Юридическая психология имеет длительный исторический путь развития научного знания, объясняющего причины преступности и намечающего научно обоснованные подходы к решению данной социальной проблемы. В развитии ЮП можно условно выделить несколько основных этапов:

1. **Ранняя история ЮП – XVIII в. – первая половина XIX в.**
2. **Становление ЮП как науки – конец XIX в. - начало XX в.**
3. **Создание ЮП в начале XX столетия, когда в ее основу были положены концептуальные научные психологические теории.**
4. **Новая и новейшая история ЮП XX – XXI вв.**
5. **Особенности развития ЮП в России в рамках проблемных этапов создания демократического правового государства (особый этап развития отечественной ЮП).**

1. На заре человеческой цивилизации основным средством борьбы с преступностью и предупреждения нарушений норм морали, права, социальных запретов, табу, религиозных догм были жестокие публичные казни (сжигание, повешение, четвертование и т.д.). Страх жестокого наказания выступал как основной, но безуспешный, метод предупреждения преступности. А в превентивной и профилактической работе с преступностью традиционную роль играли различные религиозные культы и конфессии, их институты исповеди, раскаяния, отпущения грехов, воспитательные проповеди, заимствованные из священных писаний. Надо сказать, что этот институт успешно работает и сегодня, а в современной России в эпоху возрождения духовности приобретает еще большее значение. Однако, первые документально подтверждаемые ростки юридической психологии мы можем обнаружить в античном периоде в трудах древнегреческих философов, таких как Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и другие (5-4 вв. до н.э.). В частности, именно **Демокрит** впервые размышлял и писал о сущности законоисполнительного поведения, подчеркивая, что Закон необходим тем и направлен против тех, кто в силу нравственных и умственных пороков добровольно не побуждается к добродетели внутренних влечений: «...Тот, кто воздерживается от несправедливости, только подчиняясь закону, будет, вероятно, грешить в тайне; тот же, кого побуждают поступать должным образом его убеждения, вряд ли станет

делать что-нибудь неподобающее, все равно тайно или явно». **Сократ** в своих трудах также много писал о противоречивой природе человеческого поведения и необходимости совпадения справедливого, разумного и законного. Его идеи были удачно развиты Платоном и Аристотелем. В частности, **Платон** впервые описал два различных психологических явления, которые лежат в развитии общества, - это **потребности и способности людей**. По Платону, закон должен отвечать потребностям общества, а организация общества должна быть осуществлена в соответствии со способностями его членов. В своем труде «Государство» Платон описывает три особенности человеческой души (разум, ярость, вожделиние) и соответствующие им три начала государственного устройства (совещательное, защитное и деловое), которое реализуется правителями, воинами и производителями. При этом, социальная справедливость, согласно Платону, состоит в том, чтобы каждое сословие занималось своим делом и находилось в иерархической соподчиненности. И это не противоречит выделяемым им 5 видам государственного устройства: аристократическое, тимократическое, олигархическое, демократическое и тираническое, которые связываются Платоном с пятью разновидностями психического склада людей. Но любое государство может погибнуть из-за недостатков, присущих тому или иному психическому складу правителей, стоящих у власти. Так тиранию может погубить безудержный произвол и насилие, а демократию – «опьянение свободой в неразбавленном виде». Поэтому он призывает проводить кандидатам на власть проверку правомерности их душевных качеств и устремлений – «докимасию». В своем труде «Законы» Платон подчеркивает, что справедливые законы – это не только определения разума, но и такие законы, которые обеспечивают общее благо всех граждан. Законы, по Платону, - основное средство совершенствования человека. Его ученик и последователь **Аристотель** считал, что человек – существо, не просто социальное, но и политическое, и только в политическом общении завершается его сущностное развитие. Право было разделено Аристотелем на естественное и волеустановленное. Естественное право обусловлено всеобщей природой вещей, везде и всегда оно имеет одинаковое значение. Качество закона определяется тем, насколько он соответствует естеству. Закон, основанный только на насилии, не является правовым законом. Политическое правление по Платону – это правление правового закона, а не отделение взятых людей. Люди, по Платону подвержены чувствам, закон – уравновешенный разум. Немало философско-психологических размышлений содержится и в Римском праве, но детальная проработка этого направления была продолжена значительно позже. В раннем Средневековье в начальный период «церковной гегемонии в Европе» идеи зарождающейся юридической психологии активно развивал крупнейший философ и идеолог того периода **Аврелий Августин** (4 в. н.э.). В своем трактате «О свободной воле», принижающем в современном понятии человеческое достоинство, он провозглашает тезис: «Человек, живущий по человеку, а не по Богу, подобен дьяволу», «Всякая неупорядоченная душа сама по себе несет свое наказание». И, как становится вполне понятным, высшим мерилom права этого исторического периода является Закон Божий, а психологические аспекты этого права связаны лишь с одной религиозной идеологией. В этот период вновь наблюдается расцвет жестоких пыток и казней, карательных акций инквизиции. У невиновных людей под пытками добиваются признаний в совершении несовершенных ими преступлений, признаний о связи с дьяволом. Таких сотнями казнят, вешают, сжигают на кострах. И все это длится несколько столетий. И тут уж не до гуманности, не до психологической науки и не до тщательных судебных разбирательств. Первые работы по использованию психологических знаний в уголовном судопроизводстве относятся к XVIII веку и имеют четкую гуманистическую направленность. Начиная с XVIII столетия, в цивилизованном общественном сознании возникает заметный перелом в сторону решительного осуждения публичных физических наказаний и казней. Особенно горячее осуждение подобные методы борьбы с преступностью нашли у французских просветителей: **Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Канта** и др. Широкую известность в Европе получила активная, обличительная деятельность Вольтера, разоблачавшего жестокость и несправедли-

вость феодального правосудия. Вольтер в печати показывает поспешность и несправедливость совершившейся казни, посмертно реабилитирует публично четвертованного Каласа, обвиняемого якобы в убийстве сына. Такому относительно свободному несогласию с действиями феодалов и безучастности высшей власти страны, конечно же, способствовали новые революционные идеи, порожденные французской революцией. В это время вновь возрождается античная человековедческая направленность правового мировоззрения. Так выдающийся юрист и мыслитель эпохи Просвещения **Шарль Луи Монтескье** считал, что «духом законов» является рационалистическая природа человека, что каждый частный закон зависит от другого, более общего закона. К таким естественным общим законам он относил стремление к миру, желание жить в человеческом обществе, где за счет соединения доброй воли отдельных людей образуется гражданское состояние общества, в котором главным основным законом является справедливость. Поэтому политические и гражданские законы призваны реализовать справедливость. В 1764 г. вышла небольшая брошюра последователя Монтескье итальянского юриста **Чезаре Беккариа** «О преступлениях и наказаниях», которая затем выдержала 60 изданий на многих языках мира. Изложенные в ней идеи произвели переворот в практике уголовного права. В частности, он впервые провозгласил, что эффективность наказания зависит не от его жестокости, а от неотвратимости и быстроты исполнения и то, что человек должен признаваться невиновным, пока суд не вынесет ему обвинительный приговор. В 1776 г. в Декларации независимости Соединенных Штатов были сформулированы основные положения общечеловеческой идеологии нового времени: все люди сотворены, и все они одарены Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами: правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для обеспечения этих самых важных человеческих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, более всего будут способствовать его безопасности и счастья. В 1789 г. после победы Великой французской революции была принята Декларация прав человека и гражданина. В первой статье этого исторического документа было провозглашено: люди рождены и остаются свободными и равными в правах. А свобода состоит в возможности любой жизнедеятельной активности, не приносящей вреда другому. Границы свободы лимитируются законом. Все, что не запрещено законом, - дозволено. А с начала XIX века в странах Европы происходит заметное смягчение карательных мер и пыток, полный отказ от публичных казней и экзекуций. Однако попытки прибегать к полным мерам наказаний отмечаются в отдельных случаях вплоть до начала XX века. И это происходит на фоне прогрессивных буржуазных изменений в Европе и начатых с периода отмены крепостного права реформ в России. В конце XIX века развитие наук о природе общественных явлений, порождает стремление разобратся в причинах преступности, научно обосновать деятельность социальных институтов, занимающихся ее предупреждением. Начинает складываться новый подход к решению данной проблемы, основной сутью которого является стремление вскрыть причины преступного поведения и на их основе составить программу практической деятельности по борьбе с преступлениями и преступностью. В России в XVIII веке господствовал розыскной (инквизиционный) процесс, который не нуждался в научных знаниях, тем более психологических. Уголовное судопроизводство было основано на тайном письменном процессе (досье), на стремлении получить признание любой ценой, с помощью самых изощренных пыток («Дыба»). Устраивались так называемые «следственные эксперименты», когда подозреваемого или обвиняемого вводили в слабо освещенную комнату, где лежал труп убитого, и у трупа торжественно увещевали обвиняемого сказать правду, рассчитывая на то, что потрясенный виновник выдаст себя...». О поведении подсудимого составлялся подробный протокол, где обращалось внимание на эмоции, жесты, мимику подсудимого. Монография нашего соотечественника И.Т. Посошкова (1652 – 1726) «Кни-

га о скудости и богатстве» содержит теоретические рекомендации ведения следствия на основе обобщения приемов допроса обвиняемых и свидетелей. Первые базовые работы об использовании психологических познаний в уголовном судопроизводстве стали появляться в Германии в конце XVIII века. В частности, в 1792 году появились работы К. Экартсгаузенна и И. Шауманна, в которых была сделана попытка более глубокого психологического рассмотрения некоторых уголовно-правовых понятий, а также личности преступника. Чуть позже, в 1808 году вышла работа И. Гофбауэра «Психология в ее основных приложениях к судебной жизни», а в 1835 году – работа И. Фридриха «Систематическое руководство по судебной психологии», в которой также рассматривались психологические аспекты личности преступника, уголовного делопроизводства, делалась попытка использовать данные психологии в расследовании преступника. Во второй половине века под влиянием бурного развития экспериментальной (измерительной) психологии стала развиваться довольно интенсивно криминальная психология. Заметную роль в этом сыграли труды Ч. Ломброзо, создателя биологического направления в изучении личности преступника. Книга, вышедшая в 1879г. «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюремоведения», принесла Ч. Ломброзо всемирную известность. Чезаре Ломброзо (1835 – 1909) тюремный врач и психиатр в 1876г. предпринял обширные исследования строения черепов преступников, содержащихся в тюрьмах и психиатрических клиниках. Он рассматривал преступников как атавистическое явление, шаг назад на пути эволюции. На основании исследований был сделан вывод о том, что преступниками не становятся, - преступниками рождаются и, что преступление – естественное явление, подобное рождению или смерти. В начале XX в. предмет криминальной психологии получил свое окончательное оформление в капитальном труде основоположника криминалистики Ганса Гросса «Криминальная психология» (1905г.), где Гросс рассматривает судебную психологию, как прикладную отрасль общей психологии. При этом он подчеркивал: «Чтобы знать правила, которые руководят психическими процессами в судебной деятельности, требуется особая отрасль прикладной психологии. Эта последняя занимается всеми психологическими факторами, которые могут идти в расчет при установлении и обсуждении преступления». Не менее важный вклад в развитие Юридической психологии внесли обширные исследования П. Кауфмана, опубликованные в его работе «Психология преступности» (1912г.) и Ф. Вульфена - работа «Психология преступника» (1926г.). В целом развитие мировой ЮП шло по следующим основным направлениям:

Первое направление: развитие судебной и криминальной психологии. В начале XX века предмет криминальной психологии получил окончательное завершение в трудах Г. Гросса «Криминальная психология» (1905), обширного исследования К. Кауфмана «Психология преступности» (1912), Ф. Вульфена «Психология преступника» (1926).

Вторым направлением юридической психологии является разработка **проблем свидетельских показаний.**

Третьим направлением работ по юридической психологии стала разработка методов психологической диагностики.

Четвертым направлением явилась разработка и использование психологической экспертизы, которая базировалась на данных экспериментальных исследований в области свидетельских показаний. В этом направлении много работал К. Марбе. В 1926г. он опубликовал монографию «Психолог как эксперт в уголовных и гражданских делах», а Штерн и Клапаред сами выступали в судах в качестве экспертов.

Пятым направлением развития юридической психологии явилось выделение из психологии труда («психотехники») – раздела, посвященного психологическому изучению следственно-судебной деятельности как профессии, разработка профессиограмм следователя, судьи. И здесь огромную роль в разработке основ профессионального отбора юристов сыграла работа Г. Мюнстерберга «Основы психотехники» (1914), в которой был специальный раздел, посвященный использованию психологии в праве и профотбору. Подытоживая историю становления ЮП как науки, следует назвать нескольких видных уче-

ных и их основные труды, которые внесли большой вклад в ее мировую историю. Это «Основы психологии для юристов» немецкого ученого-юриста М. Липпмана (1914), «Психология и преступность» бельгийского криминалиста и психиатра Р. Луважа (1956), «Правовая и криминальная психология» американского ученого-криминалиста и психолога Г. Тоха (1961), «Криминальная психология» американского юриста и психолога Д. Абрахамсена (1967), «Психология наказания и исправления» англичанина Н. Джонстона (1970), «Психология преступности и уголовного правосудия» американского ученого-юриста и психолога Г. Тосба (1979). Развитие юридической психологии в России имеет более сложную и противоречивую историю, особенно в XX столетии, где она повторяет достаточно трагический путь развития психологии в СССР, и условно подразделяется на несколько периодов:

1. Развитие юридической психологии в России в начале века (до 1917 года);

2. Период развития советской юридической психологии (до 1991 года);

3. Постсоветский период развития ЮП (с 1991 года по настоящее время).

Помимо упомянутой выше монографии И.Г. Посошкова «О скудости и богатстве», где он впервые еще в XVIII веке психологически грамотно объяснил, как детализировать показания лжесвидетелей, чтобы получить обширный материал для их изобличения, в догоняющей Европу России появилось немало передовых идей по реформированию отсталой судебной системы и интеграции в нее психологических знаний. В этот период немало прогрессивных мыслей по судебной психологии можно найти в работах известного отечественного просветителя и историка В.Н. Татищева (1686-1750 гг.), автора «Истории Российской с наидревнейших времен». В частности, он считал, что законы часто нарушаются по незнанию, поэтому их необходимо изучать с детства, пока психика ребенка к этому очень восприимчива. Князь М.М. Щербатов (1733-1790 гг.), не менее известный отечественный историк и философ, автор «Истории Российской с древних времен» указывал на необходимость знания законодателем «человеческого сердца» (доброй человеческой души) и создания законов с учетом этой психологии народа. Именно он одним из первых поднял вопрос о возможности досрочного освобождения исправившегося преступника и необходимости привлекать содержащихся в тюрьмах лиц к работам, он весьма положительно оценивал фактор труда в перевоспитании преступников. Он рассмотрел ряд судебно-психологических аспектов правосудия с позиций набирающих силу идей гуманизма. В своих трудах он требовал, чтобы законы разрабатывались с учетом индивидуальных особенностей личности человека, одним из первых поднял вопрос об условно-досрочном освобождении от наказания. Первый русский философ-материалист А.Н. Радищев (1749-1802 гг.), автор «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности», значительное внимание уделял изучению социальных корней преступности, разработал программу их криминалистического и психологического анализа. В трактате «О законоположении» он выделил показатели, характеризующие как виды преступлений, так и лиц, их совершивших, а также мотивы и причины совершаемых преступлений, предложил меры предупреждения преступлений, основываясь на показателях психологии преступника. Кроме этого, в начале XIX века в Московском университете накануне войны с Наполеоном (1806 – 1812 гг.) вводится и читается специальный курс «Уголовной психологии», который становится востребованным новым поколением российских юристов. В 1915 году выходит работа известного отечественного философа-просветителя П.Д. Лодий «Логические наставления, направленные на познания и различение истинного и ошибочного, где автор пытается обосновать уголовно-правовые понятия с помощью психологии. В частности, он признавал лишь те наказания, которые пригодны как средства психологического принуждения, считал, что наказание должно соответствовать «духу преступления». Более интенсивное развитие юридической психологии в начале XIX века связано со стремлением прогрессивных ученых и общественных деятелей решать уголовно-правовые проблемы с привлечением новой науки – психологии и психологических данных. Эту позицию занимали, в частности, учителя А.С. Пушкина в Царскосельском лицее А.П. Куницын и А.И.

Галич. А.П. Куницын считал, что целью наказания должно быть исправление и перевоспитание преступников, а также предупреждение преступлений. Он изложил свои прогрессивные и гуманные взгляды в специальном трактате «Право естественное», который позже был официально запрещен и сожжен. Но его прогрессивные идеи продолжали жить в умах его учеников и сподвижников. В частности, А.И. Галич, написавший одну из самых ранних в России работ по характерологии, указывал, что судить преступника должны те, кто знает его психологию, характер, т.е. считал, что судья должен быть одновременно и психологом. Распространение идеи исправления и перевоспитания преступника заставило право обратиться к психологии для научного обоснования этих проблем. Над их решением в этот период активно работали такие ученые-просветители и юристы, как В.К. Елпатьевский, П.Д. Лодий, Л.С. Гордиенко, Хр. Штельцер (который и читал курс «Уголовной психологии» в Московском университете), Ф.В. Ушаков, который в трактате «О праве и цели наказания» раскрывал психологические условия воздействия на преступника наказания, считая главным в этом процессе приведение преступника к истинному раскаянию. А проведенные в России реформы 60-х годов XIX века создали объективные предпосылки для более основательного становления юридической психологии. В 1874г. в Казани выходит первая полноправная монография по судебной психологии – «Очерки судебной психологии» психиатра А.А. Фрезе. В этот же период в России выходит еще несколько важных работ по юридической психологии: «Взгляд на науку уголовного законодательства» И.С. Баршева, «Мысли об уголовной юстиции с точки зрения психологии и физиологии» К.Я. Яновича-Яневского, «Психические особенности преступников по новейшим исследованиям» Л.Е. Владимирова, работы Д.А. Дриля и другие. В XX столетии развитие судебной психологии в России движется по нескольким направлениям, где основное внимание уделяется криминальной психологии. В этом испытывалось мощное влияние ломброзианства, которое стало модным в Европе. В это время были изданы две важные одноименные монографии: В.П. Сербского и П.И. Ковалевского «Судебная психология» (1890), которые явились важным научным обобщением достижений ЮП на заре 20 столетия. Но в России в начале 20 столетия все еще использовались публичные смертные казни. В связи с чем, в 1905 г. известный русский психиатр И.А. Сикорский публикует гневную статью о смертной казни. Она так и называлась «Чувства, испытываемые зрителем при виде смертной казни». В ней он пишет, что «как бы ни тяжелы были прегрешения преступника, но вид казни, последних минут приговоренного, его прощанья с жизнью, не может не вызвать у нормального человека ничего, кроме сострадания и сильнейшего душевного потрясения». Прогрессивно настроенные общественные деятели Европы и России пишут о недопустимости кровавых зрелищ в цивилизованном обществе. В 1907 г. В.М. Бехтерев создает в С-Пб. Первый Научно-учебный психоневрологический центр, где читается курс «Судебная психология», дается классификация преступников по **психологическим признакам**:

- преступники по страсти (импульсивные, порывистые);
- преступник с недостаточной развитостью нравственной сферы (хладнокровные, совершающие преступления преднамеренно);
- преступники с недостатком интеллекта;
- преступники с ослабленной волей (ленивые, алкоголики и т.д.).

Интерес русских юристов к углубленному исследованию психологии участников уголовного судопроизводства приводит к использованию психодиагностических методик для проведения судебно-психологических экспертиз. Выдающиеся русские юристы А.Ф. Кони, Плеве были знатоками в области психологии, блестяще использовали психологическую эрудицию в судебных речах. Они внесли неоценимый вклад в становление и развитие ЮП и судебной этики. А.Ф. Кони опубликовал ряд работ «Свидетели на суде» (1909) «Память и внимание» (1922), в курсе лекции «О преступных типах», где уделял огромное внимание психологическим аспектам судебной и юридической деятельности. В классификации преступных личностей работает С.В. Познышев, который обобщает результаты

своей деятельности и в 1926 публикует труд «Криминальная психология. Преступные типы». М.Н. Гернет в 1925 году публикует работу «В тюрьме. Очерки тюремной психологии», в которой были обобщены результаты наблюдений за поведением осужденных, анализ их психических особенностей. В те же годы в Москве и на Украине были переведены и изданы труды западных ученых: Г. Гросса, О.Липпмана, Э.Штерна, М.Геринга, Г.Мюнстерберга, А.Гельвина. Острым и своеобразным был период развития советской психологии. Здесь следует также выделить несколько этапов: **Первый этап: 1917 – 1936г.г.** Главной особенностью этого времени был небывалый расцвет психологической науки, разнообразие подходов к изучению психологии человека во всех сферах жизнедеятельности. Другой отличительной чертой этого времени было интенсивное развитие психологических теорий, огромный интерес к практическим исследованиям. Третьей особенностью этого периода была ориентация на создание методологической концепции советской психологии основанной на марксизме. Различные направления юридической психологии и превентивной работы, имевшие место в 20 – 30-е годы. Опирались на традиции русской дореволюционной науки, которая в самых различных отраслях знания: медицине, юриспруденции, психологии, педагогике – носила глубоко гуманистический, социально-ориентированный характер. Для этого периода характерно внедрение психологической науки в практику. Во всех звеньях системы народного образования (начиная от дошкольного и заканчивая высшей школой) работают психологи. Создаются психологические службы в органах народного образования. В общей системе наук психология синтезирует достижения ряда других наук и является, по выражению Б.Ф. Ломова, интегратором тех научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Под руководством Л.С. Выготского и группы его соратников – А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Н.Г. Морозова, Л.С. Славина создается институт психологии АН СССР, в котором формируется школа, превратившаяся в одну из самых больших и влиятельных школ в советской и мировой психологии. На этом благоприятном фоне в 20-е 30-е годы в СССР успешно развивались и разрабатывались проблемы юридической психологии. В первые годы после революции и гражданской войны в 1925 организуется первый в мире Государственный институт по изучению преступника и преступности. Открываются лаборатории по изучению этого направления в Харькове, Ленинграде, Одессе, Минске, Баку, и т.д. Исследуются причины преступности, ее динамика и анализ географической распространенности. Уже в 20-е годы были проведены исследования структуры динамики, географии преступности, алкоголизма, беспризорности (А.А. Герцензом, М.Н. Гернет, К. Сотонин). В 1925 г. вышла важная работа А.Я.Канторовича «Психология свидетельских показаний», в 1927 г. – интересные и практически значимые для юристов работы Н.Гладышева «Наша нормальная неправдивость», «Рефлексология свидетельских показаний». Широкое распространение психотехнической проблематики в стране приводит к появлению ряда исследований по изучению психологических особенностей юриста, разработке профессиограм следователя. В государственном институте по изучению преступлений и преступников изучались не только психологические особенности данных проблем, но и успешно развивалось направление социальной и коррекционно-реабилитационной работы. Талантливые педагоги, А.С. Макаренко и С.Т. Шацкий, своими работами заложили и развили основные принципы и методы социальной работы с трудновоспитуемыми детьми и подростками. Это же время отмечается становлением и развитием системы социально-правовой охраны материнства и детства, немалый вклад в создание которой внесли П.И. Люблинский, В.Ф. Куфаев и другие. В это время плодотворно развиваются основы общей возрастной психологии, заложивших теоретическую базу для развития юридической психологии несовершеннолетних правонарушителей. Один из основоположников советской психологии Л.С. Выготский (1896 – 1936) создал культурно-историческую концепцию в психологии, которая получила дальнейшее развитие в работах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина и т.д. Выготский детально разработал учение о развитии высших психических функций. Развитие идей Л.С. Выгот-

ского стало делом жизни выдающегося психолога А.Р. Лурии (1903 – 1977). Одним из выдающихся теоретиков советской психологии был С.Л. Рубенштейн (1889 – 1960). А.Н. Леонтьев (1903 – 1979) сделал деятельность предметом и методом психологического исследования. Разработанная им общепсихологическая теория деятельности является важнейшим достижением советской психологической науки. Научные разработки этих ученых-психологов легли в основу дальнейшего развития юридической психологии в нашей стране. **Второй этап: 1936 – 1960 г.г.** Второй период советской психологии можно назвать сумеречным. Сокращение психологических исследований было связано с Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе НАРКОМПРОСА» от 4 июля 1936г. «О запрещении педологии и тестов в психологических исследованиях». После этого постановления психология переходит в русло умозрительных дисциплин. С середины 30-х годов начинается «глухое тридцатилетие», которое, наряду с массовым террором, характеризуется разгромом ряда наук и психологических школ, что не могло не затормозить развитие юридической психологии. Однако такое положение не могло продолжаться вечно: практика ставила проблемы, которые не могли быть решены без психологии. Становление психологической теории происходило вместе с развитием конкретных исследований, которые решались в связи с практическими задачами, выдвигаемыми перед психологией обществом. Второе возрождение психологии и (юридической в том числе) произошло в 60-е годы XX века. В это время за рубежом выходит ряд фундаментальных исследований по юридической психологии, таких как «Психология и преступность» (1956г.) Р. Луважа, «Правовая и криминальная психология» (1961) Г. Тоха, «Криминальная психология» (1961) О. Абрахамсона, «Психология для работников следственных, судебных и исправительных органов» (1955) Г. Аудича. Однако работы этого периода в нашей стране характеризуются сохраняющимися серьезными ограничениями, накладываемыми общей методологической и социально-политической парадигмой советского времени. Эти ограничения выражались в том, что практически невозможно было системное исследование природы правонарушений и преступлений. С одной стороны, как результат скандально известной сессии ВАСХНИЛ 1949 года, когда была разгромлена отечественная генетика, надолго и прочно укоренился страх перед исследованием психобиологических предпосылок отклоняющегося поведения. Такие исследования однозначно трактовались как биологизаторство, что считалось несовместимым с марксистско-ленинской методологией. Достаточно вспомнить, какому жестокому и длительному ostracismu подверглись работы В.П. Эфроимсона «Родословная альтруизма» (1971) и И.С. Ноя «Методологические проблемы советской криминологии» (1975), в которых была сделана попытка обратить внимание на некоторые биологические детерминанты отклоняющегося поведения. С другой стороны были невозможны, по сути дела, и исследования социальных причин преступности, вольно или невольно ставящие под сомнение непогрешимость существующего социального строя, приводящие к выводу о серьезных дефектах социального управления, находящиеся вне критики коммунистической партии. Поэтому глубоких и объективных работ этого периода по юридической психологии выделить крайне трудно – сама проблематика имела политический подтекст. **Третий период в развитии отечественной психологии.** После распада СССР в конце 1991г. начинается драматический процесс переоценки и пересмотра принципиальных позиций советской психологии, и прежде всего ее методологических оснований, восходящих к марксизму. На смену догматическому курсу пришел плюрализм методологических ориентаций. Стало очевидным, что не может быть одной единственной теории, на основе которой можно построить психологическую науку, что решение принципиальных вопросов должно опираться на разнообразные философские воззрения. При этом сохраняют свое значение основные методологические принципы психологии: объективности исследования, детерминизма и системности, принципы изучения психики в развитии, в единстве сознания и деятельности. Другой особенностью психологии постсоветского периода является ее сближение с практикой. Расширилась сеть самостоятельных психологических служб: от инженерно-психологической деятельности до психологиче-

ского консультирования. За последние 15 лет исследования юридической психологии приобрели широкий диапазон. Эти исследования не только в области криминальной психологии оперативно-розыскной деятельности, проблем судебно-психологической экспертизы, аспектов превентивной психологии и проблем пенитенциарной психологии. Говоря о сегодняшних ключевых фигурах в ЮП следует указать работы В.В. Романова (ЮП в военной юстиции и общие вопросы ЮП), Ю.М. Антоняна (психология преступника), М.И. Еникеева (общие вопросы ЮП и особенности ее преподавания в Юр.вузах), В.Л. Васильева (автора наиболее популярных и востребованных учебников по ЮП), а также Баранова П.П. и Курбатова В.И. (авторов современных учебных пособий). В работах этих авторов с современных позиций формирующегося правового государства изложены основные научные проблемы и принципы развития сегодняшней ЮП в России.

Тема: 2 Судебно – психологическая экспертиза, виды, классификации, порядок, правило её назначения и проведения.

1.Классификация экспертиз. Общая характеристика специалистов привлекаемых к работе в качестве экспертов психологов.

2.План назначения, этапы организации и проведения экспертизы. Документ – заключение эксперта, характеристика.

3.Виды экспертиз. Расстройства психики различной степени тяжести, анализ проблемы. Аффект.

4.Психологические проблемы агрессивных форм проведения.

Лекция читается по 1,2 3, вопросам

Судебно-психологическая экспертиза

Экспертиза назначается в тех случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве уголовного дела возникает необходимость в проведении конкретных исследований с использованием специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения **Психологические познания** - это познания в области психологии, следовательно, в данном случае речь идет о специальных познаниях в науке. Профессиональными знаниями теории и методологии психологии, практическими навыками и умениями проведения психологических исследований обладает только психолог, имеющий высшее психологическое образование и работающий по своей специальности. Но это не означает, что любой выпускник высшего учебного заведения, получивший диплом по специальности "Психология", имеет достаточную профессиональную подготовку для проведения судебной экспертизы. В психологии очень много специализаций, поэтому психологи, не имеющие дополнительной подготовки именно по судебной психологии и, соответственно, не имеющие опыта экспертной работы, не могут быть отнесены к лицам, обладающим необходимыми психологическими познаниями для дачи экспертного заключения, и нельзя поручать им производство судебной экспертизы.

Это очень важное обстоятельство для лиц, назначающих экспертизу, поскольку нигде в законодательном порядке не оговаривается, кого считать профессионально компетентным для производства судебной экспертизы, в том числе проводимой психологом. Если в отношении психологов, являющихся сотрудниками специализированных экспертных учреждений, таких сомнений не должно возникать, то при назначении экспертами иных специалистов в области психологии (преподавателей высших учебных заведений, сотрудников научных институтов и других учреждений) вопрос о наличии у них специальных психологических познаний следует решать индивидуально. Возможность их привлечения для производства конкретной экспертизы решается лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом с учетом образования, специализации психолога, стажа его работы, дополнительной подготовки по судебной психологии, опыта экспертной деятельности, наличия ученой степени и т.д.

Формы использования специальных психологических познаний

Основной процессуальной формой использования специальных психологических познаний является судебно-психологическая экспертиза и комплексные с ней виды судебных экспертиз.

Кроме того, возможно привлечение следователем лица, обладающего специальными психологическими познаниями, не в качестве эксперта, а в качестве специалиста. Специалист может быть вызван и для участия в судебном разбирательстве. Основные уголовно-процессуальные обязанности специалиста - это участие в производстве следственных действий с использованием своих специальных профессиональных знаний и навыков для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращение внимания следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; дача пояснения по поводу выполняемых им действий.

В судебно-следственной практике возможны и другие формы использования специальных психологических познаний - в первую очередь справочно-консультационная деятельность сведущего лица. Это непроцессуальная, не регулируемая уголовно-процессуальным законодательством деятельность психолога, действующего в качестве сведущего лица. Она заключается в информировании следователя или суда о возможности существования тех или иных явлений, с точки зрения современного уровня развития теории психологии и накопленных в психологии эмпирических фактов. Консультативная справка психолога по запросу следователя или суда оформляется в письменной форме и приобщается к уголовному делу. Консультация сведущего в психологии лица, составленные им справочные данные могут учитываться при вынесении различных процессуальных решений.

При необходимости использования специальных психологических познаний следователям в каждом конкретном случае нужно четко решать, в какой форме это следует сделать. Несоблюдение этого правила может приводить к существенным судебно-следственным ошибкам.

Например, следователь, рассматривая уголовное дело по обвинению врача К. в совершении ряда тяжелых преступлений по сексуальным мотивам, включая убийства, назначил судебно-психологическую экспертизу, поскольку К. происходил из благополучной и уважаемой семьи, характеризовался исключительно положительно, состоял в браке, имел двух малолетних детей, и обвинение его в тяжких преступлениях вызвало у окружающих сильные сомнения. При этом эксперту не разрешалось задавать К. вопросы, относящиеся к предмету его обвинения, и не показывались материалы уголовного дела. В своем заключении эксперт отметил, что у испытуемого "имеется выраженность преступных тенденций. Преступления, совершаемые этими людьми, бессмысленно жестоки, не спланированы, нередко принимают дикие, необычайно жестокие формы сексуальных преступлений и убийств... Анализ психологического профиля обрисовывает тип антисоциального, аморального психопата". Это заключение использовалось следователем для доказательства вины К. в инкриминируемых ему деяниях. Эксперты-психиатры диагностировали у К. психопатию с комплексом сексуальных извращений. Он был признан вменяемым и приговорен к высшей мере наказания.

По поводу данной "экспертизы" следует отметить следующее. Использование психологических познаний в форме судебной экспертизы предполагает, что заключение будет сформулировано относительно обстоятельств, между которыми существует однозначная связь, и что установить ее, причем с достоверностью, позволяет современный уровень развития научных знаний. В данном случае речь идет об определении однозначной связи между психологическими характеристиками личности субъекта и совершенными им действиями. **Современная психологическая наука** не в состоянии дать ответа на вопрос, совершал ли субъект, характеризующийся некоторыми психологическими качествами, конкретные действия или нет. Более того, одним из принципиальных положений психологической науки является констатация отсутствия однозначного соответствия особенно-

стей личности субъекта его поступкам и высказываниям. Данная связь может носить только вероятностный характер. Между мотивами, потребностями, желаниями, с одной стороны, и конкретными поступками - с другой, лежит целый ряд опосредующих и промежуточных звеньев, поддающихся сознательному контролю. Человек, обладающий набором психических качеств, свидетельствующих о наличии у него расстройств сексуального влечения, может никогда не реализовать эти личностные особенности в практических делах, а вся его активность в этом направлении сведется к психическим переживаниям, мечтам, фантазиям и т.п. Кроме того, особенности его психологической мотивации могут найти свое выражение в относительно безвредных поступках, не нарушающих норм уголовного права. Иными словами, спектр возможностей по реализации рассматриваемых особенностей психики чрезвычайно широк и не сводится к определенным формам поведенческой активности. С этой точки зрения очевидно, что все высказывания эксперта относительно "выраженности преступных тенденций" К. являются лишь гипотетическими рассуждениями и не могут рассматриваться в качестве доказательства по делу. Подобные высказывания противоречат юридическому **принципу презумпции невиновности**, ибо здесь обвинение подкрепляется не с помощью достоверно установленных фактов, а на основании выводов, которые в лучшем случае носят вероятностный характер. Поскольку одним из оснований назначения судебно-психологической экспертизы по делу К. было явное несоответствие между его социальным статусом и тяжестью преступлений, в которых он обвинялся, можно было бы посоветовать в подобных случаях прибегать не к судебно-психологической экспертизе, а к другим формам использования специальных познаний.

Здесь был бы уместен вариант составления психологом совместно с психиатром справки, в которой указывалось бы, что согласно современным научным представлениям психологии и психиатрии, между психическими особенностями обвиняемого и характером деяний, которые ему инкриминированы, нет непреодолимого психологического противоречия. Она не имеет доказательной силы по вопросу о совершении или не совершении конкретным лицом конкретных поступков, а дает лишь общее представление относительно некоторых медико-психологических аспектов расследуемого уголовного дела.

В качестве примера привлечения психолога как сведущего лица можно привести и составление "психологического портрета" разыскиваемого преступника по данным психологического анализа собранных материалов уголовного дела (показания свидетелей, вещественные доказательства и т.п.); особенно это важно при оперативно-розыскной деятельности и расследовании так называемых "серийных" преступлений (убийств на сексуальной почве и изнасилований), когда совершается целый ряд однотипных криминальных действий.

Справочно-консультативная деятельность психолога в не процессуальной форме часто состоит и в сообщении судебно-следственным органам информации о целесообразности проведения судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, о правильной постановке вопросов в постановлении (определении), входящих в компетенцию эксперта-психолога и т.п. Такие консультации не обязательно составлять в письменном виде, и они не приобщаются к делу.

Судебные экспертизы с участием психолога

Основные виды судебных экспертиз, в которых психолог участвует в роли эксперта, - это судебно-психологическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы.

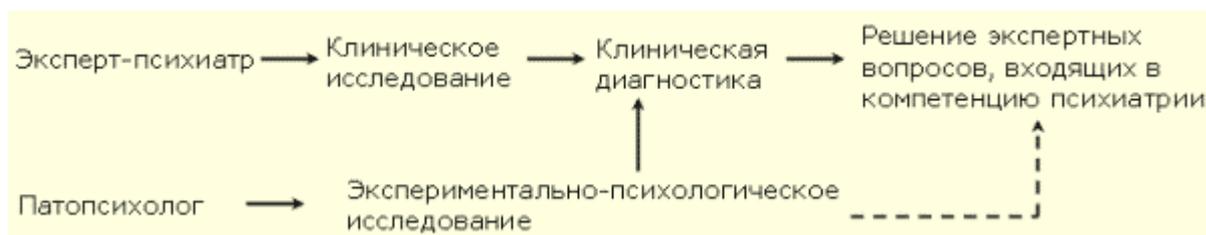
Судебно-психологическая экспертиза стала развиваться в нашей стране в 70-е гг., а немного позднее возникла и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. В настоящее время число проводимых комплексных экспертиз превышает число однородных судебно-психологических экспертиз. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что в большинстве случаев наряду с решением вопросов, связанных с применением специальных психологических познаний, у судебно-следственных органов одновременно

возникают сомнения и в психической полноценности подэкспертного лица, что является основанием для проведения исследований с использованием и специальных психиатрических познаний. Немаловажно и то обстоятельство, что на сегодняшний день практически не существует специализированных экспертных учреждений, проводящих только судебно-психологическую экспертизу, в то же время должность эксперта-психолога предусмотрена во всех судебно-психиатрических отделениях психиатрических больниц в системе Министерства здравоохранения РФ, в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, т.е. в тех учреждениях, которые осуществляют судебно-психиатрическую и комплексные с нею экспертизы.

Кроме того, назначение и проведение психолого-психиатрической экспертизы имеет некоторые практические преимущества для судебно-следственных органов, так как вместо последовательного проведения двух экспертиз (судебно-психиатрической и судебно-психологической) однократное проведение комплексной экспертизы существенно повышает рентабельность производства экспертизы и сокращает сроки следствия. Для экспертов-психологов участие в комплексной экспертизе иногда дает преимущество в том плане, что они могут осуществлять экспертное исследование и в стационарных условиях, тогда как судебно-психологическая экспертиза проводится только амбулаторно или в зале судебного заседания.

Роль психолога в производстве комплексной психолого-психиатрической экспертизы несколько шире, чем при проведении судебно-психологической экспертизы. Для того, чтобы четко очертить функции психолога в комплексной экспертизе, рассмотрим взаимодействие в ней психолога и психиатра.

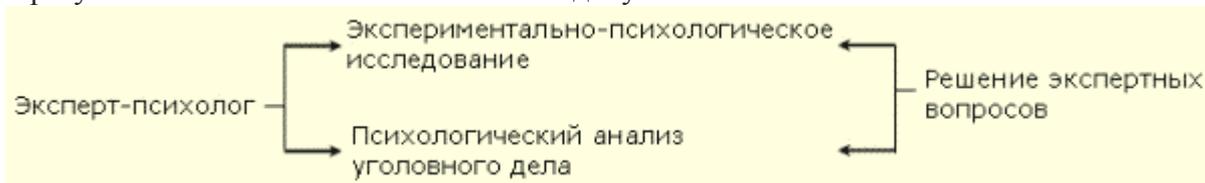
Заметим, что при проведении судебно-психиатрической экспертизы психолог не выступает в роли эксперта - экспертом, решающим вопросы судебно-следственных органов здесь является только психиатр. В судебно-психиатрической экспертизе для обоснования клинического диагноза обычно применяют широкий спектр дополнительных параклинических исследований, привлекая при необходимости к обследованию подэкспертных специалистов - невропатологов, электрофизиологов, биохимиков, рентгенологов и др., в том числе и медицинских психологов. Психолог оказывает эксперту-психиатру консультативную помощь для правильного решения диагностических и экспертных вопросов, относящихся к компетенции судебной психиатрии. Для этого проводится экспериментально-психологическое исследование познавательных процессов и личностных особенностей подэкспертного, по данным которого составляется письменное заключение. Оно может помочь врачу более точно установить медицинский диагноз и ответить на вопросы судебно-следственных органов. Очевидно, что в проведении судебно-психиатрической экспертизы может принимать участие психолог, не обладающий специальными познаниями в судебной психологии, но владеющий знаниями, навыками и умениями в медицинской психологии. Заключение по данным экспериментально-психологического исследования сохраняется в истории болезни, а отдельные ее положения могут быть использованы в заключении судебно-психиатрической экспертизы для обоснования диагноза или решения экспертных вопросов.

Взаимодействие психолога с экспертом-психиатром при производстве судебно-психиатрической экспертизы

При проведении однородной **судебно-психологической экспертизы** психолог выступает как самостоятельный эксперт. Он проводит экспериментально-психологическое

исследование, в котором больший удельный вес обычно имеют методы, направленные на исследование личности, а не познавательных процессов (памяти, мышления, внимания). Кроме того, он обязательно проводит тщательный психологический анализ материалов уголовного дела и медицинской документации. Ответы на вопросы, интересующие суд и следствие, базируются на сопоставительном анализе как экспериментальных данных, так и результатов психологического анализа документов .

Функции психолога при производстве судебно-психологической экспертизы

В комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе психолог выступает сразу в двух ролях. На первом этапе производства комплексной экспертизы он проводит экспериментально-психологическое исследование, из которого психиатр-эксперт извлекает данные, имеющие значение для установления психиатрического диагноза и решения экспертных психиатрических вопросов. В тех случаях, когда обвиняемый подэкспертный признан способным "осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими" (т.е. рекомендовано суду его считать вменяемым), а у свидетеля, потерпевшей по делу об изнасиловании или несовершеннолетнего обвиняемого не обнаруживаются психических расстройств, имеющих юридическое значение, - эксперт-психолог использует экспериментально-психологическое исследование наряду с психологическим анализом материалов уголовного дела для ответов на вопросы судебно-следственных органов, относящиеся к его компетенции

Взаимодействие эксперта-психолога с экспертом-психиатром при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Порядок назначения судебно-психологической экспертизы

Юридическими **основаниями** производства судебно-психологической экспертизы являются постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора или судьи либо определение суда (судьи и двух народных заседателей). Иные письменные документы или устные распоряжения не могут служить основаниями производства экспертизы.

В постановлении (определении) о назначении экспертизы обязательно должно указываться обоснование для ее назначения. Особенно аргументированными должны быть доводы лица (органа), назначившего экспертизу, при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, поскольку из обоснования должно быть ясно, почему в данном конкретном случае возникает необходимость в использовании как психиатрических, так и психологических специальных познаний. Кроме того, в постановлении (определении) должны содержаться и другие сведения: кто и когда вынес постановление (определение); фамилия эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертами; материалы, пре-

доставляемые в распоряжение экспертов. Вопросы, поставленные перед экспертом-психологом, не должны выходить за пределы его профессиональной компетенции. В качестве источников информации, предоставляемых в распоряжение эксперта, обычно называют под экспертное лицо, уголовное дело и приобщенную к нему медицинскую документацию. Это не исключает того, что в необходимых случаях могут быть предоставлены и другие материалы, имеющие значение для производства судебно-психологической экспертизы и приобщенные к уголовному делу - продукты творчества (рисунки, литературные произведения) под экспертного, письма, дневники, видеозаписи следственного эксперимента, допросов и т.п.

Назначение судебно-психологической экспертизы предъявляет особые требования к органу, ведущему производство по делу, при сборе необходимых для экспертизы материалов. В частности, данные о личности под экспертного лица не должны ограничиваться характеристиками с места работы и жительства, которые часто являются довольно формальными по содержанию. Желательно собрать полные биографические данные (наследственность, особенности воспитания в семье, успеваемость и взаимоотношения в учебных заведениях), сведения об отношении к семье, работе, сослуживцам, друзьям, к самому себе, о поведении, об особенностях реагирования в экстремальных ситуациях.

Ходатайствовать о назначении судебно-психологической экспертизы может само лицо, нуждающееся в экспертизе (обвиняемый, свидетель, потерпевший), а также его представитель (защитник обвиняемого, законный представитель потерпевшего). Ходатайство можно заявлять только перед тем органом, в производстве которого находится уголовное дело, и оно должно быть обоснованным. Орган, ведущий производство по уголовному делу, вправе и по собственному усмотрению, при отсутствии ходатайств, прийти к выводу о назначении экспертизы. При предварительном расследовании уголовного дела - это дознаватель, следователь и прокурор, при судебном разбирательстве - это судья или суд в коллегиальном составе.

Судебную экспертизу с участием психолога предпочтительно назначать не на ранних этапах предварительного следствия (дознания), а когда собраны материалы, характеризующие личность под экспертного, и подробно изучены обстоятельства дела.

Следователь обязан ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы (за исключением тех случаев, когда его психическое состояние делает это невозможным) и разъяснить его права. Обвиняемый же имеет право заявить отвод эксперту-психологу (а при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы - и эксперту-психиатру), просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц, представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта, знакомиться с заключением эксперта. Следователь может удовлетворить ходатайство обвиняемого и изменить или дополнить свое постановление о назначении экспертизы, либо отказать в ходатайстве, вынеся соответствующее постановление, объявляемое обвиняемому под расписку.

При назначении экспертизы в экспертном учреждении (это в большей степени касается психолого-психиатрической экспертизы) следователь или суд направляет туда постановление (определение) и материалы, предоставляемые в распоряжение экспертов. На основании постановления (определения) руководитель экспертного учреждения поручает производство экспертизы одному или нескольким сотрудникам этого учреждения, которые и обязаны провести экспертное исследование и дать свое заключение. В экспертном заключении делается отметка о разъяснении прав и обязанностей и о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ).

Если же экспертиза проводится вне экспертного учреждения, то следователь или суд после выяснения личности, специальности и компетентности психолога, которому поручается экспертиза, вручает эксперту постановление (определение), разъясняет права и обязанности, предупреждает об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. О выполнении этих действий следователь делает отметку в постановлении о назначении

экспертизы, которая удостоверяется подписью эксперта.

Экспертных учреждений, производящих судебно-психологическую экспертизу, в России очень мало. Комплексная же психолого-психиатрическая экспертиза может проводиться в таких экспертных учреждениях, как амбулаторные и стационарные судебно-психиатрические экспертные комиссии (АСПЭК и ССПЭК) при психиатрических больницах или психоневрологических диспансерах, в межрегиональных и региональных Центрах судебной психиатрии, а также в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Во всех этих учреждениях предусмотрены ставки экспертов-психологов, и уже во многих из них наряду с судебными психиатрами работают квалифицированные психологи-эксперты.

Виды судебно-психологической экспертизы

Существует несколько видов классификации судебно-психологической экспертизы, имеющих значение для практики предварительного следствия и судопроизводства:

- по месту и условиям проведения,
- по процессуальному положению под экспертных,
- по предмету экспертизы.

Виды судебно-психологической экспертизы по месту и условиям проведения

Судебно-психологическая экспертиза обычно проводится амбулаторно или в зале судебного заседания. При амбулаторной экспертизе психолог-эксперт производит экспертное исследование в месте содержания под экспертного лица под стражей - в случае экспертизы обвиняемого, заключенного под стражу. Естественно, что следователь должен обеспечить эксперту нормальные условия для проведения экспериментально-психологического исследования и ознакомления с уголовным делом и другими материалами, необходимыми для производства судебно-психологической экспертизы: изолированное помещение, стол и т.п. В случаях, когда под экспертным лицом является обвиняемый, не содержащийся под стражей, свидетель или потерпевший, экспертно-психологическое исследование проводится в любом удобном для эксперта месте по договоренности со следователем. **Задачей следователя** в данном случае является обеспечение явки под экспертного в установленное место и время. Следует отметить, что принудительному направлению на экспертизу (т.е. без согласия самого под экспертного или его законных представителей) могут быть подвергнуты только подозреваемые и обвиняемые. **Судебно-психологическая экспертиза в отношении свидетелей и потерпевших может проводиться только с их согласия.**

В зале судебного заседания психолог-эксперт проводит экспертное исследование непосредственно в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Он имеет право задавать вопросы участникам судебного процесса с разрешения судьи. Как правило, после изучения всех доказательств по делу, эксперт-психолог ходатайствует о предоставлении ему необходимого времени для проведения экспериментально-психологического исследования и составления экспертного заключения. Эксперт дает заключение в письменном виде, оглашает его в судебном заседании и дает разъяснения по вопросам, возникшим в связи с его заключением.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится чаще *стационарно*, хотя и в этом случае возможно производство экспертизы амбулаторно или в зале судебного заседания. Стационарная комплексная экспертиза обычно проводится психиатрами и психологами, являющимися сотрудниками межрегиональных и региональных Центров судебной психиатрии, или членами стационарных судебно-психиатрических экспертных комиссий, организованных при психиатрических больницах или психоневрологических диспансерах на правах их самостоятельных подразделений. Наиболее сложные психолого-психиатрические экспертизы производятся в стационаре ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Срок проведения такой экспертизы составляет, как правило, один месяц, но он может быть продлен в связи с неясностью клинической,

диагностической и экспертной оценок.

Виды судебно-психологической экспертизы по процессуальному положению под экспертных

Судебно-психологическая экспертиза производится в отношении таких процессуальных фигур, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель и потерпевший.

Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, или лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, является **подозреваемым**,

После вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, подозреваемый признается **обвиняемым**. Обвиняемый, дело в отношении которого принято к производству судом, именуется **подсудимым**.

Потерпевшим признается лицо, которому преступлением нанесен моральный, физический или имущественный ущерб, но только после того, как дознаватель, следователь или судья вынесет постановление, или суд - определение о признании гражданина потерпевшим. В качестве **свидетеля** для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Не могут допрашиваться в качестве свидетеля защитник обвиняемого, адвокат, представитель общественной организации (об обстоятельствах дела, которые стали им известны в связи с выполнением своих обязанностей) и лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания).

На стадии предварительного следствия судебно-психологическая экспертиза назначается в отношении подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших, а при судебном разбирательстве - в отношении подсудимых, свидетелей и потерпевших. Следует заметить, однако, что экспертиза в отношении подозреваемых производится крайне редко и назначение ее нецелесообразно, поскольку подозреваемым любое лицо может быть по закону не более 10 суток, т.е. только на ранних этапах предварительного следствия, когда еще не собраны необходимые материалы для производства психологической экспертизы.

Предметные виды судебно-психологической экспертизы

По характеру вопросов, решаемых экспертизой, и юридическому значению экспертных заключений можно выделить следующие виды судебно-психологической экспертизы:

1. Экспертиза индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подсудимого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний.

Данный вид экспертизы проводится в соответствии с законом, посвященной обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. В числе прочих обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого, указываются обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Основное значение психологической экспертизы личности состоит в том, что экспертное заключение может быть использовано судом в целях индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

2. Экспертиза аффекта у обвиняемого (подсудимого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний.

Проводится для судебного установления состояния аффекта (сильного душевного волнения) обвиняемого в момент совершения преступления. Определение состояния аффекта (сильного душевного волнения) имеет значение для квалификации ст. 107 УК РФ ("Убийство, совершенное в состоянии аффекта"), ст. 113 УК РФ ("Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта").

3. Экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Этот вид экспертизы проводится в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ. Неполная мера

осознания и регуляции своих противоправных действий несовершеннолетним с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, служит основанием для освобождения от уголовной ответственности.

4. Экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

5. Экспертиза способности потерпевшей по делу об изнасиловании понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному.

Имеет значение для судебной квалификации изнасилования или насильственных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей либо потерпевшего (ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ). Согласно постановлению Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании", состояние потерпевшей признается беспомощным, когда она в силу физического или психического состояния не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий или не могла оказывать сопротивление.

6. Экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством.

Юридическим основанием данного вида экспертизы могут выступать две статьи УК РФ. Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ ("Доведение до самоубийства"), во-вторых, определение "тяжких последствий" (в число которых входит и самоубийство потерпевшей, последовавшее в результате изнасилования) как обстоятельства, отягчающего ответственность (п. "б" ст. 63 УК РФ). В обоих случаях судебно-следственные органы интересуют причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (подсудимого) и самоубийством потерпевшего лица.

Права и обязанности эксперта-психолога

Основной процессуальной обязанностью эксперта-психолога является дача объективного заключения на основе проведенных исследований в соответствии с его специальными познаниями по вопросам, поставленным перед ним органом, ведущим производство по делу. При этом каждый член экспертной комиссии несет личную ответственность за данное им заключение. Кроме того, **эксперт-психолог обязан:**

- явиться по вызову органа, назначившего экспертизу, и в частности на допрос, и дать правдивые показания по поводу проведенного исследования и данного заключения. В соответствии с действующим законодательством, при допросе эксперт-психолог обязан отвечать лишь на те вопросы, которые относятся к предмету судебно-психологической экспертизы. На допросе у следователя эксперт имеет право изложить свои ответы собственноручно, заявить самоотвод при наличии ряда оснований, указанных в законе. Эксперт не может участвовать в рассмотрении дела, если:

- он является потерпевшим, свидетелем, кем-нибудь из участников дела или их представителем;

- он является родственником потерпевшего, обвиняемого или их законных представителей, а также родственником обвинителя, защитника или лица, производившего дознание;

- он находится или находился в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или ответчика;

- он участвовал в деле в качестве специалиста;

- имеются другие обстоятельства, которые дают основание считать, что эксперт лично заинтересован в уголовном деле;

- не разглашать данные предварительного расследования без разрешения органа дознания, следователя, прокурора;

- сообщить в письменном виде о невозможности дать заключение, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных психологических познаний или

предоставленные материалы недостаточны для дачи заключения. Если вопрос, внесенный в определение следователя или постановление суда, не входит в компетенцию эксперта-психолога, то он не должен его игнорировать, а обязан аргументированно обосновать в своем заключении, почему на данный вопрос невозможно дать ответ. Если же в уголовном деле или медицинской документации не хватает данных для составления полного заключения, то психолог-эксперт вначале ходатайствует о предоставлении ему этих дополнительных материалов, указывая конкретно, какие именно данные должен собрать и передать ему следователь (например, данные о предыдущих экспериментально-психологических обследованиях подэкспертного, допросы родственников и сослуживцев о личности испытуемого и т.п.), и только в том случае, когда его ходатайство остается без удовлетворения, он обосновывает в своем заключении невозможность ответить на поставленные перед ним вопросы.

Эксперт-психолог имеет право:

- знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы;
- ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения. Как подчеркивалось выше, эксперт должен указывать, какие именно конкретные материалы ему необходимы;
- присутствовать при производстве следственных (судебных) действий, а также задавать допрашиваемым вопросы, относящиеся к предмету экспертизы с разрешения следователя или суда;
- эксперты имеют право совещаться между собой перед дачей заключения. Эксперт, не согласный с мнением остальных членов комиссии, составляет отдельное заключение. Таким образом, если мнения экспертов-психологов разделились, то по поводу одного и того же подэкспертного составляются два (или более) заключения;
- указать в заключении обстоятельства, по поводу которых органом, назначившим экспертизу, не были поставлены вопросы, при условии, что они имеют значение для дела и их установление входит в компетенцию эксперта-психолога. Если вопрос сформулирован неправильно и эксперт, изучив предоставленные ему материалы и обследовав испытуемого, решает, что при переформулировке вопроса его заключение будет иметь значение для дела, то он может отвечать на тот вопрос, который, по его мнению, должен был задать следователь или суд;
- обжаловать такие действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, которые ущемляют права эксперта-психолога;
- если эксперт-психолог не является сотрудником экспертного учреждения, он имеет право на вознаграждение за проведенное им экспертное исследование..

Заключение эксперта

После изучения предоставленных материалов и экспериментально-психологического исследования испытуемого психолог-эксперт (или комиссия экспертов) составляет заключение судебно-психологической экспертизы. Заключения судебных психологов-экспертов обычно разнообразны по содержанию, так как в каждом конкретном экспертном исследовании содержится уникальный психологический анализ материалов (в зависимости от фабулы уголовного дела и выявляемых психологических механизмов исследуемого юридического критерия) и набор примененных экспериментальных методов. Однако **форма заключения** должна быть достаточно унифицированной. В каждом заключении должно быть указано: когда, где, кем (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании (определение следователя или постановление суда) была произведена экспертиза, какие вопросы были поставлены эксперту, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт-психолог использовал, какие исследования произвел. В конце заключения формулируются экспертные выводы (ответы на вопросы судебно-следственных органов). Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе ука-

зять на них в своем заключении.

Заключение дается только в письменном виде и подписывается экспертом-психологом, а при проведении экспертизы комиссией экспертов - всеми членами комиссии.

Заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы имеет некоторые особенности по сравнению с заключениями однородных судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертиз. **Структура** заключения (акта) судебно-психиатрической экспертизы обычно включает введение (формальная часть акта); сведения о прошлой жизни подэкспертного (анамнез); описание психического, неврологического и физического состояния испытуемого (статус); мотивировочную часть (клинический анализ анамнеза и статуса); выводы (ответы на вопросы органа, назначившего экспертизу).. При комплексной психолого-психиатрической экспертизе обычно в заключении приводится уже не только психиатрический, или психологический, но и комплексный клинко-психологический анализ предоставленных материалов. **Патопсихологическое заключение** по данным экспериментально-психологического исследования включается, как правило, в раздел, описывающий психический статус под экспертного лица. Ответы на вопросы психологу-эксперту даются после ответов на вопросы, адресованные психиатру-эксперту. При **комплексной экспертизе** обвиняемого, при решении о его неспособности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент совершения инкриминируемых ему деяний (т.е. рекомендации считать его невменяемым), эксперт-психолог не отвечает на вопросы, входящие в его компетенцию, поскольку вопросы эксперту-психологу обычно имеют значение только в отношении вменяемых лиц.

Заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (часто называемое также актом) подписывается всеми экспертами - и психиатрами, и психологами. Недопустимо при вынесении постановления (определения) о назначении комплексной экспертизы давать два отдельных заключения - судебно-психиатрическое и судебно-психологическое.

Орган, назначивший экспертизу, производит оценку заключения эксперта (комиссии экспертов), сопоставляя его с другими материалами дела, проводя комплексный анализ всех собранных по делу доказательств. Если заключение признано полным и обоснованным, оно будет являться доказательством по делу.

Если судебно-следственные органы придут к выводу, что экспертное заключение является недостаточно ясным или полным, хотя правильность экспертных выводов не ставится под сомнение, то они могут вызвать эксперта-психолога на допрос. На допросе эксперт-психолог разъясняет свое заключение (или отдельные выводы), не проводя исследования. Если экспертное заключение признано недостаточно ясным и полным, хотя и правильность экспертных выводов не ставится под сомнение, и допрос эксперта не внес необходимой ясности, может быть назначена дополнительная экспертиза. Это обычно случается, когда требуется:

- решение новых вопросов путем исследования уже исследованных основной экспертизой объектов;
- решение тех вопросов, на которые не были даны исчерпывающие ответы при основной экспертизе, с привлечением дополнительных материалов;
- восполнение аргументации основной экспертизы на основе дополнительного исследования уже исследованных предыдущей экспертизой объектов.

Дополнительную экспертизу поручают тому же или другому эксперту (экспертам).

Заключение судебно-психологической экспертизы может быть признано необоснованным или могут возникнуть сомнения в его правильности, в случаях, когда:

- по делу установлены дополнительные факты, которые по-новому раскрывают обстоятельства дела;
- заключение основано на материалах дела, в котором отсутствуют сведения о

личности или криминальной ситуации;

- выводы эксперта противоречат фактическим обстоятельствам дела;
- выявлена некомпетентность эксперта-психолога, что может проявляться в выходе за пределы своей компетенции, применении сомнительных, неапробированных методов или в обосновании заключения теоретическими концепциями, несовместимыми с принципами действующего законодательства (психоанализ, бихевиоризм), и т.п.

В этих случаях может быть назначена повторная экспертиза, которая поручается не тому эксперту-психологу, который проводил первичную экспертизу, а обязательно другому эксперту (экспертам). Последовательно проводимые повторные экспертизы могут именоваться первой, второй, третьей и т.д.

Экспертиза назначается в тех случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве уголовного дела возникает необходимость в проведении конкретных исследований с использованием специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В качестве эксперта может выступать любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения.

Основной процессуальной формой использования специальных психологических познаний является судебно-психологическая и комплексные с нею виды судебных экспертиз.

Юридическими основаниями производства судебно-психологической экспертизы являются постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора или судьи либо определение суда (судьи и двух народных заседателей).

Судебно-психологическая экспертиза проводится амбулаторно или в зале судебного заседания. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится стационарно, амбулаторно или в зале судебного заседания.

Судебно-психологическая экспертиза производится по отношению к таким процессуальным фигурам, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель и потерпевший.

Основные предметные виды судебно-психологической экспертизы:

- Экспертиза индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подсудимого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых им деяний.

- Экспертиза аффекта у обвиняемого (подсудимого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний.

- Экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

- Экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

- Экспертиза способности потерпевшей по делам об изнасилованиях понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному.

- Экспертиза психического состояния лиц, окончивших жизнь самоубийством.

Судебно-психологическая экспертиза может назначаться и по поводу иных обстоятельств, установление которых требует специальных познаний в психологии, если эти обстоятельства имеют значение для уголовного дела и входят в компетенцию судебного эксперта-психолога.

Основной процессуальной обязанностью эксперта-психолога является дача объективного заключения на основе проведенных исследований в соответствии с его специальными познаниями по вопросам, поставленным перед ним органом, ведущим производство по делу. При этом каждый член экспертной комиссии несет личную ответствен-

ность за данное им заключение. В каждом заключении эксперта (комиссии экспертов) должно быть указано: когда, где, кем (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании (определение следователя или постановление суда) была произведена экспертиза, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт-психолог использовал, какие исследования произвел, какие вопросы были поставлены эксперту и его мотивированные ответы, основанные на анализе экспериментально-психологического исследования и изучении уголовного дела и приобщенных к нему материалов. Заключение дается только в письменном виде и подписывается экспертом-психологом, а при проведении экспертизы комиссией экспертов - всеми членами комиссии. После оценки заключения экспертизы суд вправе вызвать эксперта на допрос для разъяснения экспертного заключения. В случае недостаточной ясности и полноты экспертного заключения может быть назначена дополнительная экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту. В случае необоснованности заключения эксперта или сомнения в его правильности может быть назначена повторная экспертиза, которая поручается другому эксперту.

Теоретические проблемы судебно-психологической экспертизы Объект и предмет деятельности судебного эксперта-психолога

Под объектом познания в философии в общем виде понимается элемент реальной действительности, противостоящий субъекту в его познавательной деятельности и существующий независимо от его сознания. Наиболее распространенным является определение объекта судебно-психологической экспертизы, высказанное М.М. Кононовым в одной из работ, согласно которому им является психическая деятельность психически здорового человека. И.А. Кудрявцев также отмечает, что судебно-психологическая экспертиза изучает "полную норму", а при комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе психолог должен, по его мнению, исследовать лиц с пограничными психическими расстройствами (в том числе и с крайними индивидуальными вариантами психического здоровья), не исключаяющими вменяемости. Заметим, однако, что И.А. Кудрявцев говорит о "полной норме" как о предмете судебно-психологической экспертизы, а объект экспертизы он отождествляет с источниками информации, в качестве которых могут быть представлены сами подэкспертные и данные о состоянии их психики и поведении, закрепленные в материалах уголовного дела.

Обе точки зрения отражают существующую сегодня практику назначения судебных экспертиз, решающих психологические вопросы, - действительно, на судебно-психологическую экспертизу направляются подэкспертные, чье психическое здоровье либо не вызывает сомнений у правоохранительных органов, либо подтверждено уже проведенной судебно-психиатрической экспертизой, а комплексная экспертиза назначается в основном тогда, когда требуется одновременное решение судебно-психиатрических и судебно-психологических вопросов, и, соответственно, судебный психолог решает психологические вопросы только в случае решения вопроса психиатрами в пользу вменяемости испытуемого, - а ими нередко оказываются лица с пограничными психическими аномалиями.

Но в то же время и в поле внимания судебно-психологической экспертизы, как показывает та же практика, очень часто попадают лица с пограничной патологией психики, и нередки случаи проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении психически здоровых лиц, т.е. так называемой "полной нормы".

Но точны ли данные определения с теоретической точки зрения? Могут ли быть у психолога разные объекты экспертного исследования в зависимости от того, в рамках какой экспертизы, судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической, он обследует подэкспертное лицо? Верны ли эти определения в свете перспектив участия психолога-эксперта в уголовном процессе при совершенствовании как уголовного и уголовно-процессуального законодательства, так и самого содержания и процесса экспертизы?

Определение объектов судебных экспертиз, имеющих дело со сферой психического в человеке, по критерию наличия или отсутствия психического заболевания (или патологии психики) предполагает и различие объектов базовых научных дисциплин (психологии и психиатрии) по тому же принципу. Но психиатрия отличается от психологии не тем, что она изучает психические болезни, а психология - так называемую "нормальную" психику. Психология имеет одним из своих объектов нервно-психическую патологию психической деятельности. Важнейшей особенностью деятельности судебного психолога-эксперта является применение такой теоретической области психологии, как клиническая психология с ее развитым концептуальным аппаратом анализа патологии познавательной деятельности и личности, со сложившимся психодиагностическим инструментарием, объектом изучения которой и является патология психической сферы человека. И судебный психолог, деятельность которого протекает в рамках судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, сталкивается с под экспертным лицом, о психическом здоровье которого априори судить невозможно. Следовательно, объектом исследования психолога-эксперта, независимо от вида экспертизы, в которой он участвует, не может быть заведомо "нормальная" или "пограничная" психика. Психолог-эксперт имеет дело с особенностями психической деятельности человека, независимо от того, обусловлены они патологическими или непатологическими факторами. Следует отметить, что в последних работах М.М. Коченов придерживается аналогичной точки зрения и отмечает, что "главным объектом судебно-психологической экспертизы является психика человека как особое свойство его мозга, недоступное непосредственному чувственному познанию".

Однако и такое определение объекта судебно-психологической экспертизы неизбежно будет неполным, поскольку оно не выявляет ее специфики, качественного отличия от объекта психологии как теоретической дисциплины. Если рассматривать судебно-психологическую экспертизу в рамках системы судебной **экспертологии**, то становится ясным, что создание специальной прикладной судебной предметной науки является результатом необходимости трансформации данных базовой науки в качественно иные данные в том числе и трансформации объекта науки. Как справедливо указывают Ю.Л. Метелица и С.Н. Шишков, при судебно-экспертном исследовании объектом исследования являются особенности психики человека не вообще, а только в юридически значимых ситуациях, под которыми понимаются юридически значимые периоды времени или ситуации, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность под экспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев (см. табл. 1). **К примеру**, при судебно-психологической экспертизе обвиняемого такой значимой ситуацией будет ситуация совершения инкриминируемого ему деяния, при экспертизе свидетелей - **предкриминальная**, **криминальная** и **посткриминальная** ситуации, стадии предварительного следствия, судебного разбирательства.

Таким образом, можно определить объект исследования эксперта-психолога как психическую деятельность под экспертного лица в юридически значимых ситуациях.

Таблица 1.

Юридически значимые ситуации в разных видах судебно-психологической экспертизы

Объект экспертизы	Юридическая ситуация				
	Предкриминальная	Криминальная	Посткриминальная	Следственная	Судебная
Обвиняемые: 1) индивидуально-психологические	+	++	+	-	-

Объект экспертизы	Юридическая ситуация				
	Предкриминальная	Криминальная	Посткриминальная	Следственная	Судебная
особенности 2) аффект					
Несовершеннолетние обвиняемые	-	+	-	-	-
Свидетели	+	+	+	+	+
Потерпевшие	-	+	-	-	-
Лица, окончившие жизнь самоубийством	+	+*	-	-	-

Примечание. Ситуация совершения суицида

Особенностью такого определения является то, что оно практически не отличается от определения объекта судебно-психиатрической экспертизы. Действительно, при судебно-психологической, так же как и при судебно-психиатрической экспертизе, в качестве противостоящего субъекту познания элемента объективной реальности выступает вся психическая сфера испытуемого в рамках заданных эксперту ситуаций, и только на предметном уровне психолог и психиатр находят свой аспект гносеологического освоения объекта. В то же время данное определение позволяет участвовать психологу в комплексной психолого-психиатрической экспертизе не только в зоне "перекрывтия", под которой понимаются пограничные состояния психики, но и в работе с любыми испытуемыми - психически больными, здоровыми, с пограничными состояниями. Это имеет важное значение для перспектив судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз. Уже в настоящее время намечаются проблемы, в решении которых психолог-эксперт может участвовать наряду с психиатрами, несмотря на то, что речь будет идти о психически больных в собственном смысле (шизофрения и пр.), - это проблемы ограниченной вменяемости, процессуальной дееспособности и др.

Как уже отмечалось, при всей схожести объектов судебной психологической и психиатрической экспертиз предметы их различны. Это различие вытекает из различия предмета базовых научных дисциплин - психиатрии и психологии. Под предметом познания в общем виде понимаются зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объекта, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах. Психиатрия имеет дело с закономерностями проявлений нарушенных психических процессов, а психология - с закономерностями протекания или структуры (а патопсихология - с их нарушениями) самих психических процессов. **Предметом судебной психиатрии**, по определению С.Н. Шишкова, являются психические расстройства, имеющие юридическое значение в уголовном и гражданском процессах. Юридически значимы такие расстройства, которые в достаточной мере дизрегулируют поведение субъекта права, лишая его способностей, обязательных для самостоятельного осуществления прав и обязанностей, несения ответственности и т.п. Такие расстройства осваиваются правом в категориях невменяемости, недееспособности и некоторых других.

Соответственно, **предметом** исследования судебного психолога-эксперта выступают закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.

В этом определении подчеркнуто, что предметом экспертного исследования психо-

лога являются особенности функционирования психической деятельности человека в юридически значимых ситуациях, независимо от того, являются ли они патологическими или возрастными, личностными, эмоциональными, и четко указана конечная цель, ради достижения которой они исследуются. Суд интересуется не собственно диагностика особенностей психики человека, а наличие или отсутствие таких ее свойств, которые определяют их юридическую значимость, что отражено в праве в качестве юридических критериев той или иной способности подэкспертного лица - например, способности свидетелей правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, способности потерпевших по сексуальным правонарушениям понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление и т.п.

Специальные познания и пределы компетенции судебного эксперта-психолога

Обобщенное определение специальных познаний в отечественном уголовном праве дано В.Н. Маховым: "**Специальные знания.. уголовном процессе** - это знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях, формах и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством". В этом определении термину "познания" предпочитается понятие "знания", как более согласующееся с категориальным аппаратом современной гносеологии, и акцентируется внимание на том, что это определение не специальных знаний вообще, а только специальных знаний, используемых в уголовном судопроизводстве.

Исходя из этой формулировки, проанализируем специальные познания, необходимые для проведения судебно-психологической экспертизы. Во-первых, это должны быть знания относительно сущности предмета судебно-психологической экспертизы, и их особенностью является то, что они не выступают как чисто теоретические - достижения теории психологии и различные методические средства психодиагностики и психологического анализа объекта исследования должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Такое ограничение связано с тем обстоятельством, что в современной научной психологии существует множество общепсихологических и более специализированных теорий и концепций (одно их перечисление заняло бы объем настоящей главы), эклектичное и некритичное использование которых в целях экспертизы внесло бы сумятицу в головы следователей и судей и не позволило бы использовать заключения психолога-эксперта в целях установления истины по делу. Так, по одному и тому же делу психоаналитическая трактовка глубинных бессознательных механизмов преступных действий и бихевиористская интерпретация поведения в рамках парадигмы "стимул-реакция" мало совместимы друг с другом и не согласуются с общими представлениями о человеке в отечественном уголовном праве. Раскроем это положение на примере анализа возможности применения теории психоанализа в судебной экспертизе.

Если внимательно вникнуть в содержание действующего уголовного законодательства, особенно статей, посвященных вине, то нетрудно прийти к выводу, что отечественному уголовному праву человек (как субъект преступления) представляется существом сугубо рациональным. Он всегда, кроме случаев невменяемости и недостижения определенного возраста, осознает свои поступки, предвидит возможные последствия своего поведения, имеет возможность их не допустить, спланировав свои действия заранее и таким образом, чтобы избежать нарушения уголовно-правового запрета. Перечисленные психологические качества субъекта делают возможной саму постановку вопроса об ответственности, и когда человек ими не обладает (например, все тот же невменяемый), возложение уголовной ответственности недопустимо.

Такому взгляду наиболее адекватно отвечают "рационалистические" представления о человеке. Классический же психоанализ парадоксальным образом сочетает идеи о пси-

хологической структуре личности, которые примыкают к представлениям антропологической и социологической школ уголовного права.

С одной стороны, главными детерминантами человеческой активности в фрейдизме выступают имманентно присущие человеку эгоизм, агрессивность, стремление к разрушению, к смерти и другие бессознательные инстинктивные влечения, подчиняющиеся "принципу удовольствия" (обозначаемые структурным образованием "Id", или "Оно"), что сближает психоаналитическую концепцию личности с биологизаторскими теориями антропологической школы уголовного права о детерминированности преступления исключительно биологическими факторами. С другой стороны, психоанализ постулирует зависимость поведения от социальных факторов, ситуационных воздействий, которые ответственны за формирование такой инстанции личности, как SuperEgo (Сверх Я), включающей социальные запреты (в том числе и правовые), нравственные и моральные нормы, одобряемые обществом ценности и идеалы, т.е. выполняющей функции общественной цензуры. Следует отметить, что Сверх Я действует в сфере бессознательного. Ответственность за правовое поведение в таком случае возлагается не на ущербную, изначально аморальную и управляемую только инфантильными инстинктами личность, а, соответственно взглядам социологической школы уголовного права, на общество в целом, на окружающую среду. Оба подхода снимают проблему личной и социальной ответственности человека, поскольку, и в том и в другом случае, по выражению В.Франкла, "человек остается лишь движимым, он не становится принимающим решения, тем более нравственные]. Таким образом, мы видим общую несовместимость "рационалистических" концепций человеческой природы с представлениями о человеке в психоанализе.

Подчеркнем, что научные положения и методы исследования, применяемые экспертом-психологом, должны быть апробированы именно в экспертной практике, поскольку научно обоснованные теории и методы в одной области прикладной психологии (к примеру, тот же психоанализ в психотерапии) не всегда могут быть адекватно применены в другой.

Во-вторых, специальные знания (познания) эксперта-психолога должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования) и не пересекаться с юридическими знаниями: дело в том, что некоторые понятия, такие как личность, мотивы и др., являются объектом рассмотрения и в рамках уголовного права - так, некоторые юридически значимые мотивы согласно действующему уголовному законодательству введены в состав преступления в качестве его элементов или выступают в качестве квалифицирующего обстоятельства. К тому же юристы изучают в процессе своей профессиональной подготовки основы судебной психологии. Поэтому важно дифференцировать психологический и юридический подходы к некоторым психологическим закономерностям душевной жизни человека - специальные психологические знания нельзя идентифицировать с профессиональными знаниями следователя и судьи, они неотделимы от базовой психологической науки.

Таким образом, специальные познания (знания) эксперта-психолога - это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенном уголовно-процессуальным кодексом.

Определение специальных познаний психолога, используемых в судебной экспертизе, позволяет более четко очертить и сферу его профессиональной компетенции. Включение в определение специальных познаний предмета исследования судебно-психологической экспертизы позволяет четко отделить именно на предметном уровне профессиональную компетенцию эксперта-психолога от профессиональной компетенции

судебного психиатра, с одной стороны, и от компетенции следователей и судей - с другой.

Указание на обязательное использование специальных научных познаний, уже внедренных в экспертную практику, выносит за границы профессиональной

компетенции судебного эксперта-психолога следующие моменты:

- явления, которые недоступны познанию с точки зрения уровня развития современной психологической науки - например, разного рода парапсихологические феномены, широко обсуждаемые в последнее время явления "зомбирования", "колдовства" и пр. В литературе могут существовать различные теоретические концепции, объясняющие такого рода явления, однако они не разделяются большинством специалистов, а считаются гипотезами, нуждающимися в последующей проверке;

- спекулятивные, малоизвестные, непробированные в научной психологии и в экспертной практике теоретические положения и методы исследования - предпочтение должно отдаваться испытанным, признаваемым научным сообществом теориям (к тому же совместимым с имплицитным представлением о человеке в действующем законодательстве), валидным и надежным методам, отработанным и получившим широкое распространение в судебной экспертизе;

- явления, которые невозможно исследовать из-за методической специфики проведения судебно-психологической экспертизы, которая часто должна реконструировать сущность психических процессов в юридически значимых ситуациях, относящихся к прошлому в момент исследования. Так, недоступно ретроспективное изучение, к примеру, содержания сознания свидетеля в момент совершения преступления, очевидцем которого он был, т.е. невозможно ответить на вопрос, воспринял ли он те или иные события на самом деле. Невозможно реконструировать, понимал ли обвиняемый в изнасиловании, что потерпевшая находилась в беспомощном состоянии вследствие психологических причин;

- **явления**, имеющие значение для суда и следствия, но не являющиеся предметом исследования эксперта-психолога, и относящиеся к компетенции органа, ведущего производство по делу. Так, оценка достоверности показаний и все вопросы, связанные с этим ("Чем можно объяснить изменение показаний обвиняемого в ходе следствия?", "Не склонен ли обвиняемый ко лжи?" и т.п.) относятся исключительно к компетенции юридических органов, которые определяют достоверность показаний на основании оценки всех доказательств, собранных по делу;

- **явления**, относящиеся к изучению психических процессов, но составляющие предмет исследования экспертов-психиатров и находящихся в их компетенции. Например, недопустимо в рамках судебно-психологической экспертизы исследовать способность обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;

- **психические процессы** и состояния, в целом входящие в компетенцию эксперта-психолога, но не имеющие юридического значения при тех или иных предметных видах экспертизы. Так, ошибочно при экспертизе свидетелей выносить в постановление (определение) вопрос о способности подэкспертного правильно понимать характер и значение действий обвиняемого, так как этот вопрос имеет значение только при экспертизе потерпевших по делам об изнасилованиях.

И, наконец, определение специальных познаний эксперта-психолога не дает оснований разграничивать пределы его компетенции при участии в разных видах судебной экспертизы - судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической.

Методологические проблемы судебно-психологической экспертизы

Методологические принципы судебно-психологического экспертного исследования Системный подход

Основой производства судебно-психологической экспертизы является психодиагностическая деятельность эксперта. Потребность в применении специальных психологических познаний появляется у судебно-следственных органов именно тогда, когда они не могут доступными им средствами получить объективные данные об особенностях психи-

ческой деятельности человека, имеющих значение для принятия судебного решения, и которые могут быть получены только в результате психодиагностического исследования, проведенного профессиональным психологом.

Психодиагностика в целом - это теория и практика постановки психологического диагноза. Психодиагностика применяется в самых разных прикладных отраслях психологии, и различия психодиагностической деятельности психологов, практикующих в этих областях, определяются не столько тем, какие методы психологического исследования они применяют, сколько тем, какой методологии они придерживаются в своей работе.

Психодиагностическая деятельность эксперта-психолога имеет свою ярко выраженную специфику, обусловленную тем, что она вплотную примыкает к деятельности судебно-следственных органов. Эта специфика вытекает из своеобразного положения психодиагностической деятельности эксперта-психолога, определяемой необходимостью использования специальных психологических познаний для исследования разных сторон психики человека в целях правильного решения правовых вопросов.

Предметом исследования эксперта-психолога являются особенности и нарушения структуры и динамики психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия. В большинстве предметных видов судебно-психологической экспертизы объектом внимания становятся такие свойства психики, которые нарушают способность под экспертного лица к осуществлению той или иной деятельности, предусмотренной уголовным правом и сформулированной в определенных юридических критериях. Эти юридические критерии, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Следовательно, основным методологическим принципом исследования психической деятельности под экспертных лиц является системный подход. Для конкретизации особенностей системного подхода в судебной экспертизе необходимо проанализировать проблему нормы и патологии регуляции поведения.

Можно выделить три основных операциональных подхода к этой проблеме. Следует подчеркнуть, что они употребляются практически одновременно, только в разных ситуациях на первый план могут выступать те или иные элементы.

Первый-подход можно обозначить как "измерительный". В предельном своем выражении такой подход приводит к пониманию различий между нормой и патологией как количественных. Это, например, методологический принцип Кречмера, рассматривающий различия между здоровьем и психическими заболеваниями как количественные. Согласно такому подходу, существует цепочка "нормальные характеры - акцентуированные характеры - психопатические характеры", и не случайно центральным становится понятие не "личности", а "характера", поскольку в психологии с измерительным подходом связывают в первую очередь инструментальные проявления - характер и темперамент. В судебной психиатрии - это так называемая "осевая" модель, построенная по принципу измерения глубины психических расстройств. Таким образом, одним из вариантов рассмотрения проблемы нормы и патологии в отношении свойств психики является понятие "количественной (статистической) нормы".

Другой подход можно обозначить как "оценочный". В крайнем своем выражении такой подход подразумевает патологию как социальную патологию, поскольку нормативное, адаптивное поведение предполагает социализацию, приспособление к окружающей действительности. Положение о том, что различие между нормой и патологией выступает как социальное, или оценочное, хорошо иллюстрирует история становления взглядов на проблему психопатий. Широко известны попытки ввести термин "социопатия". В основе понимания психопатии как "анетопатии" также лежат социальные основания: отсутствие совести, чувства любви, вины и т.д. В судебной психиатрии такой подход необходим, например, при выборе вида принудительных мер медицинского характера, при оценке "социальной опасности" больных, совершивших общественно опасные действия. Итак, дру-

гим вариантом соотношения нормы и патологии психических особенностей человека является понятие "социальной нормы".

Третий подход к проблеме нормы и патологии - с позиций изучения структуры психики (структурно-динамических особенностей мотивационной, эмоциональной, волевой, смысловой сфер и т.д.). В центре внимания такого подхода оказываются различные аспекты психической деятельности, но их объединяет понимание различий между нормой и патологией как различий в структуре психики, мотивации, поведения. Патология выступает как расстройство нормальной структуры психических функций, как системное нарушение. При таком подходе на первый план выходит "системно-структурная норма".

Итак, проблема нормы и патологии решается с помощью трех элементов:

- 1) через установление количественных изменений (**измерительный** подход),
- 2) через социальную оценку (**оценочный** подход), либо
- 3) через установление различий в системно-структурной организации психических процессов (**объяснительный** подход). Оговоримся, что в термине "объяснительный" главным является не вопрос "почему", не причины поведения, а вопрос "как" - важно, каким образом нарушена структура регуляции поведения.

Понятие "нормы" с позиций уголовного права выступает как норма регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. У разных под экспертных данная норма наполняется определенным смысловым содержанием и выступает как норма регуляции криминального поведения у обвиняемых или норма регуляции осознания поведения виновного и способности производить по отношению к нему особые действия у потерпевших, и т.д. Именно сохранность у под экспертных рассматриваемых норм и позволяет им быть полноценными участниками уголовного процесса. Иными словами, если не затрагивать онтологический и гносеологический аспекты проблемы нормы, то в практическом плане это понятие зафиксировано в уголовном праве в виде различных юридических критериев и сформулировано в психологических понятиях "способности" под экспертных к тем или иным действиям, раскрывающих, как отмечалось выше, результирующие, наиболее обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения. Необходимость выяснения степени влияния психической патологии на нормальную регуляцию поведения требует в первую очередь объяснительного подхода, системного анализа и экспертной оценки структуры психики.

В свою очередь, системно-структурный подход в судебно-психологической экспертизе раскрывается посредством ряда методологических принципов.

Уровневый анализ поведения и деятельности

Конечная цель судебно-психологического исследования - анализ регуляции поведения и деятельности под экспертного лица (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) - требует системного рассмотрения иерархической структуры регуляции поведения и деятельности. В современной психологии существует множество подходов к изучению мотивации поведения, но в качестве наиболее обобщенной схемы можно взять схему поведения, разработанную в рамках криминальной психологии и отражающую наиболее значимые звенья генеза поведения.

Первым этапом и одновременно высшим звеном мотивации поведения является формирование личности с определенной социальной ориентацией. Главные ценности личности, ее социальные установки задают основное направление формирования актуальной ситуативной мотивации, однако не предопределяют однозначно содержания конкретных мотивов поведения и планирования поступков.

Между "ядром" личности и поступком существует статистическая связь с достаточно высокой вероятностью, но наблюдаемая не всегда, не во всех случаях.

Следующий уровень - формирование у человека конкретной мотивации. В возникновении и выборе конкретных мотивов деятельности важнейшим личностным фактором выступает умение и способность адекватно соотносить ее субъективные моменты с объективно существующими требованиями, связями и отношениями окружающей действитель-

ности и имеющейся ситуации. Последнее неизбежно предполагает наличие у субъекта адекватного целостного образа ситуации, в которой осуществляется деятельность. На основе данного образа происходит выбор конкретных актуальных мотивов и целей деятельности, построение схем поведения.

Между мотивацией и поступком лежит еще одно звено - планирование и принятие решения. В основе этого этапа формирования поведения лежит психологический процесс целеполагания, т.е. выбора и постановки целей, на достижение которых будет направлен поступок. Одна из основных личностных структур, участвующих в целеполагании, - это самооценка. При планировании человек должен оценить свои возможности и способности, необходимые для достижения цели, и соотнести их с объективными условиями ситуации.

Последний этап - процесс реализации принятого решения, выбор способа достижения цели.

На каждом этапе происходит субъективная оценка как функция самосознания, с одной стороны, и осознания окружающей действительности - с другой. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль формирования каждого этапа мотивации поведения и соответствующая результатам контроля коррекция каждого иерархического звена формирования поведения.

Соответственно уровневой организации поведения и деятельности необходимо рассматривать и иерархическую структуру личности. В наиболее широком плане можно выделить различные уровни интеграции личности, влияющие на отдельные звенья генеза мотивации. Так, ценности личности, как осознанные и принятые человеком главные мотивы его жизнедеятельности, в совокупности с общим строением мотивов личности, их иерархией, имеют определяющее значение при формировании конкретной ситуационной мотивации. Характер и темперамент, определяющие в большей степени не содержательные, а инструментальные аспекты поведения, типичные способы действия, влияют на этапы принятия решения и реализации цели. Черты личности, отражающие как особенности мотивационной сферы, так и инструментальные проявления, определяют, в зависимости от обстоятельств, тот или иной уровень деятельности.

Можно рассматривать организацию личности и более широко, как структурно-динамическую организацию познавательных, аффективных, волевых, физиологических и морфологических особенностей индивида. В любом случае при экспертном исследовании психолог должен уметь выделять интересующий его уровень поведения, деятельности, личности, объясняющий действия под экспертного лица и, соответственно, имеющий значение для уголовного дела, для целенаправленного аналитического и экспериментального изучения.

Взаимодействие личностных и ситуационных факторов

Объектом исследования эксперта-психолога является психическая деятельность под экспертного лица в юридически значимых ситуациях. В судебной экспертизе в преобладающем большинстве случаев следственные органы и суд интересуют не особенности психики человека вообще, а их функционирование в конкретных ситуациях - например, у обвиняемого или подсудимого в ситуации совершения правонарушения, у свидетелей - в ситуациях совершения преступления, в следственной ситуации и в ситуации судебного разбирательства. Это требует от эксперта обязательного учета влияния на психическую деятельность не только личностных факторов, но и различных ситуационных переменных.

При анализе ситуационных факторов необходимо учитывать, каким именно образом они могут оказывать влияние на поведение и интересующие судебно-следственные органы способности человека к осуществлению той или иной деятельности. Как известно, в истории психологии можно проследить две крайние точки зрения на мотивацию поведения: одна из них абсолютизирует ситуационные воздействия, здесь поведение рассматривается как реакция на внешние стимулы (бихевиоризм), другая - игнорируя внешние факторы, утверждает приоритет внутренних субъективных (часто неосознаваемых) детерми-

нант поведения (психоанализ и др.).

В современной психологии мотивация поведения рассматривается как взаимодействие личностных и ситуационных переменных. Следует учесть, что ситуационные факторы в рамках этих представлений нельзя рассматривать упрощенно, как что-то внешнее, противостоящее внутреннему личностному, и как что-то, предшествующее по времени действию и являющееся стимулом, на который реагирует человек. И личностные диспозиции, и особенности ситуации в психологическом взаимодействии репрезентированы в сознании и в когнитивных схемах, которые непрерывно видоизменяются в циклических процессах, включающих действие и воспринимаемую обратную связь с его последствиями. Поскольку когнитивные схемы зависимы от возрастного развития и от различных аномалий психики, обуславливающих нарушения и особенности когнитивных процессов и смысловой оценки, необходимо в рамках личностных переменных учитывать возрастные особенности и психические расстройства человека. Основные элементы психологически адекватного понятия взаимодействия личности и ситуации сформулированы Д. Магнуссоном и Н. Эндлером:

- **актуальное поведение - функция непрерывного многонаправленного взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен;**
- **в этом процессе человек является активным деятелем, преследующим свои цели;**
- **существенными признаками личностных переменных взаимодействия являются когнитивные и мотивационные факторы;**
- **решающим аспектом ситуационного фактора является то психологическое значение, которое ситуация имеет для человека**

Единство сознания и деятельности

Сознание - это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей, включающее в себя категорию активности и охватывающее эмоционально-ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственно-этическими ценностями и правовыми нормами, отражение смысловой оценки последствий своих действий, т.е. оно является высшим регулятором деятельности. Это обстоятельство отражено в уголовном праве: каждый юридический критерий, исследуемый экспертом-психологом, представлен не только в психологических понятиях, но состоит из двух частей, характеризующих способность, **во-первых**, к адекватному осознанию окружающей действительности и самосознанию, **во-вторых** - к полноценной произвольной регуляции своих действий. Так, при экспертизе потерпевших необходимо исследовать как способность к пониманию характера и значения действий виновного лица, совершившего сексуальное насилие, так и способность оказать ему осознанное сопротивление; у свидетеля важно установить не только его способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, но и способность давать о них правильные показания. Эти примеры показывают обязательность учета и принципа единства сознания и деятельности при проведении конкретных судебно-психологических экспертиз.

Важно учитывать, что если способность к адекватному осознанию себя и окружающего в интересующей следствие или суд ситуации нарушена, то нарушена бывает и произвольная регуляция своих действий, поскольку действие всегда реализует цель - а цель является осознанным образом предвосхищаемого результата действия. Но если структуры сознания в рассматриваемой ситуации сохранены, необходимо отдельно анализировать звено регуляции поведения или деятельности, которое может быть расстроено и при полном осознании своих действий.

Принцип развития

Достаточно очевидно, что при экспертном исследовании психологу, чтобы полноценно ответить на вопросы судебно-следственных органов, необходимо изучать не только актуальную психическую деятельность человека в юридически значимой ситуации, но и

проанализировать становление психических особенностей человека в его макродинамике - по существу в каждой отдельной экспертизе без глубокого исследования "психологической биографии" человека невозможно провести полноценное экспертное исследование. Изучение психики подэкспертного лица в его динамике позволяет понять становление его ценностных ориентации, мотивационного строения личности, его характера и темперамента, дает возможность выявить уровень развития и особенности отдельных психических процессов - смыслового восприятия, памяти, внимания, мышления и т.п.

В то же время чрезвычайно важно учитывать и "микродинамику" психической деятельности в конкретно разворачивающейся ситуации. Юридически значимые ситуации не бывают одномоментными - они всегда занимают более или менее длительный промежуток времени с изменяющимися окружающими условиями. Понимание мотивации поведения как непрерывного взаимодействия личностных и ситуационных факторов диктует необходимость анализа полной динамики психических процессов в интересующий суд и следствие промежуток времени. Часто именно типичность подобной динамики и позволяет точно квалифицировать психическое состояние подэкспертного лица, как это происходит, к примеру, при диагностике аффекта.

Изменения психического состояния подэкспертного могут даже привести к разным ответам на вопросы судебно-следственных органов применительно к различным юридически значимым ситуациям - например, способность свидетелей преступления правильно воспринимать имеющую значение для дела информацию и давать о них правильные показания относится и к ситуации совершения преступления, и к ситуации следствия (которая может занимать довольно длинный промежуток времени), и к ситуации судебного разбирательства. Ясно, что за это время психика человека претерпевает изменения, и варианты такой динамики, как показывает экспертная практика, достаточно разнообразны.

При таком понимании принципа развития системный подход в судебно-психологической экспертизе предстает не только как структурный, но и как структурно-динамический.

Таким образом, наиболее общими принципами психодиагностического исследования судебного эксперта-психолога являются системный структурно-динамический подход, учитывающий единство сознания и деятельности, а также тесное взаимодействие личностных и ситуационных факторов.

Структура психодиагностической деятельности эксперта-психолога

Этапы планирования психодиагностического исследования

Полноценное планирование психодиагностического исследования требует четкого понимания структуры и этапов взаимодействия эксперта-психолога с органом, назначившим экспертизу, с одной стороны, и с подэкспертным лицом - с другой

На первом этапе определяется задача психодиагностического исследования. При судебно-психологической экспертизе в роли "заказчика", определяющего задачи исследования, выступают судебно-следственные органы. Данные психодиагностического исследования, сформулированные в заключении судебно-психологической экспертизы, используются судом для принятия судебного (правового, юридического) решения.

Это обстоятельство ставит перед экспертом-психологом довольно непростую проблему формулировки своего психодиагностического заключения на понятном для заказчика языке. Экспертные выводы должны быть представлены таким образом, чтобы их могли полноценно использовать судебно-следственные органы и в то же время они не должны терять своей психологической сущности, адекватно отражая исследуемое явление на высоком научном уровне, которым может обладать только профессионал, владеющий специальными познаниями в психологии.

Данная проблема обычно решается путем исследования "юридических критериев", сформулированных в уголовном и уголовно-процессуальном кодексе исключительно в психологических понятиях. Эти критерии, отражая закономерности структуры и динамики психики, являются одновременно и юридическими понятиями, поскольку касаются ре-

гуляции таких видов психической деятельности, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Поэтому они являются своеобразными правовыми нормами, наполненными психологическим содержанием.

Таким образом, экспертные психологические выводы формулируются на языке юридических критериев, которые результируют психодиагностическое исследование способности лица к осознанию и регуляции определенного вида деятельности и в то же время являются правовыми понятиями, встроенными в уголовный и уголовно-процессуальный кодекс. Основой же формулирования экспертного вывода на языке юридического критерия является психодиагностическое исследование психологических закономерностей и механизмов, которое описывается в заключении эксперта-психолога в узкопрофессиональной терминологии, которая может быть и малопонятной людям, не обладающим познаниями в психологии, но позволяет суду, как отмечает И.А. Кудрявцев, проверить фактическую и научную обоснованность экспертного заключения по внутреннему убеждению, путем привлечения иных специалистов или повторных экспертиз.

На втором этапе производства экспертизы психолог выделяет предмет исследования, т.е. уясняет, какое явление необходимо диагностировать.

В общем случае предмет психодиагностического исследования определяется вопросами, заданными эксперту органом, назначившим экспертизу. В то же время важное значение имеет предварительное ознакомление с материалами уголовного дела с четким представлением фабулы происшедшего. Дело в том, что некоторые вопросы судебно-следственных органов могут быть сформулированы достаточно обобщенно, и эксперт-психолог, основываясь на своих специальных познаниях в теоретической психологии (психологии личности, психологии познавательной деятельности, психологии эмоциональных явлений и т.д.), должен самостоятельно выделить, каким аспектам изучаемого явления он должен уделить основное внимание. **Например**, при задаче исследования индивидуально-психологических особенностей под экспертного судебно-следственные органы, как правило, не конкретизируют, какие стороны личности (ценностная сфера, мотивационное строение личности, черты личности, характер, темперамент и т.п.) подлежат исследованию и в каком объеме - это решает сам эксперт-психолог, исходя из предварительного анализа фабулы уголовного дела и существенных для дела фактов. Кроме того, как отмечалось в первой главе, эксперт-психолог имеет право делать экспертные выводы, касающиеся тех обстоятельств, относительно которых не было задано вопросов, - очевидно, что выделение этих обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, также является прерогативой самого эксперта-психолога и должно основываться на его опыте, степени владения специальными познаниями в психологии и анализе материалов уголовного дела.

Кроме того, выделение предмета психодиагностического исследования диктуется в каждом конкретном случае и четким представлением эксперта-психолога о юридическом значении экспертного заключения, о том, каким образом суд может использовать его выводы, какие возможные правовые последствия из них вытекают.

На третьем этапе планирования производства экспертизы решается самый важный вопрос: как именно исследовать под экспертное лицо, какие методы применить в конкретном экспертном исследовании?

Не существует и не может существовать заранее подготовленного универсального набора психодиагностических методик, который можно было бы применить ко всем под экспертным лицам. Каждая судебно-психологическая экспертиза - это уникальная процедура психодиагностического исследования с выбором конкретных методов исследования, зависящим от множества факторов.

Перечислим наиболее важные из них.

1. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике, в частности - владение различными методами исследования и понимание их направленности.

Наиболее общая классификация психодиагностических методов выделяет три

крупные группы.

Первую группу составляют методы, позволяющие получить L-данные путем регистрации реального поведения человека (life record data). В рамках деятельности эксперта-психолога к этой группе можно отнести:

- метод наблюдения во время клиничко-психологической беседы и проведения экспериментально-психологического исследования,
- анализ дневниковых записей среднего медицинского персонала о поведении под экспертных во время проведения стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы,
- анализ показаний свидетелей и других материалов уголовного дела, в которых фиксируются особенности поведения под экспертного лица.

Другая группа - Q-данные, полученные путем различных опросников и других методов самооценки и самоотчета (questionnairy data). В судебной экспертизе используются разнообразные методы стандартизированного самоотчета, включающие отличающиеся друг от друга техники психодиагностики (опросники, шкалирование, выбор, классификация и т.п.) и направленные на исследование различных сторон личности, психических состояний, структур самосознания, отдельных психических процессов, интеллекта и пр.

Третью группу составляют T-данные, получаемые при непосредственном экспериментальном исследовании испытуемых (objective test data). В рамках деятельности эксперта-психолога - это обычно методы, используемые в классическом патопсихологическом экспериментальном исследовании познавательных процессов и уровня интеллектуального развития.

Эксперт-психолог должен четко представлять возможности используемых психодиагностических методов, и в первую очередь - направленность метода, а также особенности техники, процедуры психодиагностического исследования. По этим двум основаниям А.Г. Шмелевым разработана более дифференцированная классификация психодиагностических методов, которую мы приводим в виде, видоизмененном применительно к целям судебно-психологической экспертизы.

Классификация психодиагностических методов по процедуре исследования:

а) **Биографический метод.** В деятельности эксперта-психолога данная процедура предстает в виде психологического анализа уголовного дела и приобщенных к нему материалов и включает в себя элементы контент-анализа и герменевтики.

Психологический анализ материалов уголовного дела состоит из следующих основных компонентов:

- изучение объективного анамнеза жизни под экспертного лица - по документам, отражающим его жизненный путь; показаниям родственников, друзей, сослуживцев и т.п.; по медицинской документации (истории болезни, медицинские карты, акты судебно-психиатрической экспертизы и др.);
- изучение субъективного анамнеза жизни - по показаниям под экспертного лица, по данным клиничко-психологической беседы;
- изучение динамики психической деятельности под экспертного лица в интересующий судебно-следственные органы период времени - по показаниям свидетелей; по показаниям под экспертного лица во время следствия и судебного разбирательства (в случае, когда под экспертный является обвиняемым или подсудимым - и из явки с повинной и чистосердечного признания); из следственных экспериментов и выхода на место происшествия; из материалов других экспертиз (в первую очередь - судебно-медицинских и судебно-психиатрических).

б) **Наблюдение.** Включает в себя наблюдение под экспертного во время проведения экспертизы, а также просмотр различных видеоматериалов (если имеются видеозаписи допросов, выхода на место происшествия).

в) **Диалоговые методы.** Основной диалоговый метод - это беседа, которая при обследовании несовершеннолетних и малолетних под экспертных (свидетелей, потерпевших

по делам об изнасилованиях) может дополняться различными игровыми интерактивными методами. Основные функции беседы - установление доверительного контакта с подэкспертным, собирание биографических сведений, анализ субъективного отчета о динамике психического состояния в интересующей суд и следствие ситуации, ее смыслового восприятия и осмысления, диагностика особенностей самосознания, личностных черт, особенностей характера, эмоционального реагирования, реакции на стресс, фрустрации, конфликтов и других свойств личности.

Наблюдение, осуществляемое экспертом-психологом, непосредственно связано с особенностями клинико-психологической беседы. беседа строится обычно свободно и не директивно, не формализованно, но в ней обязательно должны присутствовать определенные компоненты. Наиболее важными из них является, во-первых, опрос испытуемого по пунктам, имеющим значение для производства экспертизы: анамнез жизни, особенности самосознания, динамика психического состояния в юридически значимой ситуации, отношение подэкспертного к криминальной ситуации и к ситуации судебной экспертизы и т.п.; во-вторых, моделирование в рамках беседы разных ситуаций диалогового взаимодействия с регистрацией поведения испытуемого.

Следует отметить, что эффективность наблюдения зависит от многих факторов, наиболее существенными из которых являются: квалификация эксперта-психолога; личность испытуемого - например, легче наблюдать экстравертированных, нежели интравертированных испытуемых; природа черт личности - так, явные черты, такие как импульсивность, властность, оцениваются точнее, чем скрытые черты - такие, как объективность-субъективность и др. Это обстоятельство определяет еще одну необходимую функцию наблюдения - формулировку гипотез, которые могут подвергаться экспериментальной проверке и требуют применения соответствующих методов исследования.

г) **Объективные тесты.** Характеризуются наличием правильных или нормативных ответов. В деятельности эксперта-психолога обычно используются психометрические методы (типа тестов Векслера, Равена), позволяющие измерить уровень интеллектуального развития, и классические патопсихологические методы исследования познавательных процессов - внимания, памяти, мышления (10 слов, Опосредованное запоминание по Леонтьеву, Пиктограмма, Классификация предметов, Исключение понятий, Исключение предметов, Сравнение понятий, Аналогии, Счет по Крепелину, Проба Бурдона, Отсчитывание, Таблицы Шульте и др, с акцентом на качественный анализ данных, отличающихся от нормативных.

д) **Стандартизированные самоотчеты.**

- **Тесты-опросники.** Опросники могут основываться на клинико-психологической типологии личности (ММРП), типологии черт личности (16-факторный опросник Кеттелла), характера (опросник Шмишека, ПДО А.Е. Личко), темперамента (опросник Стреляу, ЕРІ Айзенка), отдельных черт личности и психических состояний (опросник субъективной локализации контроля Роттера, агрессии Басса-Дарки, тревожности Спилбергера и др.).

- **Субъективное шкалирование.** Чаще всего в судебно-психологической экспертизе применяют шкалы самооценки по Дембо-Рубинштейн или более сложные техники выявления личностных конструктов по Келли (репертуарные решетки и др.).

е) **Проективные техники.**

- **Классическая словесная апперцепция.** От испытуемых требуется дать вербальное описание достаточно неструктурированного неопределенного стимульного материала или составить на его основе рассказ (ТАТ, тест Роршаха, тест руки Вагнера и др.).

- **Проективное предпочтение.** Методы, основанные на выборе испытуемым одного или нескольких из предлагаемых стимулов (цветовой тест Люшера, тест Сцонди, цветовой тест отношений А.Эткиндаидр.).

- **Рисуночные тесты.** Чаще всего используются рисунок человека, несущест-

вующего животного, семьи. Применяется достаточно унифицированная стандартизированная схема интерпретации. Эффективен при работе прежде всего с малолетними и несовершеннолетними испытуемыми.

- **Полупроективные тесты.** К ним можно отнести тест Розенцвейга, методы незаконченных предложений, Пиктограмму.

- ж) **Анализ продуктов спонтанного творчества.** Применяется в тех случаях, когда в распоряжении эксперта-психолога есть рисунки, картины, литературные произведения подэкспертного.

Классификация методов по объекту психодиагностики:

- а) Индивидуально-психологические особенности:

 - Темперамент (опросник Стреляу, опросник Айзенка).

 - Характер (опросник Шмишека, ПДО).

 - Черты личности (опросник Кеттелла).

 - Интегративные типы личности (ММРІ).

- б) Отдельные психические функции (патопсихологические методы исследования внимания, памяти, мышления).

 - в) Функциональные и эмоциональные состояния (тест Люшера).

 - г) Интеллект (тест Векслера, матрицы Равена и др.).

- д) Самосознание и самооценка (Репертуарные решетки Келли, шкалы самооценки по Дембо-Рубинштейн).

 - е) Ценности, социальные установки (тест Рокича).

- ж) Эмоционально-мотивационная сфера (ТАТ, тест Роршаха, тест Розенцвейга и др.).

- з) Саморегуляция (методика "Уровень притязаний" Хоппе, субъективная локализация контроля Роттера).

При выборе конкретных методов психодиагностики важно учитывать и такую характеристику тестов, как экологическая репрезентативность, т.е. приближенность эксперимента к реальным условиям существования человека.

Так, если психолога интересует общее интеллектуальное развитие испытуемого, то он будет применять методы, направленные на изучение уровня обобщения и абстрагирования, в то же время исследование проявлений мыслительных способностей в реальной жизни требует изучения и ориентировки испытуемого в практических ситуациях, общей осведомленности.

При необходимости клинической диагностики испытуемого можно применять такие методы, как тест Роршаха с искусственным стимульным материалом, а для исследования взаимодействия личности с ситуацией более адекватными являются методики со стимульным материалом, близким к тому, с чем сталкивается человек в обыденной жизни - например, тест Розенцвейга выявляет особенности поведения испытуемых в конфликтных ситуациях, при фрустрирующих обстоятельствах; опросник Кеттелла построен на альтернативном выборе вариантов поведения в реальных жизненных ситуациях.

2.Возможность применения методов именно в судебно-психологической экспертизе.

В определении специальных познаний эксперта-психолога не случайно подчеркивается, что методы психодиагностического исследования должны быть внедрены в практику судебной экспертизы.

Методы психодиагностики, применяемые в судебно-психологической экспертизе, должны обладать двумя основными характеристиками - валидностью и надежностью.

Валидность является комплексной характеристикой методики, включающей сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним. По выражению А. Анастаси, это понятие, показывающее, что тест измеряет и насколько хорошо он это делает .

Наиболее важные типы валидности - это **диагностическая** (конкурентная, теку-

щая), отражающая способность теста различать испытуемых на основе диагностического признака, являющегося объектом исследования в данной методике, и прогностическая (предсказательная) - отражающая степень точности и обоснованности суждения о диагностируемом психологическом качестве по его результату спустя определенное время после диагностики. **Диагностическая и прогностическая** валидность в совокупности образуют эмпирическую валидность - наиболее существенное свойство для любой методики, используемой экспертом-психологом.

При психодиагностике малолетних и несовершеннолетних подэкспертных необходимо учитывать также такое важное свойство теста, как валидность по возрастной дифференциации. Это свойство методики отражает соответствие результатов теста теоретически ожидаемым и практически наблюдаемым возрастным изменениям диагностируемого качества. Является одним из главных критериев тестов интеллекта .

Другая необходимая для возможности применения методики в психодиагностических целях характеристика - это **надежность** теста - понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов.

Одной из главных особенностей контингента испытуемых в условиях судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы является наличие как раз таких дополнительных факторов, которые существенно снижают валидность и надежность психодиагностических исследований. В первую очередь, это различные психогенные реактивные наслоения на психическую деятельность под экспертными, связанные с ситуацией привлечения к уголовной ответственности, с реакцией на содеянное, с лишением свободы и помещением в новые условия жизнедеятельности. Так, экспериментально показано, что даже у психически здоровых людей ситуация привлечения к уголовной ответственности существенно изменяет структуру самооценки, определяя изменение содержания системы измерений (факторов) самоотношения и самоконтроля . Следует учитывать, что объектом психодиагностической деятельности эксперта-психолога, особенно в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, часто являются лица с различными формами психических аномалий, что накладывает дополнительный отпечаток на их смысловое восприятие и осмысление изменившейся ситуации существования, на их эмоциональную реактивность, функциональное состояние и другие стороны психической деятельности. И, наконец, одним из ведущих факторов, искажающих результаты психодиагностических методов, являются разнообразные установки под экспертными по отношению к исходу экспертизы. Психически здоровые лица, обвиняемые в тяжких преступлениях, которым грозит исключительная мера наказания, могут симулировать психические расстройства; напротив, лица с наличием психических нарушений, совершившие незначительные преступления, в ряде случаев скрывают собственные психопатологические переживания.

Поэтому в практике производства судебно-психологической экспертизы адекватно может применяться довольно ограниченный круг психодиагностических методов, которые прошли многолетнюю апробацию в условиях экспертного исследования и доказали свою эффективность. Обобщение многолетнего опыта работы судебных экспертов-психологов показывает, что многие методы, применяемые в ситуации психологического консультирования, профессионального отбора, в других прикладных отраслях психологии, не обладают достаточной валидностью и надежностью в ситуации судебного экспертного психодиагностического обследования.

С этой точки зрения предпочтительнее использовать такие методы исследования, которые содержат оценочные шкалы, отражающие влияние личностных установок и эмоциональных состояний испытуемого (как это сделано в ММРП), или защищены от искажающих влияний при конструировании теста (опросник Кеттелла), или показали свою универсальность и эффективность на протяжении нескольких десятков лет их применения (например, тест Роршаха или ТАТ).

Процессуальное положение под экспертного лица.

При планировании психодиагностического исследования и выборе конкретных методик эксперт-психолог должен обязательно учитывать процессуальное положение испытуемого. Это связано с тем, что в основе интересующей судебно-следственные органы способности под экспертных лиц к осуществлению той или иной юридически значимой психической деятельности в зависимости от того, является ли обследуемое лицо обвиняемым (подсудимым), свидетелем или потерпевшим, лежат разные психологические предпосылки и, соответственно, разные объекты психодиагностического исследования.

Половозрастные факторы.

Психодиагностические методы, как правило, валидизируются на определенных возрастных группах и с учетом половой дифференциации. Валидные и надежные методики обычно имеют различные нормативы обработки и интерпретации данных для определенных возрастных интервалов, содержат мужские и женские варианты. Некоторые методы можно применять только для определенного возрастного контингента испытуемых (нам известен случай, когда судом была назначена повторная экспертиза только на основании того, что экспертом-психологом выводы строились на данных обследования 20-летнего обвиняемого Патохарактерологическим диагностическим опросником, рассчитанным на исследование подростков до 18 лет). Другие, такие как тест Векслера, тест Розенцвейга, опросник Кеттелла и др., имеют варианты для каждого определенного возраста. Только точное знание половозрастной адресации психодиагностического метода позволяет избежать ошибки при комплектовании набора методик в отношении конкретного под экспертного.

Психические аномалии и умственное развитие под экспертного лица.

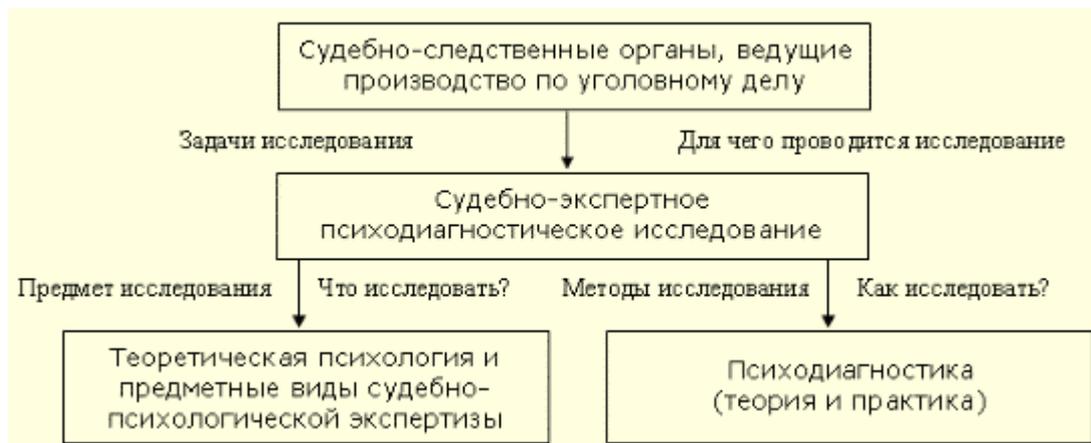
Индивидуально-психологические (в том числе и психопатологические) особенности каждого конкретного испытуемого определяют пригодность применения по отношению к нему той или иной методики. Разные психодиагностические методы требуют деятельности испытуемого различной сложности. Испытуемым с низким уровнем умственного развития, с недостатком образования часто недоступно понимание даже инструкций многих используемых методов. В случаях, когда не решается специально задача определения уровня интеллекта, следует отбирать для исследования такие методики, которые позволяют изучать интересующее психолога явление, и в то же время их выполнение будет доступно для обследуемого лица.

Вид экспертизы по месту и условиям проведения. Этот фактор часто определяет трудоемкость проведения психодиагностического исследования. При комплектовании батареи методов эксперт-психолог неизбежно сталкивается с проблемой затрат времени, необходимых для проведения экспериментального исследования, обработки и интерпретации полученных данных, соотнесения их с данными психологического анализа материалов уголовного дела, составления заключения и формулирования экспертных выводов. Ясно, что в условиях стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (длящейся обычно месяц) психодиагностическое исследование может включать в себя большой объем применяемых методов, с возможной верификацией данных, полученных разными методами, направленными на изучение одного и того же явления, и с возможным ретестированием испытуемого одной и той же методикой. В условиях амбулаторной экспертизы или экспертизы в зале судебного заседания ресурсы времени более ограничены, что накладывает отпечаток на объем психодиагностического исследования и на выбор конкретных тестов. В условиях дефицита времени предпочтение следует отдавать наиболее информативным и занимающим меньше времени тестам.

Уровень квалификации эксперта-психолога.

Конечно, в идеале желательно иметь в качестве экспертов таких психологов, которые в совершенстве владели бы всеми методиками, применяемыми в судебной экспертизе. Но на практике экспертизу проводят психологи, обучавшиеся в различных по качеству образования высших учебных заведениях, имеющие различную базовую подготовку, разный опыт работы в экспертизе. Одни эксперты доверяют больше одним психодиагности-

ческим методам, другие - иным. Поэтому в качестве общей рекомендации можно сказать, что предпочтительнее применять меньшее число экспериментальных методов, которыми эксперт владеет на высоком уровне, чем гнаться за количеством и использовать отдельные методы исследования некачественно, неправильно обрабатывая и интерпретируя их результаты. Следует всегда учитывать, что при производстве экспертизы окончательные выводы психолога складываются не только из данных экспериментально-психологического исследования, но и требуют обязательного психологического анализа поведения и деятельности под экспертного лица по всем имеющимся в распоряжении эксперта материалам. Только при сопоставлении и верификации данных анализа материалов уголовного дела с экспериментальными можно обоснованно формулировать **экспертные выводы**.

Структура психодиагностической деятельности судебного эксперта-психолога

Этапы проведения психодиагностического исследования

Основные этапы психологического исследования при производстве судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

1. Четкое уяснение фабулы дела. Эксперт-психолог реконструирует временную последовательность событий, используя все имеющиеся в деле показания (обвиняемого, свидетелей, потерпевших), материалы выхода на место происшествия и следственных экспериментов, а также данные судебных экспертиз. Существенно облегчает понимание динамики ситуации и поведения под экспертного текст обвинительного заключения, если оно имеется в уголовном деле.
2. Психологический анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам.
3. Психологический анализ динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела.
4. Проведение клинико-психологической беседы и экспериментально-психологического исследования с одновременным наблюдением под экспертного.
5. Сопоставительный анализ данных психологического изучения уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментального исследования.
6. Анализ взаимодействия личности под экспертного с юридически значимой ситуацией, исследования особенностей отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции своих действий, контроля своего поведения, прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов - с учетом индивидуально-психологических возможностей, эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития, психических расстройств.
7. Составление заключения с формулировкой экспертных выводов (ответов на во-

просы судебно-следственных органов).

Вывод

Специфика психодиагностической деятельности эксперта-психолога определяется необходимостью использования специальных психологических познаний для исследования разных сторон психической деятельности в целях правильного решения уголовно-правовых вопросов.

Методологической основой судебно-психологического исследования под экспертных лиц является системно-структурный подход к установлению нормы регуляции поведения и психической деятельности.

Основными принципами системно-структурного подхода в судебнопсихологической экспертизе являются:

- уровневый анализ поведения и деятельности;
- взаимодействие личностных и ситуационных факторов;
- единство сознания и деятельности;
- принцип развития.

Этапы планирования психодиагностического исследования эксперта-психолога включают:

- определение задачи психодиагностического исследования;
- выделение предмета исследования;
- выбор методов экспертного исследования. Выбор психодиагностических методов определяется:
 - - профессиональными познаниями эксперта-психолога в теоретической и практической психодиагностике, уровнем его квалификации;
 - - внедренностью психодиагностических методов в практику судебнопсихологической экспертизы, их валидностью и надежностью;
 - - процессуальным положением, половозрастными особенностями, уровнем психического развития под экспертного лица и наличием у него психических аномалий;
 - - видом судебнопсихологической экспертизы по месту и условиям проведения.

Основные этапы психодиагностического исследования при производстве судебнопсихологической экспертизы включают:

- уяснение фабулы уголовного дела;
- психологический анализ индивидуально-психологических особенностей под экспертного лица по материалам уголовного дела;
- психологический анализ динамики психической деятельности под экспертного лица в юридически значимых ситуациях по материалам уголовного дела;
- клинико-психологическая беседа, экспериментально-психологическое исследование, наблюдение;
- сопоставительный анализ данных психологического изучения материалов уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментально-психологического исследования;
- анализ взаимодействия личности под экспертного с юридически значимой ситуацией, исследование способности под экспертного к адекватному отражению ситуации, осознанию и регуляции собственных действий;
- составление заключения судебнопсихологической экспертизы с формулировкой экспертных выводов.

Экспериментально-психологическое исследование

Возможности использования психологических познаний в судебнопсихиатрической практике

В современной психиатрии использование психологических познаний занимает

достаточно значительное место и в настоящее время уже довольно широко внедрено в практику. Теоретические достижения и методические средства клинической психологии активно используются в психодиагностической деятельности врача-психиатра при назначении адекватных способов реабилитации и лечения, и особое место они занимают в судебно-психиатрической экспертизе. Возможности использования профессиональных знаний психолога в экспертной психиатрической практике определяются целым рядом моментов, среди которых первостепенными являются следующие.

Прежде всего рассмотрим соотношение таких теоретических дисциплин, как патопсихология и психопатология. **Патопсихология** как наука находится на стыке психологии и психиатрии, оставаясь при этом разделом психологии. Она исходит из теоретических представлений общей психологии, но направлена на решение задач (теоретических и прикладных), поставленных перед ней психиатрией. Если общая психология в целом изучает закономерности строения и протекания психической деятельности, то **патопсихология исследует закономерности протекания и структуры нарушений или расстройств психической деятельности.**

У **патопсихологии и психопатологии** один и тот же объект исследования - психика человека. Именно это обстоятельство и позволяет объединять усилия психиатров и психологов в самых разных прикладных областях, в частности - в судебной экспертизе. Но предмет каждой из этих наук имеет свои особенности, отличные друг от друга. Если психопатологическое исследование выявляет закономерности проявлений (феноменологии) нарушенных психических процессов, то патопсихологическое - отвечает на вопрос, каковы нарушения или особенности протекания и структуры самих психических процессов при том или ином психическом заболевании. Именно поэтому психопатология описывает психику человека на другом языке, нежели патопсихология - на языке клинических симптомов, синдромов, т.е. поведенческих проявлений, в то время как патопсихология оперирует психологическими понятиями, требующими проникновения в механизмы психической деятельности и психодиагностического исследования. Понятийные аппараты патопсихологии и психопатологии лишь частично пересекаются в тех областях, где психология описывает проявления поведения (такова, к примеру, категория «характера»). Некоторые понятия, внешне сходные в употреблении психиатров и психологов (например, «сознание»), наполнены в этих науках разным содержанием. Не случайно **патопсихология** может выступать как теория психопатологии - по существу, в истории психиатрии прослеживаются только два направления теоретических исследований - биологическое и психологическое. Примером психологического направления может служить глубинная психология, или психоанализ, являющийся теоретической и методологической основой психодинамической психиатрии. **Методы психопатологии** - опрос, сбор анамнеза, наблюдение, изучение продуктов творчества - тоже направлены на изучение феноменологии, а психология использует психодиагностику, центральное место в которой занимает экспериментальный подход.

Из этого следует, что экспериментально-психологическое исследование может выступать как дополнение клинического изучения психики человека и является одним из наиболее эффективных параклинических методов психиатрии. Этому способствует нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение задач, соотносимых с практическими задачами клинической диагностики в судебно-психиатрической экспертизе.

Экспериментально-психологическое исследование дополняет клиническое исследование, реализуя естественнонаучный, экспериментальный подход к психике человека как целостной системе, осуществляя при этом сочетание качественного и количественного анализа патопсихологических данных и учитывая не только измененные, но и сохраненные звенья психической деятельности обследуемого. Эффективное использование патопсихологического материала в клинических целях обусловлено и широкими возможностями применения патопсихологом в ситуации судебной экспертизы всестороннего методиче-

ского арсенала: как правило, при экспериментально-психологическом исследовании патопсихолог применяет до 10-15 методик, направленных на изучение особенностей познавательной деятельности (восприятия, внимания, памяти, мышления) и динамики умственной работоспособности, набор ориентированных на исследование личностных особенностей проективных методов, опросников. Кроме того, необходимость решения экспертных медицинских вопросов, касающихся каких-либо периодов жизни испытуемого, приводит к применению метода психологического анализа различных документов - материалов уголовного дела, медицинской документации, содержащих объективные данные об особенностях развития человека, о психическом состоянии в интересующий суд период времени.

Вместе с тем, возможность с помощью психологических методов выявлять и описывать особенности структуры самосознания, мотивации, раскрывать психологические механизмы поведения обуславливает более точное решение экспертных вопросов, касающихся установления и юридических критериев в разных видах судебно-психиатрической экспертизы. Особо высока роль использования психологических данных при судебно-психиатрической оценке пограничной психической патологии, когда клиническая квалификация психического состояния под экспертного в юридически значимой ситуации не позволяет однозначно и с очевидностью решать вопросы о наличии или отсутствии того или иного юридического критерия, интересующего суд.

В целом, использование психологических познаний в рамках судебно-психиатрической экспертизы способно повысить надежность, достоверность и информативность экспертных психиатрических выводов, обусловить большее доверие к ним со стороны судебных органов. К примеру, экспериментально-психологическому исследованию в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского в настоящее время подвергаются более 80% всех испытуемых, прошедших разные виды судебно-психиатрической экспертизы за год.

Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе

Экспериментально-психологическое обследование под экспертного лица (изучение познавательных процессов и индивидуально-психологических особенностей) является обязательным компонентом экспертного исследования при судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизах.

Вопрос об использовании психологического исследования в качестве параклинического метода в процессе судебно-психиатрической экспертизы решается каждый раз индивидуально, но не судом, а психиатром-экспертом (или комиссией психиатров-экспертов). Следует подчеркнуть, что в разных видах судебных экспертиз у психиатров нет обязанности привлекать психологов для решения экспертных вопросов во всех случаях, и они не должны прибегать к помощи психологического исследования в отношении каждого под экспертного, но могут делать это в тех случаях, когда это представляется целесообразным и необходимым.

Основными самостоятельными задачами экспериментально-психологического исследования в рамках судебно-психиатрической экспертизы являются:

- **предоставление дополнительных психологических данных в целях дифференциальной диагностики;**
- **установление степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств.**

Дополнительными задачами по отношению к основным являются:

- **выявление структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности;**
- **определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом.**

Их решение обязательно как при решении первой, так и второй самостоятельной задачи. . Рассмотрим содержание выделенных задач патопсихологического исследования

в контексте целей судебно-психиатрической экспертизы подробнее.

Дифференциальная диагностика

Основные сложности, возникающие при решении данной задачи, связаны, во-первых, с различными реактивными наслоениями на психическую деятельность вследствие привлечения к уголовной ответственности, во-вторых, с преобладанием в практике судебно-психиатрической экспертизы смешанных и стертых форм психической патологии. Кроме того, у лиц, ранее совершавших правонарушения и подвергавшихся принудительному лечению, наблюдается и лекарственный патоморфоз. Это обуславливает поиск таких эффективных форм организации и проведения экспериментально-психологического исследования, которые нивелировали бы упомянутые сложности. Как известно из патопсихологической литературы, некоторые патопсихологические показатели нарушений психической деятельности чаще встречаются при одних видах психической патологии, а некоторые - при других. В то же время эти показатели не являются нозологически специфичными. Так, искажение процесса обобщения может встречаться как при шизофрении, так и при психопатии. В связи с этим, перспективным путем представления патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики представляется выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности.

Патопсихологический симптомокомплекс - это совокупность особенностей и нарушений познавательных процессов, относительно специфичных для той или иной клинической нозологии, имеющая в своей основе определенные психологические механизмы

Для патопсихологического симптомокомплекса, свойственного больным *шизофренией*, наиболее патогномичным является следующий набор патопсихологических показателей: неадекватность ассоциаций с их формальностью или выхолощенностью, бессодержательностью; использование при обобщении несущественных, маловероятных (латентных) признаков объектов или субъективных критериев; не критичность мышления; резонерство; явления разноплановости, соскальзывания на случайные ассоциации в суждениях; использование вычурных или усложненных речевых высказываний; искаженное толкование условного смысла; колебания внимания и снижение его активности. Характерно, что выявленный комплекс нарушений познавательных процессов не зависит от уровня интеллекта - в данный симптомокомплекс с равной частотностью входят и категориальный, и функциональный, и конкретный уровни обобщения и абстрагирования.

Патопсихологические расстройства **при органическом поражении головного мозга** имеют качественно иной характер. В патопсихологическом симптомокомплексе преобладают нарушения познавательной деятельности, связанные со снижением интеллекта: низкий (конкретный и конкретно-ситуационный) уровень обобщения; конкретность ассоциаций; непонимание условного смысла; трудности установления логических (вербальных и наглядно-образных) связей и отношений. Обнаруживается обстоятельность суждений, инертность мыслительных действий, застревание на несущественных деталях. В целом вербальный интеллект ниже наглядно-образного. Нарушены мнестические процессы: уменьшен объем непосредственного и опосредованного запоминания. Характерны нарушения умственной работоспособности - колебания внимания, снижение его активности (расстройства концентрации и распределения внимания), замедленный и неравномерный темп умственной деятельности.

Основу патопсихологического симптомокомплекса, присущего психопатиям, составляют эмоциональная насыщенность ассоциаций (при их адекватности), Отмечается и актуализация несущественных признаков при обобщении, парциальная не критичность. Как и у больных шизофренией, эти качественные нарушения и особенности не зависят от уровня интеллекта.

Выделение патопсихологических симптомокомплексов имеет не только практиче-

скую ценность, но и теоретическое значение. Оно позволяет выявить факторы, лежащие в основе тех или иных патопсихологических синдромов.

Так, наши исследования показали, что «органический» симптомокомплекс определяется одним общим фактором - снижением всех психических функций: внимания, памяти, мышления. Патопсихологические симптомокомплексы больных шизофренией и психопатией имеют полиморфную структуру.

В патопсихологическом симптомокомплексе при шизофрении выделяются три группы нарушений. **Первая из них**, объединяющая Патопсихологические данные о снижении некоторых психических функций, по всей видимости, отражает нарастающий дефект психики у части больных шизофренией. На первый взгляд, он схож с выделенным фактором снижения интеллекта при органическом поражении головного мозга, однако имеются достаточно четкие качественные различия, связанные с иной природой болезненного процесса. При органическом поражении головного мозга снижение интеллекта сопровождается проекцией собственных эмоциональных переживаний в материал заданий, а при шизофрении - формальностью ответов, нередко - их выхолащенностью, а также актуализацией несущественных свойств объектов при обобщении, что отражает типичные изменения мотивационно-смысловой сферы и нарушения селективности познавательной деятельности.

Вторая группа нарушений познавательной деятельности определяет качественные операциональные и мотивационно обусловленные нарушения мышления при шизофрении.

Основу последней группы расстройств составляют нарушения логического компонента мышления.

Патопсихологический симптомокомплекс, присущий психопатическим личностям, также состоит из трех групп нарушений и особенностей познавательной деятельности. Первая группа отражает особенности операциональной сферы мышления, имеющие эмоциональную, аффективную природу.

Вторая группа включает претенциозность суждений, склонность к рассуждательству и оценочным комментариям - т.е. те показатели, которые зависят от аффективной логики, характерной для лиц, страдающих психопатиями.

Особый интерес вызывает третья группа нарушений, которая включает в себя такие нарушения мышления, как искажение процесса обобщения с использованием латентных признаков предметов и понятий, искаженное объяснение условного смысла, неадекватность ассоциаций и использование личностных субъективных предпочтений в обобщениях. Эти нарушения схожи с теми, которые входят в патопсихологический симптомокомплекс, свойственный больным шизофренией, но психологический теоретический и экспериментальный анализ показывает, что несмотря на схожую феноменологию в основе данных нарушений лежат различные психологические механизмы. В отличие от нарушений мышления при шизофрении искажения процесса обобщения и абстрагирования у психопатических личностей

1) развиваются в наиболее четкой форме в состояниях эмоциональной напряженности (а не в любых условиях, как при шизофрении),

2) они возникают преимущественно в ответ на аффективно и личностно значимые стимулы экспериментальных методик (а не на нейтральные, как при шизофрении),

3) при психопатиях нарушается смысловой компонент, но не происходит распада значения, как при шизофрении.

Следует отметить, что из-за преобладания у подэкспертных смешанных и стертых форм психической патологии часто при экспериментально-психологическом исследовании обнаруживаются патопсихологические показатели, которые трудно увязать в единый непротиворечивый симптомокомплекс. В связи с этим актуальным и перспективным направлением исследований является разработка проблемы **информативности** патопсихологических показателей, моделирующая алгоритм вероятностного решения дифференци-

ально-диагностических задач.

Отметим, что представление об информативности патопсихологических признаков имеет значение не только для психиатров, проводящих дифференциальную диагностику, но и для патопсихологов: прежде всего, становится понятным, квалификация каких нарушений познавательной деятельности важна в тех или иных видах дифференциальной диагностики, кроме того, это приводит к необходимости в патопсихологических заключениях приводить сведения не только о выявленных нарушениях, но и об отсутствии определенных показателей (т.е. целесообразно указывать на сохранность некоторых сторон познавательной деятельности, имеющих высокую информативность при дифференциальной диагностике).

Определение степени выраженности (глубины) нарушений психической деятельности

Данная задача ставится перед патопсихологом в основном не при диагностических сомнениях экспертов-психиатров, а при определении способности больного (чаще всего это лица с органическими поражениями головного мозга, больные олигофренией с различными формами дебильности) адекватно понимать значение своих поступков и полноценно их регулировать. Экспериментально-психологическое исследование при решении этой задачи, наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса психических расстройств, включает выявление следующих обязательных компонентов:

1. Общий уровень развития познавательной сферы. Выявление общего уровня развития восприятия, внимания, памяти, мышления является основополагающим звеном оценки умственного развития под экспертного. В психиатрии и психологии накоплен большой объем данных о недоразвитии тех или иных психических процессов при умственной отсталости разной этиологии. В области перцептивных процессов - это прежде всего данные о замедленности и сужении объема зрительного восприятия, нарушения узнавания, опознавания предметов, снижение активности восприятия, поверхностность или искажение смыслового восприятия ситуаций различной степени сложности. Наиболее типичные расстройства внимания при психическом недоразвитии или инволюционном развитии - снижение его активности, в основе которого могут лежать нарушения концентрации или распределения внимания; колебания внимания и умственной работоспособности; истощаемость психических процессов. Для умственно отсталых лиц характерны различные нарушения памяти - непосредственного и опосредованного запоминания, долговременной и кратковременной памяти, смыслового и механического запоминания. Основные нарушения мышления у невменяемых лиц - конкретность и примитивный характер обобщений, нарушения функций анализа и синтеза, непонимание условного смысла, недостаточная сформированность или несформированность полноценных умственных действий, нарушения логики суждений, слабость регулирующей функции мышления.

2. Объем общих сведений и знаний испытуемого. При патопсихологическом обследовании в судебно-психиатрической экспертной практике необходимо выявлять и специальный аспект общего уровня развития познавательных процессов, связанный с определением того, насколько подэкспертное лицо способно усвоить социально-педагогические воздействия: общий словарный запас, объем общих сведений и знаний, полученных в результате учебной деятельности и собственной познавательной активности.

3. Принципиальная способность испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях.

Экспериментально-психологические сведения об уровне общей ориентировки под экспертного, так же как и установление объема общих сведений и знаний, имеют важное косвенное значение для судебно-психиатрической оценки способности обследуемого лица осознавать значение своих действий и осуществлять их произвольную регуляцию.

4. Степень обучаемости.

При экспериментально-психологическом исследовании с целью определения сте-

пени выраженности психических расстройств очень важно не ограничиваться установлением только «актуального» уровня психического развития подэкспертного лица - необходимо, особенно при исследовании несовершеннолетних, устанавливать и «зону ближайшего развития», т.е. потенциальные возможности овладения новыми способами умственных действий, новыми знаниями и умениями. Это имеет большое значение при судебно-психиатрическом отграничении умственной отсталости, связанной с болезненным процессом (олигофрения, органические поражения головного мозга и т.п.) от случаев педагогической или социальной запущенности лиц, являющихся в принципе психически здоровыми или имеющими нерезко выраженные психические аномалии. Выделение этого аспекта психической деятельности при определении глубины психических нарушений у испытуемого обуславливает построение экспериментально-психологического исследования не только как диагностической, но и как обучающей процедуры. Принципы обучающего эксперимента описаны А.Я. Ивановой и включают в себя: использование дозированной помощи со стороны экспериментатора на материале разного рода экспериментальных методов; регламентацию отдельных видов помощи от наиболее скурых и сжатых «подсказок» до развернутых и подробных «уроков»; исследование восприимчивости к помощи, способности к логическому переносу и ориентировочной деятельности испытуемого. Сам эксперимент проводится по схеме, состоящей из трех этапов: ориентировочный, основное задание (находящееся в «зоне трудности» для испытуемого), аналогичное задание.

Уровень развития эмоционально-волевых структур.

Это наиболее сложная задача психодиагностического исследования, требующая высокой квалификации патопсихолога. Установление уровня личностной зрелости возможно только при одновременном анализе результатов выполнения экспериментальных методов (ведущее место среди которых занимают проективные методики, задания, направленные на изучение ценностей испытуемого, особенностей смыслового восприятия, структур самосознания), данных беседы и наблюдения, сведений из материалов уголовного дела.

Последовательность перечисленных задач экспериментально-психологического исследования определяет и их приоритетность по отношению к решению общих экспертных вопросов. Так, если общий уровень интеллектуального развития испытуемого таков, что препятствует ему осознавать значение своих действий и руководить ими, то не возникает большой необходимости привлекать патопсихологические данные об уровне развития эмоционально-волевых структур. Если же испытуемый обнаруживает пограничный уровень развития интеллекта, для точного решения вопроса о вменяемости необходимо использовать патопсихологические данные об уровне практической ориентировки, об обучаемости, об особенностях личностного развития и т.п. Такие комплексные требования к патопсихологическому исследованию обусловлены еще и тем, что кроме решения экспертных вопросов возникает необходимость выбора реабилитационных мероприятий в отношении освидетельствуемых лиц, например при отграничении умственной отсталости от отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, вследствие социальной и педагогической запущенности. Необходимо отметить, однако, что определение уровня зрелости эмоционально-волевых структур является наиболее сложной и наименее разработанной клинко-психологической проблемой.

Определение структуры нарушений психической деятельности

Нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение экспертных вопросов требует обязательного решения данной задачи и при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, и при определении глубины психической патологии испытуемого. Это обусловлено прежде всего тем, что не существует однозначного соответствия между клинко-психологической диагностикой и решением экспертных вопросов: так, часть больных шизофренией в ремиссии могут признаваться вменяемыми, напротив, часть страдающих психопатией в состоянии декомпенсации могут быть признаны невменяемыми - в конечном итоге экспертное решение во

многим зависит не только от диагноза, но и от установления структуры психических нарушений, соотношения сохранных и патологических структур психики, содержания психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности.

Здесь особенно наглядно проявляется принцип системно-структурного анализа психической деятельности: выявление качественных особенностей отражательных и регуляторных структур, соотношения их сохранных и нарушенных компонентов чрезвычайно важно для экспертного определения способности подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Следует также особо отметить, что количественные данные многих методик (типа теста Векслера) не являются информативными по отношению к решению экспертных вопросов - часто результаты вменяемых и невменяемых лиц по этим методикам не отличаются друг от друга.

Задача определения структуры нарушений психических процессов, их соотношения с сохранными сторонами психической деятельности может при определенных видах судебно-психиатрической экспертизы выступать и как самостоятельная задача исследования.

Так, в рамках судебно-психиатрической экспертизы при определении ограниченной способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства, в заключении экспериментально-психологического исследования, кроме определения степени выраженности расстройств психической деятельности, рекомендуется отразить прежде всего структуру психических нарушений, соотношение сохранных и патологических звеньев психической деятельности, содержание психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности. Особое внимание следует обратить на сохранность критичности, степень опосредованности своих действий, компенсаторные психологические механизмы и т.п.

В судебно-психологической экспертизе определение структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности также является основной задачей, создавая предпосылки ответа на экспертные вопросы, задаваемые эксперту-психологу судебными органами. Особо важное значение решение данной задачи имеет при судебно-психологическом определении меры регуляции криминального поведения у несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также при установлении существенного влияния индивидуально-психологических особенностей взрослого обвиняемого на его поведение в криминальной ситуации.

Определение установок испытуемых

Различные смысловые установки испытуемых по отношению к экспертизе в целом и, в частности, к ситуации патопсихологического обследования очень широко представлены в судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизах.

Это прежде всего **симуляция** - осознанное и целенаправленное предъявление несуществующих признаков психических расстройств.

Более сложными для диагностики являются формы симуляции, возникающие на патологической почве, у лиц с уже имеющимися психическими нарушениями - **аггравация**, **метасимуляция** и **сюрсимуляция**.

Аггравация - осознанное преувеличение незначительно выраженных психических изменений, особенно часто проявляющееся при экспериментально-психологическом исследовании в виде демонстрации выраженного слабоумия лицами, имеющими нерезко выраженный интеллектуальный дефект (пограничные случаи олигофрении, больные с органическими поражениями головного мозга и др.).

Метасимуляция заключается в осознанном предъявлении психопатологической симптоматики когда-то перенесенного психического заболевания, которым к моменту ис-

следования под экспертный уже не страдает.

Особо сложным для распознавания является **сюрсимуляция** - когда под экспертный действительно страдает каким-либо психическим заболеванием, но при этом предъясвляет картину другого, не свойственного ему, нарушенного психического состояния. Поведение больного в этих случаях определяется сложным переплетением смысловой установки с искаженным восприятием действительности и самого себя, психопатологическими мотивами и нарушениями мышления, характерными для его психического заболевания.

Кроме того, необходимо выделить деятельность подэкспертного, обратную симуляции, - **диссимуляцию**. **Диссимуляция** - это сокрытие, или утаивание, психически больным проявлений своего болезненного состояния, собственных психических расстройств.

Такое разнообразное проявление различных смысловых установок по отношению к ситуации судебной экспертизы определяет необходимость их выявления практически при каждом экспериментально-психологическом исследовании под экспертных для реализации его основных задач - определения патопсихологического симптомокомплекса в целях дифференциальной диагностики и установления истинной степени выраженности имеющихся психических расстройств. При решении данной задачи особую актуальность приобретает разработка адекватных приемов квалификации установок испытуемых: в первую очередь, эффективными способами определения установок являются целостный синдромальный анализ данных патопсихологического исследования и применение некоторых дополнительных критериев - сопоставление прямых и косвенных результатов деятельности испытуемых в ситуации эксперимента, сопоставление уровня объективной сложности патопсихологической методики и уровня их выполнения испытуемым и др. Не теряют своей актуальности и описанные Я.М. Калашником приемы распознавания аггравации: предъявление сверхлегких заданий, которые заведомо выполняются и слабоумными больными, сопоставление латентного периода при выполнении методик разного уровня сложности и т.п.

Определение вида смысловой установки подэкспертного имеет значение и для судебно-психиатрического распознавания симуляции и ее разновидностей. Следует, однако, иметь в виду, что часто под экспертные, подготовившись к демонстрации, предъявлению несуществующих у них психопатологических симптомов перед врачами-психиатрами, теряются в ситуации экспериментально-психологического исследования, поскольку готовы к искажению своего анамнеза, соответствующему поведению во время клинической беседы, при общении с другими под экспертными, но не понимают, как те же поведенческие и речевые нарушения должны проявляться при выполнении экспериментальных методик. В то же время сама ситуация экспериментального исследования нередко провоцирует под экспертных к тем или иным формам симуляции, которые не проявляются при клиническом психиатрическом обследовании - так, при выполнении заданий, направленных на изучение уровня интеллекта, может проявиться аггравация; характер вопросов опросника ММРІ иногда провоцирует ответы, утяжеляющие психическое состояние, или напротив, способствует диссимуляции имеющихся психических нарушений.

Заключение по результатам экспериментально-психологического исследования

Данные (результаты) экспериментально-психологического исследования оформляются психологом в виде заключения, которое сохраняется в медицинской документации, а его резюмирующая часть может быть включена в заключение (акт) судебно-психиатрической экспертизы в раздел «психический статус» для обоснования экспертных выводов. В структуре заключения рекомендуется отразить следующие моменты:

- общее введение: особенности поведения испытуемого в исследовании и в беседе, понимание цели экспертизы, психологические аспекты внутренней картины болезни, актуальные установки, планы на будущее, жалобы;
- особенности деятельности испытуемого в экспериментальной ситуации: по-

нимание и усвоение инструкций, особенности выполнения заданий, реакция на успех и неуспех, на корректирующие замечания, помощь, здесь же можно отразить особенности умственной работоспособности, внимания;

- данные об уровне развития различных сторон памяти, об особенностях и нарушениях мнестических процессов;
- данные об особенностях ассоциативных процессов;
- данные об уровне развития интеллекта, об операциональных, динамических и мотивационных нарушениях процесса обобщения и абстрагирования, о расстройствах логики и особенностях других сторон мыслительной деятельности;
- данные об особенностях личности, эмоционально-волевой сферы, смыслового восприятия, самосознания и т.п.;
- резюмирующая часть: обобщение экспериментальных данных об особенностях и нарушениях познавательной деятельности и личностной сферы и результатов наблюдения при исследовании. Форма представления обобщенных патопсихологических данных должна определяться тем, какого рода затруднения испытывает эксперт-психиатр при решении им диагностических и экспертных вопросов, и, соответственно задачей, которую он ставит перед психологом.

Приведем некоторые типичные образцы заключений патопсихолога по данным экспериментально-психологического исследования.

А) Испытуемая Б., обвиняется в хищении важных документов. Задача исследования: дифференциальная диагностика между шизофренией и психопатией. Эксперт-там-психиатрам, кроме традиционных вопросов о наличии душевного заболевания у Б. и ее способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, следователем был задан вопрос о склонности Б. к патологическому фантазированию.

Во время исследования испытуемая держится ровно, спокойно, на вопросы отвечает последовательно, по существу. Цель экспертизы понимает верно, свое психическое состояние в период инкриминируемых ей действий и в настоящее время оценивает как «нормальное». Причины суицидальной попытки объясняет кратко («не нашла выход из сложившейся ситуации»), свои переживания не раскрывает. Жалоб не предъявляет.

При выполнении экспериментальных заданий инструкции усваивает, придерживается их в работе. Уровень притязаний достаточно высокий. Выраженных расстройств внимания и умственной работоспособности не обнаруживается, темп деятельности средний.

Объем запоминания в пределах нормы. При непосредственном запоминании из 10 слов воспроизводит 5,10, спустя 1 час - 9 слов. При опосредованном запоминании («Пиктограмма») из 15 понятий, опосредованных образными ассоциациями, верно воспроизводит все 15. Ассоциации в целом высокого уровня (метафорические, символические), в ряде случаев - формальны и отдаленны. Например, на слово «одиночество» рисует дерево («есть песня про рябину в поле, которая стоит одна»), понятие «надежда» опосредует рисунком телефона («обычно все хорошие новости я узнавала по телефону»).

При исследовании мыслительной деятельности на фоне доступности испытуемой категориальных обобщений в целом обнаруживается неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного и эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности стимульного материала (может сложные задания выполнять на категориальном уровне, а более простые - на конкретно-ситуационном). Выявляется нечеткость мышления с использованием широких обобщений: так, объединяет в одну группу цветок, яблоко и пальто («езде растения, если пальто х/б - тоже растение»), противопоставляет изображение журавля группе, состоящей из молотка, стола и очков («журавль - это полет, свобода, а остальное - приземленное, усидчивость, работа»), находит общее между сумкой, чемоданом, кошельком и книгой в том, что это «вместилища», при этом указывает, что книга - «вместилище духовных, а другие - материальных вещей», находит различие между ветром и солью в том, что

«соль - материальная субстанция, а ветер ни увидеть, ни поддержать нельзя». В ряде случаев использует при обобщении маловероятные латентные признаки объектов. К примеру, объединяет гитару, телефон и радио - «звук издают», находит общее между ботинком и карандашом - «ботинком можно писать, подошва пишет на полу, рисует на песке, снегу», различие между рекой и озером находит в том, что «река - это полоса, а озеро - это круг или овал». Условный смысл пословиц передает верно. Способна к установлению логических связей и отношений («Пиктограмма», «Исключение предметов», «Исключение понятий», «Пословицы», «Простые аналогии», «Сравнение понятий»).

Применение проективной методики ТАТ и направленной беседы повышенной склонности к фантазированию не обнаруживает. Напротив, рассказы, продуцируемые испытуемой по неструктурированным сюжетным картинкам, очень кратки, редуцированы, в них отсутствует проникновение во внутренний мир персонажей, развитие сюжета. Действия персонажей характеризуются неконкретно, приблизительно, не может придумать, что предшествовало ситуации, изображенной на картинке, и чем она закончится.

По данным ММРІ, опросника Кеттелла и теста Розенцвейга, выявляются следующие индивидуально-психологические особенности: выраженная интровертированность, отгороженность, эмоциональная холодность, независимость от групповых мнений и оценок сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения, нерешительность, сдержанность, подчиняемость, ригидность установок, эмоциональная незрелость, высокий контроль своего поведения, склонность усложнять внутренние проблемы и фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, хорошее осознание социальных требований, эмоциональная устойчивость. Следует отметить невыраженность в настоящее время тревоги и эмоциональной напряженности.

Таким образом, при экспериментально-психологическом исследовании на первый план выступают нарушения мыслительной деятельности: нечеткость мышления и неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного, эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности заданий, искажение процесса обобщения с использованием широких обобщений и маловероятных латентных признаков объектов, а также отдаленных ассоциативных связей. Выраженных расстройств внимания, памяти, умственной работоспособности не обнаруживается. Интеллектуальный уровень в целом высокий - испытуемая способна к абстрагированию, объяснению условного смысла, установлению логических связей. Повышенной склонности к фантазированию не отмечается. Выявляется выраженная интровертированность, отгороженность в сочетании с эмоциональной холодностью, сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения.

Окончательный диагноз: шизофрения.

Б) Испытуемый Ш., обвиняется в убийстве. Задача исследования: дифференциальная диагностика между психопатией и органическим поражением головного мозга.

Во время исследования испытуемый подробно рассказывает о себе, о содеянном, часто плачет. Склонен в сложившейся ситуации обвинять себя, свою «бесхарактерность». Считает себя «очень нервным». Фон настроения снижен. Эмоционально неустойчив. Оценивая свои качества, говорит, что он «довольно умный, с хорошим, но податливым характером», заявляет, что «если бы все такие были как я - легче бы жилось».

При выполнении заданий придерживается инструкций, активно интересуется результатами выполнения отдельных заданий и исследования в целом, мнением экспериментатора о своих способностях. В ходе исследования в целом и в отдельных методиках обнаруживаются колебания умственной работоспособности (например, на пять таблиц Шульце затрачивает соответственно 90, 75, 50, 85, 72 с), нарушения концентрации и распределения внимания. Темп сенсомоторной деятельности замедлен (12-22 счетных операций в минуту в «Счете по Крепелину»). Под влиянием сильной мотивации достижения деятельность дезорганизуется.

Объем запоминания существенно снижен. При непосредственном запоминании 10

слов воспроизводит: 4, 6, 5, 5, 6, спустя 1 час - 5 слов. В «Пиктограмме» воспроизводит верно 5 и 4 близко по смыслу из 15 опосредованных образными ассоциациями понятий.

Образные ассоциации адекватны, конкретного уровня, отражают ситуационные переживания испытуемого. Например, на слово «печаль» рисует склонившуюся березу: «Природа... а здесь природы нет - одна тоска». При объяснении опосредующей связи понятия и образа склонен к рассуждательству. Вербальные ассоциации в целом адекватны. Выявляется бедность ассоциативных связей: на несколько разных слов-стимулов отвечает одинаково: «любовь - вражда», «мир - вражда», «измена - вражда». Обнаруживаются выраженные колебания времени реакции (от 1 до 20 сек) на общем фоне замедленного ассоциирования (в среднем латентный период ответных ассоциаций 2-5 сек).

При исследовании мыслительной деятельности выявляется снижение уровня обобщения, недостаточность абстрагирования, конкретность мышления. Обобщает предметы по конкретно-ситуационным связям, второстепенным конкретным признакам, затрудняется в подборе обобщающего слова для группы предметов или понятий («Классификация предметов», «Исключение предметов», «Исключение понятий»). Не может объяснить переносного смысла малознакомых или незнакомых пословиц («Объяснение пословиц»), не сразу улавливает смысл короткого рассказа («Проба Эббингауза»), с трудом устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок. В объяснение простых пословиц привносит собственные переживания, факты своей биографии. В ходе выполнения заданий контроль умственных действий снижен.

Личность испытуемого (по данным теста Розенцвейга и «Самооценки») характеризуется эмоциональной неустойчивостью, эгоцентризмом, ригидностью, склонностью к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность за конфликты на окружающих.

Таким образом, экспериментально-психологическое исследование выявляет интеллектуально-мнестическое снижение - сужение объема непосредственного и опосредованного запоминания, низкий уровень обобщения и абстрагирования, конкретность мышления в сочетании с колебаниями умственной работоспособности, замедленность темпа деятельности, нарушения концентрации и распределения внимания.

Контроль умственных действий в ходе исследования снижен. Отмечается дезорганизация деятельности под влиянием аффективно значимых воздействий.

Обнаруживаются следующие индивидуально-психологические особенности: слабодушие, эмоциональная неустойчивость, эгоцентризм, ригидность, склонность к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность на окружающих в стрессовых ситуациях. Состояние испытуемого характеризуется сниженным фоном настроения и фиксацией на собственных переживаниях.

Диагноз комиссии экспертов-психиатров: органическое поражение головного мозга травматического генеза с аффективной неустойчивостью.

В) Испытуемый В., 15 лет, обвиняется в краже. Предположительный диагноз «олигофрения». Задача исследования: установление степени выраженности психических изменений.

Испытуемый в начале беседы вял, пассивен, характеризует себя как «заядлого хулигана». Говорит, что у него «никогда ничего не получается». В ходе исследования оживляется, начинает обнаруживать адекватные эмоциональные реакции, самооценка выравнивается. Правонарушение отрицает. Заявляет, что согласен с мнением врачей, что у него «эпилепсия, олигофрения, умственная отсталость, задержка развития - это же не я ставил, а они с детства».

Задания выполняет в достаточно быстром темпе, усваивая инструкции с первого раза. При выполнении заданий ориентируется на оценки экспериментатора, соглашается с его замечаниями, стремится учесть их при исправлении своих ошибок.

Запас общих сведений и знаний достаточный - называет фамилии известных писателей, космонавтов, руководителей правительства ряда стран, перечисляет страны света,

столицы крупных государств, , нации и народности, крупнейшие и т.п.

Обнаруживает хорошую ориентировку в практических ситуациях (из субтеста Векслера).

Процесс запоминания в пределах нормы. Динамика заучивания 10 слов (непосредственное запоминание): 5, 6, 8, 9, 10, отсроченно (через час) воспроизводит 9 слов. При опосредованном запоминании (метод «Пиктограмма») из 10 понятий, опосредованных образами, воспроизводит точно - 9 и близко по смыслу - 1 понятие.

Опосредование понятий образами затруднений у испытуемого не вызывает - продуцирует образные ассоциации быстро, способен опосредовать и абстрактные понятия типа «печаль», «развитие» и пр. По содержанию образы адекватны, по уровню в основном конкретны, но в отдельных случаях - и более высокой степени обобщенности.

При исследовании мыслительных процессов выявляется достаточно высокий уровень обобщения и абстрагирования - испытуемый правильно группирует предметы («Классификация предметов»), дает образованным группам обобщающие названия, на последнем этапе справляется с образованием более обобщенных групп предметов («живые существа», «хозяйственные принадлежности», «растительные»).

Испытуемый обнаруживает понимание причинно-следственных логических связей как на вербальном, так и на наглядно-образном материале. Правильно устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок, составляет по ним рассказы, улавливая подтекст разворачивающегося сюжета. Справляется с завершением предложений, прерывающихся на «потому что...», и «хотя...»

Выявляется недостаточная сформированность навыков счета и письма - пишет медленно, с грамматическими ошибками; в арифметических операциях сложения и вычитания допускает ошибок мало, но считает очень медленно (в «Счете по Крепелину» 15-25 операций в мин).

При исследовании конструктивного мышления («Кубики Кооса») самостоятельно справляется со складыванием простейших орнаментов из четырех кубиков. При переходе на девять кубиков испытывает затруднения, но после дозированной помощи - объяснения экспериментатором принципа выполнения задания - усваивает способ действия и осуществляет перенос усвоенного способа на другие варианты орнаментов.

В ходе исследования обнаруживаются нерезко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

Таким образом, при экспериментально-психологическом исследовании выявляется достаточный запас общих сведений и знаний, ориентировка в практических ситуациях.

Объем запоминания в пределах нормы. Уровень обобщения и абстрагирования достаточный - на фоне конкретных группировок объектов испытуемый способен и к более категориальным обобщениям. Формальная логика суждений, способность к установлению причинно-следственных связей не нарушены. Недостаточно сформированы навыки письма, счета, оперирования зрительно-пространственными представлениями.

Обнаруживается обучаемость испытуемого.

Отмечаются не резко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

На основании клинического исследования и с учетом заключения психолога испытуемому был снят диагноз «олигофрения», установлена «социальная и педагогическая запущенность».

Вывод

Экспериментально-психологическое исследование является одним из наиболее эффективных параклинических методов судебной психиатрии.

Заключение психолога об особенностях личности обследуемого и его познавательных процессов могут быть использованы врачом-психиатром:

- в качестве дополнительных патопсихологических данных для клинической дифференциальной диагностики,

- для установления степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств.

Для решения этих двух основных задач патопсихологического исследования в каждом случае необходимо:

- выявление структуры соотношения нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности,
- определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом.

При решении задачи дифференциальной диагностики в экспериментально-психологическом исследовании основным является выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности, а также учет диагностической информативности патопсихологических показателей.

При решении задачи определения степени выраженности психических расстройств экспериментально-психологическое исследование, наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса, включает в качестве обязательных компонентов выявление:

- общего уровня развития познавательной сферы,
- объема общих сведений и знаний испытуемого,
- принципиальной способности испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях,
- степени обучаемости,
- уровня развития эмоционально-волевых структур.

Нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение экспертных вопросов о тех или иных юридически значимых способностях испытуемых требует обязательного решения задачи установления структуры психических нарушений, их соотношения с сохранными сторонами психической деятельности, как при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, так и при определении глубины психической патологии испытуемого.

Выявление разного рода смысловых установок подэкспертного (в первую очередь - симуляции) определяется необходимостью решения основных задач экспериментально-психологического исследования, имеет значение для психиатрической диагностики и судебно-психиатрической оценки подэкспертных.

Результаты экспериментально-психологического исследования оформляются психологом в виде заключения, которое сохраняется в медицинской документации, а его резюмирующая часть может быть включена в заключение (акт) судебно-психиатрической.

Структура заключения включает в себя общее введение; описание особенностей психической деятельности испытуемого при выполнении экспериментальных заданий; данные об особенностях, нарушениях и уровне развития познавательных процессов (внимания, памяти, мышления); данные об индивидуально-психологических особенностях (личности, эмоционально-мотивационной сферы, самосознания и др.); резюме (выводы).

Форма представления обобщенных патопсихологических данных должна определяться задачами, которые ставит эксперт-психиатр перед психологом.

Этические проблемы судебно-психологической экспертизы

Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы

Чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности судебного эксперта психолога является выполнение определенных этических принципов и норм. Однако, к сожалению, этические проблемы работы экспертов-психологов, равно как и психологов других специализаций, в отечественной литературе практически не рассматривались. В целом наиболее общим ориентиром для судебных и медицинских психологов в настоящее время может служить Кодекс профессиональной этики психиатра, основные положения которого совпадают с этическими нормами для профессионального психолога.

Но очевидно, что деятельность психолога при производстве судебной экспертизы имеет и свою специфику.

Судебная экспертиза является одним из необходимых средств выяснения истины по уголовному делу. Судебно-психологическая и комплексные с нею экспертизы производятся в интересах прежде всего общества в целом, поскольку деятельность эксперта-психолога вплотную примыкает к работе правоохранительных органов. В то же время невозможно игнорировать и то обстоятельство, что производство судебной экспертизы защищает и интересы подэкспертных лиц - будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. Нельзя, разумеется, понимать интересы подэкспертных упрощенно, как их личную выгоду, уклонение от ответственности - главным является справедливое объективное решение вопросов, составляющих предмет судебно-психологической экспертизы.

Этические проблемы возникают тогда, когда люди вступают между собой в определенные взаимоотношения, осуществляют совместную деятельность. Понимание целей экспертизы в совокупности с тем обстоятельством, что судебный психолог-эксперт для их достижения должен эффективно взаимодействовать с органом, назначившим экспертизу, с подэкспертными лицами и, наконец, с коллегами, определяет необходимость осознания им определенных этических принципов и их усвоения в своей профессиональной деятельности в качестве нравственной позиции.

Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины - гуманизма, ответственности, непричинения вреда, благодеяния, справедливости. Однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами определяет некоторую специфику практического применения этических норм экспертом-психологом, в отличие от использования этих же норм психологами, осуществляющими консультирование, диагностику в условиях психиатрической клиники, психотерапию и психокоррекцию, другие виды оказания психологической помощи. Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми - от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица, например, для обвиняемых - квалификация статей Уголовного кодекса (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т.д. Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в судопроизводстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за свои решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»: психолог должен действовать строго в рамках закона, соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога.

Приведем один из типичных примеров, иллюстрирующих взаимоотношения

этики и законности в деятельности судебного эксперта-психолога. Следователем назначена судебно-психологическая экспертиза обвиняемого в убийстве, в постановление вынесены вопросы к эксперту: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого? Оказали ли они существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий?». **Эксперт-психолог**, ознакомившись с материалами уголовного дела и уяснив фабулу дела, предположил, что необходимо дополнительно к вопросам следователя исследовать возможность того, что обвиняемый в момент совершения убийства находился в состоянии аффекта. Эксперт имеет определенное Уголовно-процессуальным кодексом право отвечать на вопросы, не заданные органом, назначившим экспертизу, если они имеют значение для дела и входят в его компетенцию. Однако эксперту для ответа на вопрос, не сформулированный в постановлении следователя, необходимо провести дополнительные исследования - провести более объемный и глубокий анализ материалов уголовного дела, применить большее количество экспериментально-психологических методик и потратить больше времени на клинико-психологическую беседу. Нравственная коллизия заключается в выборе между достижением истины и справедливости по делу, взятием на себя ответственности за последствия реализации своего права, непричинением вреда подэкспертному (квалификация убийства в состоянии аффекта существенно уменьшает сроки лишения свободы, следовательно, игнорирование данного обстоятельства приведет к более суровому, чем должно, наказанию), с одной стороны, и такими возможными факторами, как нехватка времени у эксперта, сознание того, что дополнительного вознаграждения за увеличение объема работы и времени он не получит, возможная личная антипатия психолога к подэкспертному, возникшая в результате вызывающего поведения последнего во время проведения экспертизы, требование следователя провести экспертизу побыстрее из-за лимита сроков следствия и т.п. - с другой.

Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Эти ценности и определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога

Профессиональная компетентность

Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из его специальных познаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Специальные психологические познания в судебно-психологической экспертизе в качестве минимального профессионального стандарта требуют высшего психологического образования и наличия постдипломной подготовки в области судебной психологии. Это накладывает на эксперта-психолога моральную обязанность постоянного профессионального совершенствования с использованием всех доступных форм дополнительного обучения, изучением научной и методической литературы по психологическим и смежным дисциплинам, входящим в объем специальных психологических познаний, усвоением собственного опыта и опыта своих коллег. Кроме того, нравственным требованием к эксперту-психологу является и оказание профессиональной помощи своим коллегам, консультирование их при затруднениях и сомнениях в сложных диагностических и экспертных случаях, передача своего опыта молодым начинающим психологам.

Как указывалось выше, эксперт-психолог самостоятельно принимает решения, влияющие на судьбу подэкспертных лиц, а косвенно - и на их родителей, детей, супругов, других родственников и близких. Это налагает на психолога дополнительную ответственность и, безусловно, только высокая степень овладения им специальными психологическими познаниями дает ему моральное право принимать самостоятельные ответственные решения при производстве экспертизы.

Однако для полноценного производства судебно-психологической экспертизы одного усвоения специальных познаний недостаточно. Важнейшей составляющей профес-

сиональной компетентности судебного эксперта-психолога является искусство проведения психодиагностического исследования. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующим важным этическим принципом.

Личностный подход

Основой этики системы отношений к испытуемому в рамках судебной экспертизы является личностный подход. Он складывается из следующих этических стандартов:

1. Уважение прав личности под экспертного.

Любой человек, привлеченный к уголовной ответственности или участвующий в процессе суда или следствия в качестве потерпевшего или свидетеля, обладает определенной совокупностью прав, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством. Объем данных прав может различаться в зависимости от процессуального положения подэкспертного лица (является ли оно подозреваемым; обвиняемым, не заключенным под стражу; обвиняемым, заключенным под стражу; подсудимым; потерпевшим; свидетелем), но эксперт-психолог должен иметь о законных правах каждого конкретного человека четкое представление, чтобы избежать их ущемления. Следует всегда учитывать, что одним из основных прав любого подэкспертного является право на информацию о цели и характере проводимой экспертизы. И, хотя по закону орган, ведущий производство по уголовному делу, обязан знакомить подэкспертного с постановлением или определением о назначении экспертизы, эксперт-психолог не должен отказывать в такого рода информации испытуемому по их просьбе.

2. Уважение чести и достоинства подэкспертного. Эксперт-психолог в ходе своей деятельности часто вынужден работать с людьми, которые по-человечески, с житейской точки зрения, вызывают крайне негативное эмоциональное отношение. Это может определяться характером инкриминируемого им деяния - например, половые преступления (особенно групповые или в отношении малолетних детей), убийства, совершенные с особой жестокостью и т.п. Другим фактором эмоционального неприятия может выступать неприемлемое, с точки зрения норм межличностного общения, поведение испытуемого в процессе производства экспертизы: повышенная агрессивность, сквернословие и т.д. Нормальное субъект-субъектное взаимодействие нарушают и различные формы установочного поведения - явная симуляция, аггравация и пр. Часто раздражающими в общении являются особенности поведения, определяемые разными формами психических расстройств: гебоидное дурашливое поведение, подчеркнутая демонстративность, негативизм, повышенная подозрительность и требовательность и др. Тем не менее, в любом случае эксперт-психолог должен занимать профессиональную позицию по отношению к поведению подэкспертных лиц (оно должно быть объектом его психодиагностического наблюдения), контролировать свои действия и высказывания, вести себя корректно.

Особенно важно избегать оценочных суждений о личности испытуемого. Эксперт-психолог должен всегда помнить, что обвиняемый в преступлении - еще не преступник, что на момент производства экспертизы его вина и ее степень еще не доказаны. Психолог не может брать на себя функции суда. Необходимо учитывать, что в ситуацию судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз чаще всего попадают люди, совершившие правонарушения в силу тяжелых жизненных обстоятельств, стрессовых воздействий. Сама ситуация привлечения к уголовной ответственности, отрыв от привычных условий жизнедеятельности могут переживаться подэкспертными особо тяжело, приводить к изменениям психического состояния, настроения. Наличие у многих подэкспертных психических аномалий разной степени выраженности, мешающих им полноценно адаптироваться в обычной жизни и в условиях производства экспертизы, также требует воздержания от скоропалительных оценочных суждений, от осуждающей позиции эксперта.

При экспертном обследовании потерпевших и свидетелей необходимо помнить,

что почти все они пережили психическую травму, связанную с тем, что они были очевидцами или жертвами преступлений. Особенно деликатными и требующими уважения чести и достоинства личности являются и экспериментально-психологическое исследование жертв сексуального насилия и беседа с ними. В этих случаях, с точки зрения этики, правильным будет проведение психологического исследования не только как диагностической процедуры, но и как психотерапевтического процесса.

Важным компонентом уважения чести и достоинства под экспертных является и внутренняя культура эксперта-психолога, корректность поведения, правильная речь, аккуратность во внешнем облике. Психодиагностическое исследование - всегда диалоговое взаимодействие, со взаимным восприятием и оценкой друг друга, скрытым процессом невербального общения. От восприятия эксперта испытуемым во многом зависит и установление доверительного контакта, достижение атмосферы открытости, заинтересованности в совместной деятельности, что является одним из важнейших условий эффективности экспертного исследования.

Независимость

Независимость эксперта является одним из краеугольных камней судопроизводства и достижения истины по уголовному делу. Она лежит в основе объективности и беспристрастности эксперта-психолога и непосредственно связана с его личной ответственностью за экспертные выводы.

Можно выделить несколько компонентов независимости эксперта-психолога:

1. Независимость от судебно-следственных органов. Прежде всего следует отметить, что в случаях, когда эксперт находится в какой-либо зависимости от следователя, обвинителя (прокурора) или защитника (адвоката) - например, является их родственником - то он обязан заявить самоотвод, что предусмотрено законом. Однако в жизни иногда возникают ситуации, когда между экспертом и должностным лицом нет служебной, родственной или иной зависимости, но на эксперта оказывают давление различные судебно-следственные органы, психолог находится в дружеских отношениях с лицами, причастными к суду или следствию, и т.п. - в этих случаях основой личной независимости эксперта-психолога являются только его внутренние убеждения, его общая нравственная позиция. В любом случае эксперт-психолог имеет право обжаловать действия должностных лиц (следователя, прокурора, судьи), ущемляющие его права.

2. Независимость от других участников уголовного процесса. В случаях, когда эксперт-психолог является родственником обвиняемого, потерпевшего или их законных представителей или сам является потерпевшим или свидетелем по делу, он также обязан заявить самоотвод. Однако законом не предусмотрены случаи, когда связанными родственными или иными узами с перечисленными лицами являются друзья, коллеги или непосредственные начальники эксперта. В этих случаях проявление независимости целиком зависит от этической позиции психолога. Также сложные нравственные коллизии могут возникать в ситуациях, когда участники процесса каким-то образом связаны с психологом, а экспертизу в отношении этих лиц производят его коллеги.

3. Независимость от других экспертов-психологов. Этот аспект независимости связан с ситуациями проведения комиссионной судебно-психологической экспертизы, в которых мнения членов комиссии не совпадают друг с другом. Моральной обязанностью каждого эксперта-психолога является самокритичное отношение, уважение мнения коллег и умение признавать свои ошибки, но в случаях, когда после тщательного анализа всех аргументов других членов комиссии внутреннее убеждение эксперта-психолога в своей правоте не изменилось, этичной будет реализация своего права составить отдельное аргументированное заключение, которое будет оцениваться судом наряду с заключением других членов комиссии судебно-психологической экспертизы. Важным аспектом независимости эксперта-психолога является определение предмета и выбор конкретных методов исследования. Их он выбирает, исходя из своей профессиональной компетентности, и никто не вправе директивно заставлять его проводить те исследования, которые, по его мне-

нию, не имеют значения для достижения истины по делу.

4. Независимость от себя. Одним из важнейших нравственных императивов является положение, зафиксированное в Кодексе профессиональной этики психиатра, но целиком относящееся и к этике эксперта-психолога: он « не вправе навязывать пациенту свои философские, религиозные, политические взгляды. Личные предубеждения ... или иные непрофессиональные мотивы не должны оказывать влияния на диагностику» . При производстве судебно-психологической экспертизы, при взаимодействии с подэкспертным лицом, психолог должен абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, от чувства жалости или, напротив, ненависти, руководствоваться только профессиональными познаниями, а также принципами беспристрастности, непредвзятости, объективности - только такая нравственная позиция является гарантией от искажений экспертного заключения под влиянием незаконной «гуманности» или «жестокости».

Конфиденциальность

При производстве судебной экспертизы эксперт-психолог становится обладателем большого объема информации о подэкспертном лице.

Это, **во-первых**, все данные уголовного дела, предоставленные в распоряжение эксперта.

Во-вторых, это приобщенные к уголовному делу материалы, среди которых особо конфиденциальную информацию - сведения, составляющие врачебную тайну - содержит медицинская документация.

В-третьих, это информация, полученная при производстве собственного экспертно-психологического исследования, включающая результаты экспериментально-психологического изучения индивидуально-психологических особенностей и познавательной сферы подэкспертного лица. Все эти сведения эксперт-психолог не имеет права разглашать согласно закону, но они составляют конфиденциальную информацию и по этическим соображениям. Особо это касается данных собственного психодиагностического обследования, поскольку не все они могут включаться в заключение психолога (являющегося составной частью уголовного дела) для обоснования экспертных выводов. Также противоречит этическому принципу конфиденциальности и разглашение самого факта производства судебно-психологической экспертизы в отношении конкретного подэкспертного лица.

Эксперт-психолог должен помнить, что единственный адресат такого рода информации - орган, назначивший экспертизу. Включенность деятельности психолога, проводящего судебную экспертизу, в работу судебно-следственных органов, таким образом, не делает все сведения об испытуемом абсолютно закрытыми, но определяет границы конфиденциальности. Поэтому честной позицией по отношению к подэкспертному лицу будет информирование его об этих границах - особенно в случаях, когда тот изъявляет желание сообщить психологу какие-либо сведения, но просит сохранить их в тайне. Этичным в таких случаях представляется сообщение подэкспертному, что сведения, имеющие значение для составления экспертного заключения, будут известны органу, ведущему производство по уголовному делу, а в случае открытого судебного заседания - и присутствующим в зале суда.

Этика научных исследований

Развитие теории и методологии общей, медицинской, криминальной, возрастной психологии, других психологических дисциплин делает неизбежными научные исследования, объектом которых являются подэкспертные лица. Данные психологических исследований, проведенных с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, могут и должны использоваться в соответствующих научно-исследовательских работах, но в то же время это обстоятельство диктует определенные этические нормы взаимодействия с испытуемыми. В случаях, когда для научных обобщений используются данные (заключения, протоколы экспериментальных исследований), необходимые для производства конкретных судебно-психологических экспертиз, особых этических проблем не возникает. Но под экспертные

лица могут быть в научных целях обследованы методами, не используемыми при обосновании экспертных выводов (например, тесты с факторной обработкой массива групповых данных), для самих же испытуемых цели применения каждой конкретной методики остаются неизвестными. В таких случаях этические принципы диктуют получение информированного согласия испытуемого на проведение экспериментальных исследований, которые будут использованы исключительно в научных целях.

Кроме того, очевидной нравственной нормой представляется недопустимость применения таких методов исследования, которые способны ухудшить психическое состояние испытуемого, воздействовать на его психику негативно - к примеру, искусственное вызывание фрустрации экспериментальным путем для изучения **фрустрационной** толерантности, применение опросников, содержащих вопросы с сексуальной тематикой для изучения особенностей самосознания лиц с **парафилиями** и т.д. В этих случаях психолог должен руководствоваться древнейшим принципом: **«не навреди!»**.

Часто в научных публикациях используются конкретные примеры проведенных судебно-психологических и психолого-психиатрических экспертиз для иллюстрации каких-либо научных положений, или имеющих самостоятельное значение (психологический анализ казуистических случаев). При этом необходимо помнить, что фамилию под экспертного, сведения о нем, время и место совершения правонарушения, другие обстоятельства анализируемого случая, не относящиеся к психологическому предмету исследования, следует приводить в самом общем или зашифрованном виде, чтобы избежать возможности идентификации испытуемого, его узнавания - особенно это относится к тем уголовным процессам, которые получили широкое освещение в средствах массовой информации.

Недопустимо влияние отказа под экспертного от добровольного участия в научных исследованиях на отношение к нему эксперта-психолога. Напомним еще раз, что уважение прав под экспертных является одним из основополагающих принципов этики эксперта-психолога.

Основные принципы этики судебного эксперта-психолога проистекают из общечеловеческих ценностей и совпадают с наиболее общими принципами этики биомедицины, практической психологии и психиатрии, однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами приводит к некоторой специфике применения этических норм в профессиональной деятельности эксперта-психолога.

Эксперт-психолог в силу своего процессуального положения должен действовать строго в рамках закона, но варианты поведения в разных ситуациях при проведении экспертизы подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый его общей нравственной позицией.

Наиболее общие нравственные ценности, реализуемые экспертом-психологом в своей деятельности, - это служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Они определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из специальных психологических познаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Основой этики отношения к под экспертному лицу является личностный подход, включающий уважение прав личности, чести и достоинства под экспертного лица.

Независимость эксперта от судебно-следственных органов, от других участников уголовного процесса, от коллег по профессии и от собственных предубеждений является основой его объективности и беспристрастности.

Конфиденциальность информации об испытуемом является одним из важнейших этических принципов деятельности эксперта-психолога, а также его законодательно определенной обязанностью.

Принципы добровольного, осознанного и информированного согласия и непричинения вреда испытуемому составляют основу проведения научных психологических исследований на контингенте подэкспертных лиц.

Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого (подсудимого)

Учет личностного фактора в совершении преступлений имеет немаловажное юридическое значение и должен активно использоваться в уголовном и исправительном процессах. Однако следует отметить, что юристами, психиатрами и психологами понятие «личность» зачастую трактуется по-разному, да и в психологической литературе существует большое количество разнообразных и не всегда совместимых подходов к данной проблеме, что, естественно, препятствует полноценному и эффективному использованию профессиональных знаний о личности обвиняемых в уголовном процессе.

Проблема личности является центральной в деятельности судебного психолога-эксперта. Психологическое исследование личности под экспертного необходимо практически во всех предметных видах экспертизы. Так, особенности мотивационной и смысловой сферы личности свидетелей могут оказывать влияние на их способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания; диагностика физиологического аффекта или иного эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на поведение обвиняемого, практически неосуществима без оценки роли личности в их возникновении и развитии; определение уровня личностного и интеллектуального развития имеет решающее значение при исследовании способности несовершеннолетних потерпевших по сексуальным правонарушениям правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление преступнику. В то же время судебно-психологическая экспертиза личности обвиняемых представляет собой и самостоятельный предметный вид экспертизы.

Вопросы судебно-следственных органов к особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, решаемый этим видом экспертизы: **«Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого (подсудимого)?»**

Почему употребляется термин «индивидуально-психологические особенности», а не, к примеру, «личность» или «характер» и пр.? Дело в том, что если в житейском сознании понятие личности нередко отождествляется с представлением о человеке, то в научной психологии во многих теориях личность понимается как более узкое образование, наполненное определенным психологическим содержанием. В современной психологии существует множество определений личности. Человек же может быть описан не только с помощью понятия личности, но и характера, темперамента и других существенных свойств, которые и отличают одного человека от другого и выявляют его индивидуальность. Юридическое значение имеют как раз индивидуальные особенности обвиняемого, включающие способности, систему отношений, мировоззрение, ценности, мотивы, привычные способы адаптации и реагирования, темперамент, характер, культурные различия, эмоциональные особенности и т.д. Понятие индивидуально-психологических особенностей включает в себя и аномалии личности, конкретизирует их, т.е. является синтезом многих характеристик человека.

Как видно, психолог-эксперт может оперировать достаточно широким кругом явлений, связанных с индивидуальными особенностями под экспертного, что позволяет ему создавать «психологический портрет» обвиняемого как контекст решения многих юридических вопросов. В то же время в данном «психологическом портрете» могут быть упущены какие-то конкретные характеристики личности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные уголовно-правовые последствия. Поэтому можно рекомендовать задавать вопрос и в конкретизированном виде: **«Имеются ли у обвиняемого такие индивидуально-психологические особенности, как ...** (перечисляются интересующие судеб-

но-следственные органы особенности личности обвиняемого)?».

В одних случаях необходимо установление личностных черт, например, таких, как повышенная агрессивность, жестокость, импульсивность, или повышенная внушаемость, подчиняемость, в других - важное значение приобретает содержательная характеристика ценностных, нравственных ориентации, социальных установок, мотивационной, волевой сфер личности и т.д.

Более сложную и относительно мало разработанную проблему представляет экспертная оценка влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение в интересующей следствие и суд ситуации. В этом случае формулируется следующий вопрос судебно-следственных органов: **«Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказать существенное влияние на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния?»**.

Естественно, что личностные особенности человека проявляются в его действиях, поведение всегда определяется взаимодействием индивидуально-психологических и ситуационных факторов. Возникает вопрос: а в каких случаях следует признавать такое влияние существенным и какие уголовно-правовые последствия это влечет? С позиций судебно-психологической экспертизы, индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказывают существенное влияние на его поведение в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний. С юридической точки зрения, признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность. В отличие от формулы «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ), ограничение анализируемой способности в данном случае обусловлено не медицинским критерием («психическим расстройством»), а особенностями личности или ее аномалиями неболезненного характера. Следует подчеркнуть, что простое отражение в поведении человека его индивидуальных особенностей (например, у обвиняемого диагностируется жестокость как черта личности, как привычный способ реагирования, и он совершил жестокое убийство; или обвиняемый с высокой степенью агрессивности, при сохранности структур самосознания и регуляции деятельности, совершает агрессивный деликт и т.п.) нельзя смешивать с существенным их влиянием, так как они не нарушают нормальный ход деятельности, целевую структуру поведения, а только оформляют действие, определяют способ достижения цели.

Следует учитывать разницу между социально извращенным, но подчиняющимся психологическим закономерностям поведением и поведением, протекающим с нарушениями полной осознанности и контроля под существенным влиянием определенных индивидуально-психологических особенностей.

В первом случае в заключении судебно-психологической экспертизы устанавливается, что выявленные у обвиняемого индивидуально-психологические особенности нашли отражение в его поведении. Подобный ответ не приводит к сколь-нибудь значимым правовым последствиям, поскольку и так очевидно, что в любом поведенческом акте отражаются индивидуально-психологические особенности человека.

Во втором же случае в заключении формулируется экспертный вывод о том, что выявленные у обвиняемого индивидуально-психологические особенности (указываются, какие) в период совершения инкриминируемых ему действий оказали существенное влияние на его поведение. При этом эксперт обязан раскрыть психологический механизм существенного влияния, показать, какие звенья мотивации поведения оказались нарушенными, основываясь на анализе взаимодействия личности и конкретной ситуации, в которой совершалось преступление. Заключение судебно-психологической экспертизы о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение может служить основанием индивидуализации уголовной ответ-

ственности и наказания.

Данный предметный вид судебно-психологической экспертизы является одним из самых сложных, требующим опыта производства экспертизы и умения применять индивидуальный подход, идиографический анализ каждого конкретного экспертного случая. Одной из причин этого является практическая невозможность создания достаточно универсальной типологии вариантов существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение, поскольку, устанавливая снижение способности субъекта в полной мере осознавать и контролировать свои действия, эксперт-психолог отталкивается не столько от психодиагностики личности испытуемого, сколько от анализа взаимодействия личностных структур с ситуационными переменными.

Во-первых, необходимо выявить субъективную значимость ситуации, степень ее новизны для испытуемого, силу ее фрустрирующего воздействия, особенности переработки ее информационных характеристик, возможности соотнесения требований ситуации с самооценкой человека, т.е. индивидуальные особенности смыслового восприятия ситуации, понимания содержащихся в ней связей и отношений.

Во-вторых, нужно выявить способность человека к адекватному целеполаганию, выбору возможных вариантов действий, прогнозу их возможных последствий, степень опосредованности поступков, компенсаторные возможности, способность к коррекции и контролю на каждом этапе генеза поведения в анализируемой ситуации, т.е. особенности регуляции поведения во время совершения преступления.

Очевидно, что при таком подходе разнообразие личностных особенностей, уникальность ситуационных воздействий, индивидуальность их личностной переработки определяют очень широкую вариативность проявлений существенного влияния личностных факторов на поведение. Тем не менее, можно увидеть и некоторые общие закономерности - как правило, ограничение способности обвиняемых к осознанию своих действий и их полноценной регуляции в основном затрагивает такие важные звенья мотивации поведения, как формирование актуальных ситуативных мотивов и процесс принятия решения.

Проиллюстрируем это положение примерами.

Испытуемый К., обвиняемый в дезертирстве. С четырех лет воспитывался одной матерью, без отца. Когда отец, страдающий алкоголизмом, жил с ними, он часто бил сына, и у К. с тех пор, по показаниям матери, остался панический «животный» страх перед побоями, драками, любыми критическими ситуациями. Рос замкнутым, нерешительным, обидчивым, стеснительным. Любил животных, был очень привязан к матери. Окончил 8 классов, работал на заводе, был призван на воинскую службу. После призыва в армию стал подвергаться неуставным отношениям (побоям и издевательствам) со стороны старослужащих. Трижды совершал самовольные отлучки, приезжал к матери. Каждый раз мать привозила его обратно в воинскую часть. Находясь на гауптвахте, К. глотал гвозди, резал себе вены. Был направлен на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. В числе других вопросов следователя интересовало, имеются ли у К. индивидуально-психологические особенности, которые оказали существенное влияние на его поведение при совершении правонарушения.

Психиатры-эксперты пришли к выводу, что К. является акцентуированной личностью тормозимого круга, при совершении инкриминируемых ему действий мог отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. При экспериментально-психологическом обследовании выраженных расстройств познавательной деятельности у К. не обнаруживалось. Отмечались нерезко выраженные колебания внимания, утомляемость. По данным опросника Кеттелла, теста Розенцвейга и других методик, а также психологического анализа сведений, содержащихся в уголовном деле, у К. были диагностированы следующие индивидуально-психологические особенности: повышенная чувствительность, ранимость, эмоциональная неустойчивость, трудности принятия решений с затруднениями нахождения адекватных конструктивных выходов из конфликтных ситуа-

ций, интравертированность, мягкость, робость, скрытность, подчиняемость и зависимость, потребность в помощи и поддержке, склонность ориентироваться на общепринятые нормы поведения, высокий уровень тревожности и внутренней напряженности.

Анализ материалов уголовного дела и экспериментального обследования позволил прийти к выводу, что выявленные индивидуально-психологические особенности К. оказали существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий. В психотравмирующих условиях обострились такие его личностные черты, как повышенная ранимость, эмоциональная неустойчивость, нерешительность и пассивность. Они обусловили рост тревоги, внутренней напряженности, сопровождавшихся чувством сильного страха, ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации, восприятием возникших проблем как неразрешимых, потребностью в помощи и поддержке. Субъективная непереносимость психотравмирующих воздействий, осмысление ситуации как неразрешимой, в сочетании с доминированием мотивации избегания и трудностей принятия самостоятельных решений привели К. к резкому ограничению выбора возможных вариантов поведения, обусловили пассивный уход из конфликтной ситуации с нарушениями возможности полноценно контролировать свой поступок и прогнозировать его возможные последствия, т.е. ограничили его способность в полной мере осуществлять произвольную волевую регуляцию своих действий.

В данном примере взаимодействие личностных особенностей испытуемого, в основном характерологического уровня, с психотравмирующей, фрустрирующей его ситуацией привело к нарушению звена принятия решения с ограничением адекватного прогноза и контроля своих действий.

Однако следует учесть, что понятие индивидуально-психологических особенностей является собирательным и наряду с направленностью личности, особенностями мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, характера, темперамента, познавательной деятельности включает в себя и социокультурно обусловленные ценностные ориентации, особенности смыслового восприятия различных ситуаций, стереотипы поведения и эмоционального реагирования. Эти особенности также в определенных условиях могут оказывать существенное влияние на поведение обвиняемого, ограничивая возможность полноценного и адекватного отражения ситуации и осознания значения своих действий, а также произвольной и осознанной регуляции, контроля своих поступков.

Характерным примером может служить **комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза испытуемой С.**, обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. При клинко-психологическом освидетельствовании испытуемой выяснилось, что она росла в казахском селе, расположенном в Узбекистане, воспитывалась в многодетной казахской семье, где доминировали патриархальные обычаи и традиции: авторитарность отца, традиционное распределение ролевых функций в семье, особенности полового воспитания (осуждение добрачных половых связей, вывешивание простыни во дворе после первой брачной ночи). Беременность у нее наступила вследствие изнасилования ее незнакомыми мужчинами узбекской национальности, в период ее обучения на последнем курсе СПТУ. О случившемся никому не рассказывала, боялась «позора для семьи», изгнания из дома, считала, что, если об этом узнают, то никогда не сможет выйти замуж. При этом не обращалась в женскую консультацию, не осуществляла попыток прервать беременность. Не знала, что делать, о будущем старалась не думать. Осенью, по настоянию родителей поехала поступать в один из подмосковных техникумов, где, проживая на квартире у знакомых, неожиданно для себя родила ребенка. В период, непосредственно предшествующий родам, почувствовала недомогание, не связала это с родами, считала, что у нее болт живот. Когда ребенок закричал, утопила его в бачке с водой.

Эксперты пришли к выводу, что С. психическим заболеванием не страдает, а также не обнаруживает признаков какого-либо болезненного расстройства психики, которые лишали бы ее возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. У С. выявились следующие индивидуально-психологические особенности: стремление

строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей и их ценностными ориентациями; покорность, подчиняемость, повиновение своим родителям (даже при внутреннем несогласии с ними), боязнь их ослушаться; особо значимой является система ценностей, включающая усвоение местных национальных обычаев и традиций (в том числе и касающихся регуляции половой жизни женщин); кроме того, С. свойственны сдержанность, тенденция не раскрывать свои чувства и переживания, трудности принятия самостоятельных решений, особенно в субъективно сложных ситуациях. Эти особенности оказали существенное влияние на ее поведение в исследуемой ситуации: они определили сокрытие факта изнасилования и беременности от окружающих; непосредственно в момент совершения инкриминируемых ей действий эти личностные особенности привели после неожиданных для нее родов к возникновению состояния крайней растерянности с выраженным чувством страха, что о рождении ребенка узнают ее родители и жители ее села, с ощущением субъективной безвыходности и доминированием мотивации скрыть рождение ребенка, спрятать его. Это обусловило сужение выбора возможных вариантов поведения и ограничение способности к прогнозированию возможных последствий своих поступков и исследуемой ситуации.

Данный пример показывает несколько иной механизм существенного влияния индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение, затрагивающий в большей мере звено формирования конкретной актуальной мотивации в субъективно чрезвычайной ситуации. Здесь прослеживается влияние не только черт личности и психологических особенностей, но и ценностных ориентации, в том числе обусловленных социо- и этнокультурными факторами.

Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. Основной ошибкой при формулировке судебно-следственными органами вопроса об индивидуально-психологических особенностях обвиняемого или подсудимого является его неполнота с психологической точки зрения.

Часто вместо обобщенного термина «индивидуально-психологические особенности» следователи и судьи используют более узкие понятия, отражающие лишь отдельные стороны или уровни личности человека, - например, такие как «черты личности», «характер», «тип высшей нервной деятельности», «темперамент» и т.п.

При экспертном исследовании индивидуально-психологических особенностей испытуемого предмет и объем психодиагностической деятельности психолог определяет, исходя из анализа фабулы каждого конкретного уголовного дела и представления о возможных механизмах мотивации правонарушения, совершенного под экспертным лицом. Ясно, что на стадии назначения экспертизы следователь или судья, не обладая специальными познаниями в психологии, не могут указывать психологу ни предмет, ни объем исследования личности. Поэтому, когда психолог, осуществляющий производство экспертизы личности обвиняемого или подсудимого, сталкивается с подобными вопросами, он все равно должен проводить полное психодиагностическое и экспертное исследование индивидуально-психологических особенностей под экспертного и меры их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему действий.

2. Нередко формулируется вопрос: **«Какие индивидуально-психологические особенности обвиняемого способствовали совершению преступления?»**

Ответ на данный вопрос не входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы. Когда задают такой вопрос, обычно имеют в виду антиобщественную направленность личности, наличие у нее каких-либо антисоциальных ценностей и мотивов. Но, во-первых, моральная оценка личности является прерогативой суда, а не эксперта-психолога, во-вторых, между ценностями, главными мотивами жизнедеятельности человека и его реальным поведением существует лишь вероятностная связь - между направленностью личности и ее проявлением в поступках в конкретных ситуациях находится очень много опосредующих звеньев. Таким образом, установление причин и условий, в том числе и личностных особенностей, способствовавших совершению преступления, находится всецело в компетенции суда. Заключение же эксперта-психолога о наличии у под

экспертного определенных индивидуально-психологических особенностей может служить только необходимой предпосылкой для такого установления.

3. «Каковы мотивы инкриминируемого обвиняемому преступления?»

Ответ на данный вопрос также не входит в компетенцию судебного эксперта-психолога, поскольку понятие «мотива» в уголовном законодательстве наполнено несколько иным содержанием. Мотив в юридическом (а не в психологическом) смысле этого слова является компонентом состава преступления или выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства - очевидно, что в таком случае установление мотивов преступления находится всецело в компетенции следствия и суда. Кроме того, в большинстве случаев перечень юридических мотивов («из хулиганских побуждений», «корыстные» и т.д.) скорее отражает их ценностную, оценочную, а не психологическую сторону. Следовательно, экспертное определение мотива преступления ничего не говорит о психологических предпосылках вины и ответственности в том смысле, который принято вкладывать в названные понятия в уголовном праве, и является избыточным по отношению к целям судебно-психологической экспертизы.

Резюме Наиболее общими основаниями назначения судебно-психологической экспертизы индивидуально-психологических особенностей обвиняемого для следственных органов являются: потребность в установлении обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, в выяснении мотивов и механизма преступления, в раскрытии причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также в определении адекватного вида наказания с учетом индивидуального подхода - в тех случаях, когда достижение этого затруднительно без всесторонней и глубокой оценки личности обвиняемого, и эта оценка не может быть достигнута обычными средствами, находящимися в распоряжении следователя или суда, а требует применения специальных познаний в психологии.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы входят следующие вопросы: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого?»; «Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказать существенное влияние на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния?».

Существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение квалифицируется в тех случаях, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний. С юридической точки зрения, признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Установление мотивов преступления и личностных особенностей, способствовавших совершению преступления, является прерогативой следствия и суда и не входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы.

Судебно-психологическая экспертиза аффекта

Наиболее распространенным видом судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы является экспертиза эмоциональных реакций и состояний обвиняемых (подсудимых). Основные сложности, связанные с судебно-психологической оценкой аффекта, обусловлены тем, что в новом Уголовном кодексе Российской Федерации, действующим с 1 января 1997 г., содержится ряд изменений, значимых для практики судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз, - и особо важное значение имеет новая редакция статей УК РФ, касающихся квалификации так называемых «аффективных» преступлений, т.е. преступлений, совершенных виновным под влиянием выраженных эмоциональных реакций. Актуальность дифференцированного правового подхода к оценке таких правонарушений

не вызывает сомнений - криминологи отмечают, что число убийств, совершенных в состоянии «сильного душевного волнения» увеличивается в последние годы опережающими темпами, и связывают это с ростом противозаконных посягательств на правомерно ведущих себя граждан .

Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, который решается при данном виде судебно-психологической экспертизы:

«Находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения инкриминируемых ему действий в состоянии аффекта?»

Под аффектами в общей психологии обычно понимают сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания , которые являются ответной реакцией на сильный эмоциональный раздражитель, на уже фактически наступившую ситуацию . Отличие аффектов от эмоций не столько количественное, сколько качественное - если эмоции воспринимаются субъектом как состояния своего **Я**, **аффекты** - это состояния, возникающие помимо воли человека. . Самая главная **особенность аффектов** - это нарушения сознательного волевого контроля собственных действий , и именно это обстоятельство позволяет приобретать противоправным поступкам обвиняемых, совершенным в состоянии аффекта, специфическое юридическое значение. С позиций уголовного законодательства, юридически значимыми могут быть признаны такие эмоциональные состояния обвиняемого, которые существенно ограничивают его «свободу воли» в выборе сознательного целенаправленного действия. Аффект, ограничивающий сознательный волевой контроль обвиняемым своих действий, тем самым, если применять юридические формулировки, снижает его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент совершения инкриминируемого ему деяния, что находит отражение в переквалификации его преступления на те статьи УК РФ, которые предусматривают довольно существенное смягчение наказания.

Сказанное определяет и объем понятия «аффекта», позволяя включить в него все эмоциональные реакции и состояния, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольный волевой контроль.

На сегодняшний день в судебной психологии изучен и описан ряд таких эмоциональных состояний которые, с учетом некоторой их терминологической противоречивости (что служит основанием для дискуссий между авторами), можно свести к следующим:

Классический физиологический аффект

Стремительно и бурно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, сопровождающаяся резкими, но не психотическими (как при патологическом аффекте) изменениями психической деятельности.

Состоит из трех очерченных фаз.

Основные признаки **первой фазы**, обычно наступающей у обвиняемых в ответ на противоправные действия потерпевшего, - «ощущение субъективной безвыходности» из сложившейся ситуации, а также «субъективная внезапность» и «субъективная неожиданность» наступления аффективного взрыва.

Вторая фаза - аффективного взрыва - характеризуется двумя основными признаками: частичным сужением сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием значимых переживаний) и нарушениями регуляции деятельности (снижение контроля, утрата опосредованности действий, вплоть до двигательных стереотипии).

Поскольку аффективный взрыв - это бурная энергетическая разрядка, он может сопровождаться внешними проявлениями в моторике, речи, вегетатике и закономерно приводит к основному признаку **третьей**, постаффективной **фазы** - психической и физической астении.

Кумулятивный аффект

Основное отличие от классического физиологического аффекта состоит в том, что первая фаза обычно растянута по времени (от нескольких дней до месяцев и даже лет), в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, протрагированная психогения, обуславливающая кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у обвиняемого. Кумуляции эмоционального напряжения существенно способствуют индивидуально-психологические особенности - чаще всего такие аффекты возникают у возбудимых личностей с компенсаторным высоким самоконтролем и у тормозимых, с доминированием «отказных» реакций. Аффективный взрыв может наступить и по незначительному («реальному» или «условному») поводу, по типу «последней капли». Вторая и третья фазы кумулятивного и физиологического аффекта принципиально не отличаются. Кумулятивный аффект у психопатических личностей описан в литературе как «физиологический аффект у психопатических личностей» и как «аномальный аффект».

Аффект на фоне алкогольного опьянения

В настоящее время практически не дискутируется вопрос о правомерности диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени алкогольного опьянения, но одни авторы считают его «физиологическим», другие - «аномальным». Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции - состояние опьянения обуславливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более угрожающая) и изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения), что является одним из условий, облегчающих возникновение аффекта. Вторая и третья фазы протекают как и при физиологическом аффекте. Средняя и особенно тяжелая степень алкогольного опьянения у обвиняемого практически исключают квалификацию аффекта, так как его поведение детерминруется уже расстройствами психических процессов под влиянием алкоголя.

Таким образом, понятие аффекта является родовым по отношению к таким его видовым разновидностям, как физиологический аффект, кумулятивный аффект и аффект на фоне простого алкогольного опьянения. Но, как указывалось выше, по смыслу нововведений в УК РФ понятие аффекта охватывает и такие эмоциональные состояния, которые феноменологически не несут характера физиологического аффекта, но тем не менее существенно ограничивают «свободу воли» обвиняемого при совершении преступления. Обычно в практике судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы их квалифицируют как «эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение». Поскольку в научной литературе они не описаны столь подробно, как варианты «физиологического аффекта», мы даем их описание с примерами из экспертной практики.

Эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

Здесь наблюдается известная вариативность возникновения и развития эмоциональной реакции, но, как правило, на первой стадии происходит кумуляция эмоционального напряжения, которая в силу взаимодействия определенных личностных особенностей и ситуативных воздействий не находит отреагирования. Среди таких индивидуально-психологических особенностей можно назвать исходный низкий уровень гетероагрессивности и эмоциональной устойчивости, пониженный порог фрустрации, нетипичность внешне обвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, высокий уровень опосредованности поведения и самоконтроля, робость, нерешительность, сенситивность, склонность выражать агрессию (когда это необходимо) в социально допустимой форме. Указанные личностные особенности обуславливают, в условиях затяжного течения конфликтной фрустрирующей ситуации длительностью до нескольких лет и в ситуациях, которые блокируют прямые проявления агрессии (например, в сфере семейных отношений, или в строго регламентированных условиях военной службы), накопление эмоционального напряжения. Столь длительной кумуляции эмоционального напряжения способствуют

и ограниченные ресурсы совпадающего поведения, сводящиеся к различным психологическим механизмам мотивации «избегания»: уход из ситуации, суицидальные попытки и т.д. Механизм переживания преимущественно заключается в «терпении», часто феноменологически протекающем в виде депрессии невротического уровня, что может сочетаться и с «вытеснением» и образованием «аффективных комплексов», непосредственно связанных с фрустрирующей ситуацией. В результате эмоциональное напряжение достигает очень высокого уровня - более высокого, чем при кумулятивном аффекте. На этом фоне даже незначительные, иногда условные фрустрирующие воздействия могут вызвать пик эмоционального возбуждения, нарастание которого обычно более сглажено, чем у взрыва при физиологическом или кумулятивном аффекте, но на высоте пика возбуждения происходит типичное сужение сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием эмоциональных переживаний, связанных с ситуацией) и нарушение регуляции поведения. Третья фаза характеризуется психической и физической астенией.

Описанное эмоциональное состояние можно проиллюстрировать следующим **примером**. Военнослужащий Б. обвинялся в умышленном убийстве своего сослуживца К. Рос и развивался нормально, закончил 8 классов и СПТУ. Работал токарем. В возрасте 22 лет женился, на следующий год родился ребенок. Был призван в армию, в строительные войска, в возрасте 25 лет. В батальоне стал подвергаться издевательствам и избиениям со стороны сержанта К. и некоторых других старослужащих. Осуществил демонстративную попытку побега из части с целью привлечения внимания командования к применению к нему неуставных отношений, однако никаких мер командирами не было принято: ни его, ни его обидчиков не наказали, в другую часть его не перевели. В день происшествия Б. утром был избит сержантом К. за отказ чистить его сапоги, и последний пригрозил избить Б. еще сильнее вечером, после работы. Б. не мог работать, думал только о предстоящем избиении, ближе к вечеру принял решение уйти из части. Когда он вышел из строящегося здания, увидел спящего на траве сержанта К. В нем «поднялась злость и ненависть», он поднял лежащий на тропинке железный прут арматуры и нанес три удара по голове К. После этого бросил прут около убитого, убежал на речку и сидел там до тех пор, пока его не нашли. По показаниям свидетелей, «у него дрожали, тряслись руки», «он был бледный», «в глазах у него было тупое выражение».

Психологический анализ материалов уголовного дела и данных экспериментально-психологического исследования выявил, что протрагированная конфликтная ситуация в виде систематического унижения чести и достоинства со стороны К. являлась лично значимой для Б., фрустрация усугублялась его повышенной чувствительностью, самолюбием, сознанием того, что он старше К., имеет сына. Психотравмирующие воздействия обусловили у Б. накопление эмоционального напряжения. Невозможность отреагирования эмоциональной напряженности определялась с одной стороны тем, что его действия (побег из части) не дали ожидаемых им результатов, а с другой - кумуляции напряжения способствовали такие его личностные особенности, как аффективная ригидность, склонность к застреванию на отрицательных переживаниях, восприятие этих ситуаций как трудноразрешимых, нерешительность. В день правонарушения после утреннего избиения эмоциональное напряжение достигло высокого уровня, сопровождалось доминирующим чувством страха, сосредоточением переживаний на предвосхищении угрозы, ощущением субъективной безвыходности. На фоне интенсивной эмоциональной напряженности с повышенной чувствительностью к повторным (реальным или потенциальным) фрустрирующим воздействиям у Б. при виде К. субъективно внезапно наступило эмоциональное возбуждение, на высоте которого он нанес удары прутом К. Его действия в этот момент импульсивно реализовали аффективно обусловленную цель избегания предстоящего избиения, явились отреагированием накопившегося эмоционального напряжения, сопровождались снижением контроля поведения, игнорированием возможных последствий своих действий, частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия (Б. не помнил точного количества ударов, их силу). Последующее поведение Б. было нецеленаправлен-

ным, состояние его характеризовалось явлениями психического истощения, астении.

На основании изложенного комиссия экспертов пришла к заключению, что эмоциональная реакция у Б. в момент совершения инкриминируемых ему деяний развивалась по механизму кумуляции эмоционального напряжения с последующим его отреагированием и не носила характера физиологического аффекта, однако эмоциональное возбуждение у Б. оказало существенное влияние на его сознание и поведение.

Эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

Первая стадия протекает аналогично первой фазе эмоционального возбуждения - происходит кумуляция эмоциональной напряженности. Однако эмоциональное напряжение после каждого очередного фрустрирующего воздействия не сбрасывается (по В. Вундту, спад эмоционального напряжения сопровождается резким ростом эмоционального возбуждения), а все более нарастает и переходит во вторую фазу, которая не носит взрывного характера, а представляет собой как бы «плато» интенсивного эмоционального напряжения. По аналогии с моделью стресса Г. Селье, можно сказать, что стадия сопротивления организма (первая стадия) сменяется стадией истощения адаптационных возможностей или описанной в физиологии фазой «отрицательной эмоции», которая может сопровождаться угнетением интеллектуальных функций при сохранении или даже повышении энергетических ресурсов. Обычно эти состояния характеризуются меньшей интенсивностью и силой переживаний, чем эмоциональное возбуждение, но при определенной констелляции личностных и ситуационных факторов, исчерпании ресурсов совпадающего поведения и попыток субъекта адаптироваться к конфликтной стрессовой ситуации, эмоциональное напряжение может достигать такого уровня, когда нарушается процесс выбора цели действия, высвобождаются стереотипные автоматизированные движения, происходят ошибки в восприятии окружающей действительности. Иными словами, определенное взаимодействие личностных особенностей обвиняемых с ситуационными переменными обуславливает такой рост эмоциональной напряженности, который сопровождается частичным сужением сознания, снижением контроля и регуляции поведения. Следует отметить, что сужение сознания выражается не столько в фрагментарности восприятия, сколько в доминировании аффектогенной мотивации, носящей сверхзначимый, сверхценный характер и обуславливающей затруднения в осмыслении и понимании окружающего. Она же редуцирует борьбу мотивов, нарушает оценочные, прогностические и контролирующие функции человека. **Третья стадия** характеризуется выраженным физическим и психическим истощением. **Характерным примером может служить дело военнослужащего**

К., обвиняемого в умышленном убийстве фельдшера Ф. Из материалов уголовного дела, медицинской документации, показаний подсудимого и свидетелей в судебном заседании известно, что раннее развитие без заметных отклонений, был скромным, послушным, подчиняемым, не очень общительным, жалостливым, добрым, слабым по характеру, трусливым, стремился избегать конфликтных ситуаций, не мог постоять за себя в случае необходимости, был аккуратным и очень чистоплотным. Попав в армию, стал нерасторопным, не следил за собой, личную гигиену не соблюдал. Через некоторое время начал стационарно лечиться в медпункте части по поводу флегмоны ноги. Ф. заставлял К. делать самую грязную работу, каждую ночь выполнять обязанности дневального, при откатах избивал. Свидетели показывали, что в этот период К. выглядел мрачным, угнетенным, замученным, подавленным. За неделю до правонарушения Ф. дал закурить ему самодельную сигарету с наркотиком, после чего, воспользовавшись беспомощным состоянием К., совершил насильственный акт мужеложества. После этого К. переживал чувство страха, обиды, боялся огласки. В день правонарушения К. был вновь изнасилован Ф. и неизвестным ему «гражданским» в кабинете начмеда. Испытывал чувство унижения, оскорбления, подавленность и страх. Решил покончить жизнь самоубийством, пошел искать веревку в месте хранения инструментов, но ее не нашел. Увидел там гаечный ключ, и возникла

мысль убить обидчиков. Вернулся в кабинет, подошел к спящему Ф. и нанес ему удар ключом по голове. После этого ключ выпал из рук, его трясло, возникла мысль: «Откуда кровь?». В это время ему показалось, что Ф. «еще хрипит». Перенес тело Ф. в блиндаж, где с помощью брючного ремня потерпевшего подвесил его за шею к трубе. Смерть Ф. наступила от механической асфиксии. К. вернулся в палату и заснул. Через час его разбудили, об убийстве вспомнил только тогда, когда стали искать Ф.

Экспертно-психологическое исследование выявило, что после призыва на военную службу у К. наступила социальная дезадаптация, сопровождающаяся заострением его личностных черт, появлением регрессивных форм поведения, ограничением круга общения, снижением активности. В период стационарного лечения на фоне дезадаптации, соматического неблагополучия, астенизации, связанной с недосыпанием в результате систематических психотравмирующих воздействий со стороны Ф., у К. происходило накопление эмоциональной напряженности. Присущие К. особенности личности препятствовали непосредственному отреагированию напряженности, повышая чувствительность к вновь возникающим фрустрирующим воздействиям по механизму «порочного круга». Противоправные действия потерпевшего привели к такому усилению эмоциональной напряженности К. (с выраженным страхом, обидой, чувством унижения, сосредоточением эмоциональных переживаний на угрозе возможного повторения случившегося и боязни огласки), что наступило частичное сужение сознания с ощущением субъективной безысходности, суицидальными намерениями в сочетании с доминированием аффективно обусловленной мотивации достичь «ликвидации» сложившейся личностно непереносимой ситуации. Сознание К. с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации. Это резко нарушило процесс целеполагания и ограничило субъективные представления о возможных способах разрешения сложившейся ситуации, привело к импульсивности принятия решения «убить Ф». Его последующие действия - нанесение удара ключом, перенос тела потерпевшего и последующее удушение последнего - реализовывало аффективно обусловленную цель, сопровождалось ограничением адекватной оценки своих действий и прогностических функций (парциальной нескритичностью), резким снижением самоконтроля и появлением несвойственной его личностной структуре брутальной агрессии. Последующее поведение К. характеризуется дезорганизацией, истощением, с последующим сном.

Комиссия экспертов пришла к заключению, что состояние К. в тот период следует квалифицировать как выраженное эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на его сознание и поведение и ограничившее возможность осознания значения своих действий и их контроля, регуляции.

Из сказанного ясно, что если экспертно-психологическая квалификация вариантов физиологического аффекта приводит к юридической квалификации «внезапно возникшего состояния аффекта, вызванного насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», то диагностика кумулятивного аффекта, а также состояния эмоционального возбуждения или напряжения, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого, может быть соотнесена и с «внезапно возникшим состоянием аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Таким образом, судебное экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакций и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольный волевой контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенное влияние на сознание и поведение.

В компетенцию эксперта-психолога входит ответ на вопрос судебно-следственных органов о наличии у обвиняемого в момент совершения правонарушения состояния аффекта. Утвердительный ответ на данный вопрос, возможный при экспертном установлении физиологического аффекта и его вариантов (кумулятивного аффекта и аффекта на фоне легкого алкогольного опьянения) или эмоционального состояния (возбуждения, напряжения), оказывающего существенное влияние на сознание и деятельность обвиняемого, имеет определенное юридическое значение - квалификацию преступления по статьям УК РФ, предусматривающих смягчение наказания.

Резюме

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы аффекта (эмоциональных реакций и состояний) обвиняемого (подсудимого) определяется возможностью квалификации следствием или судом ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 УК РФ («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»). Юридическая квалификация указанных статей наступает при экспертном установлении аффекта у подсудимого в момент совершения инкриминируемых ему действий и наличии таких юридически значимых признаков, как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта насилем, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы входит ответ на следующий вопрос судебно-следственных органов:

«Находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения инкриминируемых ему действий в состоянии аффекта?»

Утвердительный ответ на данный вопрос возможен при экспертном установлении физиологического аффекта и его вариантов (кумулятивного аффекта и аффекта на фоне легкого алкогольного опьянения) или эмоционального состояния (возбуждения, напряжения), оказывающего существенное влияние на сознание и деятельность обвиняемого.

Таким образом, судебно-экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакции и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевою регуляцией и контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными реакциями и состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенного влияния на сознание и поведение.

Общие проблемы судебно-психологической экспертизы обвиняемого (подсудимого)

Проблема «ограниченной вменяемости»

В настоящее время стало общепризнанным и не требующим особых доказательств фактом реальное существование психических расстройств и состояний, обуславливающих ограничение способности осознавать значение своих действий или руководить ими при совершении субъектом противоправных поступков. Однако в рамках судебно-психиатрической экспертизы признание этого факта в онтологическом плане до последнего времени не приводило к каким-либо значимым практическим правовым последствиям: юридическое значение имели только взаимополярные экспертные выводы - мог или не мог обвиняемый отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие психического расстройства.

В ст. 22 нового УК РФ, введенного в действие с 1 января 1997 г., учитывается уже и ограниченная способность вменяемого лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства. Правовые последствия анализируемой ограниченной способности

являются сложными, состоящими по меньшей мере из двух элементов Первый из них - учет ограниченной вменяемости при назначении наказания - относится прежде всего к способности быть субъектом уголовной ответственности и выражается, в частности, в квалификации ограниченной вменяемости в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. Второй элемент обозначен в УК РФ как сочетание применения наказания с принудительными мерами медицинского характера, т.е. учитывается и способность человека быть субъектом отбывания наказания. Осужденный с психическими аномалиями нуждается в применении дополнительных медико-психологических мер не только и не столько потому, что в прошлом, в момент совершения преступления имеющиеся психические расстройства ограничивали его способность к осознанию и руководству своими поступками (а именно к этому сводятся критерии ограниченной вменяемости), а скорее потому, что ко времени отбывания наказания его психические отклонения будут затруднять применение «обычных», стандартных исправительных мер, препятствуя тем самым достижению целей наказания. Поэтому не случайно в названии ст. 22 УК РФ не упоминается понятие «ограниченной вменяемости» - данная статья регулирует вопросы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости. Очевидно, что для решения этих вопросов необходимы специальные познания в области судебной психиатрии.

Вместе с тем, существуют факторы, которые не сводятся к болезненным психическим расстройствам, не являются в строгом смысле психопатологическими (как этого требует медицинский критерий ограниченной вменяемости), но в то же время могут также обусловить у человека, совершившего правонарушение, ограничение способности к полноценному произвольному и осознанному контролю своих действий. Анализом этих факторов и занимается судебно-психологическая экспертиза.

Судебно-психологическая экспертиза обвиняемых как исследование их способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими

Рассмотрим, какие же психологические факторы, не достигающие психопатологического уровня, могут ограничивать способность обвиняемого к осознанию и регуляции своего поведения. **Непатологические личностные факторы**

В практике экспертизы не часто, но встречаются случаи, когда без наличия болезненного психического расстройства человек, совершающий противоправное действие, не может в полной мере понимать значение своих поступков и нормально их контролировать. Такого рода случаи освоены практикой судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы, в рамках которых судебно-следственные органы часто задают вопрос о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемого на его поведение при совершении инкриминируемых ему деяний. В настоящее время не существует психологических теорий, которые бы отрицали, что поступки человека определяются взаимодействием личностных и ситуационных факторов. А предметом экспертного исследования судебного психолога являются только те особенности психики, которые имеют юридическое значение и влекут за собой определенные правовые последствия. С этой точки зрения, зрания судебно-психологическое экспертное заключение о том, что индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказывают существенное влияние на его поведение (а не просто отражаются в поведении), является оправданным только в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или руководить ими. С юридической точки зрения, экспертное признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может быть значимым для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности и наказания. **Эмоциональные факторы**

Юридической основой проведения судебно-психологической экспертизы эмоциональных состояний обвиняемого являются ст. ст. 107 и 113 УК РФ, которые содержат по-

нятие аффекта (сильного душевного волнения), являющегося одним из компонентов квалификации аффективных преступлений. В основе отграничения сильного душевного волнения от обычного (трудно представить себе преступление, совершенное вменяемым лицом, не сопровождающееся каким-либо эмоциональным напряжением, т.е. душевным волнением) или, иными словами, аффекта (включающего физиологический, кумулятивный аффекты, аффект на фоне простого алкогольного опьянения и эмоциональные реакции и состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение), от эмоциональных реакций, не достигающих глубины аффекта, лежит снижение возможности регуляции своих действий вследствие частичного аффектогенного сужения сознания, т.е. в конечном счете все то же ограничение способности к осознанию значения своих действий или руководства ими. При установлении судом иных признаков (умышленный характер преступных действий, наличие противоправных действий потерпевшего) он может осуществить перекалфикацию преступления на те статьи УК РФ, которые предусматривают существенное смягчение мер наказания (по ч. 1 ст. 107 УК РФ предусмотрено ограничение или лишение свободы на срок до трех лет, а по ст. 113 УК РФ - до двух).

Отдельную проблему аффективных деликтов составляют случаи, когда обвиняемое лицо совершает преступление в состоянии аффекта, возникшего и развившегося в ответ не на противоправные действия потерпевшего, а под влиянием других личностных и ситуативных факторов (исключая состояния наркотического или алкогольного опьянения). Такие ситуации не отражены в статьях УК РФ, смягчающих ответственность. В действующем уголовном законе дифференцированные меры наказания предусмотрены в явном виде только к матерям, совершившим убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости (ст. 106 УК РФ). Как показывает наш опыт производства экспертизы, в ряде случаев в психотравмирующих условиях у матерей при родах развивается состояние эмоционального напряжения, существенно ограничивающее их возможность в полной мере осознавать свои действия и регулировать их, и именно в этот период времени они и совершают убийство новорожденного.

Типичным примером может служить следующий случай.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза Л., 22 лет, обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. По характеру формировалась исполнительской, боязливой, обидчивой, не могла за себя постоять. В школе училась средне, интереса к учебе не проявляла, стремилась к дружбе с мальчиками старшего возраста. Половая жизнь с 17 лет вне брака, имела три беременности, две предыдущие из них закончились искусственными родами. После того, как узнала о последней беременности, в течение двух недель принимала таблетки для ее прерывания, однако безрезультатно. Она решила рожать, скрыв свое состояние от родных. На восьмом месяце беременности вышла замуж за старого знакомого. В день свадьбы Л. сообщила мужу о своей беременности, к чему он отнесся отрицательно и потребовал прервать ее. В женской консультации направление на аборт ей не дали из-за большого срока беременности, а на искусственные роды требовались большие деньги, которых у нее не было. Тем не менее сообщила мужу, что беременность прервала.

В день правонарушения находилась дома с мужем и сестрой. Поздно вечером, запершись в ванной комнате, родила жизнеспособного ребенка, нанесла ему сорок пять колото-резаных ран и выбросила труп младенца в окно.

При экспериментально-психологическом исследовании на фоне невысокого темпа умственной работоспособности, снижения активности внимания и контроля своих умственных действий, нерезко выраженной утомляемости выявилось некоторое снижение объема запоминания, невысокий уровень обобщения и абстрагирования. Были обнаружены следующие индивидуально-психологические особенности: дисгармоничная структура личности с сочетанием, с одной стороны, черт аффективной ригидности, настороженности по отношению к окружающим, осторожности, озабоченности возможными последствиями

своих поступков, стремлением их планировать, высокой степени опосредованности собственных действий, сдержанности в общении, и с другой - эмоциональной неустойчивости, снижения контроля эмоциональной сферы, импульсивности, повышенной чувствительности. Выявилась негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, с легкостью возникновения реакций растерянности, чувства вины, тревожно-депрессивных состояний, неуверенностью в себе и неумением принимать самостоятельные решения в конфликтных ситуациях, зависимостью от мнения старших, тенденцией избегать агрессивных форм поведения при фрустрации.

Клиническое исследование позволило прийти к выводу, что Л. и момент совершения инкриминируемых ей деяний хроническим психическим заболеванием не страдала, обнаруживала остаточные явления органического поражения головного мозга. В этот период времени у Л. не было и признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности. Эксперты-психиатры пришли к заключению, что Л. могла отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, и рекомендовали суду в отношении инкриминируемого деяния считать ее вменяемой.

Психологический анализ материалов уголовного дела, данных клинико-психологической беседы и экспериментального исследования показал, что состояние Л. в период, предшествовавший инкриминируемым ей действиям, характеризовалось ростом эмоционального напряжения, обусловленного субъективным противоречием (внутриличностным конфликтом) между собственным стремлением родить ребенка, с одной стороны, и изменившимся отношением к ней мужа (после того, как тот узнал о беременности), давлением мужа и родственников с требованием избавиться от будущего ребенка, - с другой. Кумуляции эмоционального напряжения способствовали попытки Л. найти выход из стрессовой ситуации, закончившиеся неудачами и дополнительными фрустрациями (не смогла сделать аборт из-за позднего срока беременности: не могла развестись с мужем; заблокированным оказалось желание уехать к отцу и гам родить ребенка из-за отсутствия денег). Существенное влияние на кумуляцию эмоционального напряжения оказали также такие индивидуально-психологические особенности Л., как аффективная ригидность с застремляемостью на фрустрирующих воздействиях, неуверенность в себе, зависимость от мнения авторитетных лиц, которые препятствовали непосредственной разрядке внутреннего напряжения и обусловили решение сказать мужу, что она избавилась от ребенка. Уровень эмоционального напряжения Л. был настолько высоким, что сопровождался выраженной тревогой, повышенной раздражительностью, страхами, нарушениями сна. Начавшиеся роли воспринимались Л. субъективно как внезапные и неожиданные, вызвали у нее дальнейший рост эмоционального напряжения, реакцию растерянности, дезорганизацию структуры поведения, чему существенно способствовали такие личностные черты, как эмоциональная неустойчивость, негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, склонность к тревожно-депрессивным реакциям. Интенсивное эмоциональное напряжение у Л. сопровождалось выраженным чувством страха, отчаяния и ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации. В этот момент произошло частичное сужение сознания Л. с фрагментарностью восприятия, доминированием личностно значимых переживаний и аффектогенно обусловленной мотивации скрыть рождение ребенка от мужа и окружающих. Ее сознание с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сврхзначимой мотивации, что резко снизило ее способность к адекватной оценке ситуации и собственных действий, нарушило процесс целеполагания, ограничило субъективные представления о возможных вариантах выхода из сложившейся ситуации, привело к выраженному снижению контроля с высвобождением импульсивных действий и расстройствами прогностических функций.

Комиссия экспертов пришла к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей действий находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое оказало существенное влияние на ее сознание и поведение, ограничив способность к адекватной оценке сложившейся ситуации, к полноценному осознанию значения

своих действий, к произвольной волевой регуляции и контролю своих поступков, пониманию их возможных последствий.

Данный случай характерен тем, что применить ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») по отношению к подэкспертной невозможно, поскольку здесь отсутствует состав преступления (нет противоправных действий потерпевшего). Однако юридическая квалификация по ст. 106 УК РФ будет оправданной, поскольку из экспертного заключения следует, что состояние эмоционального напряжения у Л., ограничившее ее способность контролировать свои действия, возникло на фоне длительной психотравмирующей ситуации.

Дело в том, что уголовное законодательство учитывает особое психофизиологическое состояние женщин во время и сразу после родов, поэтому убийство новорожденного ребенка в течение одних суток с момента появления ребенка на свет подлежит квалификации по ст. 106 УК РФ. В данном случае используется судебно-медицинский критерий определения длительности периода новорожденности, который равен 24 часам. Однако в данной статье УК РФ наряду с «убийством матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов», речь идет и об аналогичном убийстве в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Наибольшие сложности вызывает юридическая квалификация «психотравмирующей ситуации». Ни одна ситуация сама по себе не может выступать как фрустрирующая, оказывающая негативное воздействие на психику человека, - ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации, где решающее значение приобретает то психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании субъекта. К примеру, требование мужа избавиться от будущего ребенка будет глубоко травмирующим фактором для беременной женщины, желающей родить и воспитать ребенка, а для женщины, страдающей хроническим алкоголизмом и характеризующейся морально-этической деградацией, такая позиция супруга может выступать как нейтральное обстоятельство или даже как подкрепление собственной позиции.

В ситуациях, действительно носящих психотравмирующий характер, фрустрирующие воздействия приводят к накоплению (кумуляции) отрицательных переживаний и обуславливают рост эмоциональной напряженности. В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, которая снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия. Поэтому задачей психолого-психиатрической экспертизы является не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой находится мать-детоубийца, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующими воздействиями, т.е. ответ на следующий вопрос судебно-следственных органов:

«Находилась ли обвиняемая (подсудимая) во время совершения инкриминируемых ей деяний в состоянии эмоционального напряжения, вызванном психотравмирующей ситуацией и оказавшем существенное влияние на ее сознание и поведение?»

Юридическое значение экспертного определения состояния эмоциональной напряженности, возникшего и развившегося в условиях психотравмирующей ситуации, заключается в квалификации ст. 106 УК РФ в тех случаях, когда убийство совершено в течение одного месяца с момента рождения ребенка (здесь используется уже не судебно-медицинский, а педиатрический критерий определения длительности периода новорожденности. Убийство ребенка, хотя и в условиях психотравмирующей ситуации, но по прошествию указанного срока, подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ. В этом случае психотравмирующая ситуация может быть признана обстоятельством, смягчающим нака-

знание (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Факторы психического развития

Если влияние личностных и эмоциональных факторов на способность обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими устанавливается судебно-психологической экспертизой, исходя из смысла статей Уголовного кодекса, регулирующих эти предметные виды экспертизы, то установление влияния психического недоразвития на ту же способность предусмотрено законом непосредственно в ч. 3 ст. 20 УК РФ. В этом предметном виде экспертизы вопрос стоит не столько в плоскости определения судом вменяемости-невменяемости обвиняемого, сколько в установлении его возможности быть субъектом уголовной ответственности. При экспертном заключении о наличии у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, такой несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, но при условии, что он не мог в полной мере осознавать значения своих действий или осуществлять их волевою регуляцией и контроль.

Таким образом, при всем разнообразии психологических непатологических факторов, влияющих на структуру и динамику мотивации противоправного поведения, можно выделить как наиболее обобщенный признак судебно-психологической экспертизы обвиняемых исследование влияния описанных факторов на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. В зависимости от объекта экспертного исследования (совершеннолетние или несовершеннолетние обвиняемые) и выделения основного психологического фактора (личностного, эмоционального или онтогенетического) экспертные выводы психолога будут иметь различное юридическое значение.

Методические особенности судебно-психологического экспертного исследования обвиняемого

Судебный психолог при экспертизе индивидуально-психологических особенностей обвиняемого одновременно реализует два подхода к диагностике личности.

Первый из них предполагает *экспериментально-психологическое исследование* с применением психодиагностических методов. Основное место среди экспериментальных методов занимают тесты, направленные на изучение различных сторон личности. В каждой конкретной экспертизе могут применяться самые разнообразные методики в зависимости от психологического анализа фабулы уголовного дела. Главным ориентиром для эксперта-психолога является представление о том, какие аспекты, стороны и уровни личности можно диагностировать тем или иным методом. Так, объемные личностные опросники, типа ММРІ и 16-факторного личностного опросника Кеттелла используют для определения общей структуры строения личности. Для исследования мотивационной и волевой сферы, выявления особенностей смыслового восприятия и оценки различных ситуаций применяют проективные методы (ТАТ, тест Роршаха), различные варианты репертуарных решеток Келли. Такие методики, как «Уровень притязаний», «Самооценка», «Локус контроля», дают ценную информацию о личностных предпосылках целеобразования, целеполагания, принятия решений. Особенности личностного реагирования на фрустрацию, типичные способы разрешения конфликтных ситуаций исследуются тестом Розенцвейга. Кроме того, применяется направленная клиничко-психологическая Гюседа, наблюдение и экспериментальное исследование особенностей познавательной деятельности (мышления, внимания, памяти) испытуемого.

Второй подход основывается на **психологическом анализе материалов уголовного дела** (а в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы - и медицинской документации). Естественно, последний подход предъявляет особые требования к источникам информации, предоставляемым судебно-следственными органами в распоряжение экспертов. Из этих источников психолог, как правило, извлекает четыре группы данных о личности обвиняемого.

Первую из них составляют сведения об **особенностях развития** под экспертного лица. Важно в уголовном деле отразить весь жизненный путь личности, в первую очередь - особенности раннего психического развития (появление речи, эмоциональные особенности, социальная ситуация развития, стиль родительского воспитания и т.д.), индивидуально-психологические особенности, уровень интеллекта, особенности социального взаимодействия со сверстниками и взрослыми в подростковом возрасте. Эти данные могут содержаться в показаниях родителей, близких родственников, воспитателей дошкольных учреждений, школьных учителей, одноклассников и других свидетелей.

Вторую группу составляют устойчивые, проявляющиеся в разных ситуациях, **индивидуальные особенности**: система отношений, основные ценностные ориентации, ведущие мотивы, установки, особенности межличностного взаимодействия, черты личности, характера и темперамента. Для диагностики этих особенностей психолог должен иметь в своем распоряжении показания наиболее близких к под экспертному лиц (родственников, друзей, сослуживцев). В данных показаниях могут быть отражены характеризующие обвиняемого сведения: жизненные устремления, способы достижения им своих целей, характерологические особенности, его отношения со свидетелями, его отношение к работе или учебе, особенности его поведения в быту и на службе, особенности его эмоционального реагирования в конфликтных ситуациях, уровень его интеллектуального развития и т.п. Эти же данные могут содержать и служебные характеристики, которые полезно дополнять неформальными сведениями о под экспертном, полученными от его непосредственных начальников и коллег по месту работы.

Третью группу данных о личности обвиняемого составляют **особенности его самосознания**, информацию о которых для психологического анализа эксперт может извлечь из показаний самого обвиняемого, касающихся своей самооценки, его восприятия сложившейся ситуации, оценки своих возможностей и способностей, планов на будущее и пр.

И, наконец, четвертую, и самую значимую для достижения целей экспертизы, группу данных составляют сведения об актуальном состоянии обвиняемого во время совершения инкриминируемых ему деяний. В данном случае важна информация не только о его поведении и высказываниях, которая может содержаться в показаниях непосредственных очевидцев случившегося, в материалах следственного эксперимента, выхода на место происшествия, но и о динамике субъективных переживаний подэкспертного, особенностях его осмысления ситуации в целом и восприятия действий потерпевшего, свидетелей преступления, особенностях осмысления своих действий, эмоциональных реакций, контроля и прогноза своих действий. Для возможности психологического анализа субъективной стороны поведения обвиняемого в интересующей следствие и суд ситуации в показаниях самого обвиняемого должна быть отражена не только фабула его поведения, но и его чувства, мысли, переживания, сопровождающие его собственные действия, его эмоциональные реакции на действия окружающих, изменения обстановки и т.д.

Выводы эксперта-психолога об индивидуально-психологических особенностях обвиняемого или о его эмоциональном состоянии, или об отставании в психическом развитии, а главное - о мере их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний - должны основываться на обобщении данных, полученных как при экспериментальном психодиагностическом обследовании, так и при психологическом анализе материалов уголовного дела.

Ограничение способности обвиняемого или подсудимого в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий либо руководить ими может быть следствием как психопатологических, так и психологических (не достигающих психопатологического уровня) факторов.

Обусловленность ограничения анализируемой юридически значимой способности каким-либо психическим расстройством (медицинским критерием) рассматривается в рамках судебно-психиатрической экспертизы, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского ха-

рактера. В компетенцию судебно-психологической экспертизы входит исследование влияния непатологических психологических факторов на возможность обвиняемого адекватно осознавать и произвольно регулировать свое поведение.

Констатация влияния личного фактора значима для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности.

Установление влияния эмоционального фактора важно для квалификации «аффекта» (сильного душевного волнения).

Когда причиной ограничения способности к осознанию и регуляции поведения выступает фактор психического недоразвития (не связанный с психическим расстройством), лицо, совершившее правонарушение, освобождается от уголовной ответственности.

Экспертные выводы психолога о мере влияния названных факторов на поведение обвиняемого во время совершения инкриминируемых ему деяний должны основываться на обобщении данных, полученных как при экспериментальном психодиагностическом обследовании, так и при анализе материалов уголовного дела.

Судебно-психологическая экспертиза способности потерпевшей по делу об изнасиловании понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление

Юридическое значение

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному определяется необходимостью **определения беспомощного состояния** судебно-следственными органами. Беспомощное состояние является квалифицирующим признаком состава преступления по ч. 1 ст. 131 УК РФ («Изнасилование») и ч. 1 ст. 132 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»).

Беспомощное состояние может быть обусловлено целым рядом причин, которые в конечном счете могут быть сведены к физическим и психическим (в широком смысле) факторам. К предмету судебно-психологической экспертизы не относится физическая беспомощность, наступающая в силу физических недостатков, бессознательного состояния, некоторых соматических заболеваний и т.п. Однако сфера компетенции судебного эксперта-психолога не охватывает и все виды психической беспомощности. В случаях, когда беспомощное состояние является следствием психического расстройства (хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного временного болезненного состояния психики), назначается судебно-психиатрическая экспертиза, которая решает экспертные вопросы, исследуя и медицинский, и юридический критерии. В тех же случаях, когда беспомощное состояние потерпевших обусловлено психологическими факторами, не относящимися к психической патологии, проводится судебно-психологическая экспертиза, которая исследует исключительно юридический критерий беспомощного состояния.

Смысл самого юридического критерия раскрывается в п. 5 постановления № 4 Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», где беспомощное состояние потерпевшей определяется как «неспособность понимать характер и значение совершаемых с нею преступных действий или оказывать сопротивление виновному».

В случае экспертного вывода о том, что потерпевшая по делу об изнасиловании или потерпевший (потерпевшая) по делу о насильственных действиях сексуального характера не были способны понимать характер и значение совершаемых с ними действий либо оказывать сопротивление, судебно-следственные органы вправе сделать вывод о ее (его) беспомощном состоянии в криминальной ситуации, и, при условии доказанности того факта, что преступник действовал, сознавая беспомощность потерпевшей или потерпевшего (установление этого обстоятельства является исключительной прерогативой судебных и следственных органов), может квалифицировать ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК

РФ, которые предусматривают лишение свободы на срок от трех до шести лет.

Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, решаемый в данном виде судебно-психологической экспертизы: **«Способна ли потерпевшая с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление?»**

Юридическое определение беспомощного состояния четко фиксирует его основные критерии, однако при этом не раскрывает их психологического содержания.

Юридический критерий беспомощного состояния потерпевших, равно как и большинство юридических критериев в других предметных видах экспертизы, состоит из двух взаимосвязанных психологических компонентов: один из них - «способность понимать характер и значение действий преступника» - относится к процессам осознания юридически значимых событий, а другой - «способность оказывать сопротивление» - к психологическим механизмам произвольной регуляции собственного поведения в юридически значимой ситуации.

В работах М.М. Коченова, Л.П. Коньшевой в качестве необходимых компонентов сохранности способности потерпевших к пониманию характера и значения совершаемых с ними действий выделяются:

- специфический жизненный опыт потерпевшей, включающий прежде всего осведомленность в области сексуальных отношений, регуляции половой жизни;
- осознание уже на ранних стадиях развития криминальной ситуации сексуальную направленность действий преступника;
- адекватная морально-этическая, нравственная оценка происходящих событий, сформированность способности к пониманию социального значения совершаемых с нею действий.

И.А. Кудрявцев информирует потерпевшую в вопросах пола (включающую понимание существа сексуальных отношений между полами, принятых форм их проявлений, одобряемого общественной моралью начала половой жизни, физиологии половых отношений, зачатия, деторождения, функциональных особенностей мужчины и женщины), относит исключительно к категории понимания характера действий виновного, в то время как понимание потерпевшей значения этих же действий, по его мнению, включает смысловой аспект их отражения в сознании потерпевшей. Такое разделение представляется несколько искусственным, поскольку осведомленность в области половых вопросов является, как это видно из анализа перечисленных их компонентов, основой понимания не только сексуального характера действий преступника, но и их биологического смысла, а также некоторых аспектов их социального значения.

При анализе способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними действий эвристичной представляется концепция уровней понимания, предложенная Ю.Л. Метелицей. Им выделяются такие уровни и стадии понимания:

- понимание внешней стороны юридически значимых событий (времени, места происшедшего, внешности преступника, последовательности его действий и т.п.);
- понимание внутреннего содержания этих событий (понимание биологического значения половых отношений, основанное на информированности в вопросах пола);
- понимание их социального значения (способность осмыслить моральное, нравственное значение преступления, его последствия для чести и достоинства и т.п.). Автор справедливо указывает, что понимание социального значения не сводится к формальным знаниям об отношении акта изнасилования к этическим ценностям, оно должно быть основано на глубоком личностно-смысловом понимании подобных действий.

О сохранности способности потерпевшей к пониманию характера и значения совершаемых с нею преступных действий свидетельствует, с точки зрения изложенной кон-

цепции, сохранность понимания на всех трех уровнях, нарушение же любого из них приводит к выводу о нарушении анализируемой способности.

Сохранность способности потерпевшей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею насильственных действий зависит от многих психологических факторов, взаимодействующих с особенностями (сложностью, структурой и динамикой) криминальной ситуации, среди которых ведущими являются:

1. Уровень психического развития под экспертной. Недостаточность интеллектуального и личностного развития потерпевшей приводит к нарушениям понимания на разных уровнях. В случаях, когда низкий уровень психического развития обусловлен естественной возрастной незрелостью (как правило, это малолетние потерпевшие в возрасте до 9-10 лет), можно констатировать понимание только внешней стороны юридически значимых событий, без осознания биологического и социального их смысла. У малолетних потерпевших старше 10-11 лет и у несовершеннолетних необходимо тщательно исследовать индивидуальную структуру познавательной деятельности и уровень личностного созревания. Как отмечает М.М. Коченов, значение такого исследования далеко выходит за рамки утилитарной задачи выявления признаков умственной отсталости. Очень важным объектом изучения является исследование специфических знаний в области вопросов пола, а также уровня сексуального сознания и самосознания испытуемой. При недостаточной сформированности психосексуального развития даже констатация высокого уровня интеллекта у малолетних потерпевших не позволяет сделать вывод об их способности полноценно осознавать характер и значение действий преступника. Причиной неспособности к полному и правильному осознанию криминальной ситуации может быть и отставание в психическом развитии, обусловленное социальной и педагогической запущенностью.

2. Эмоциональное состояние потерпевшей в криминальной ситуации.

Особый психотравмирующий характер посягательств на честь и достоинство потерпевших может вызывать у них различные аффективные состояния, в частности - аффект страха. Характерными свойствами аффективных состояний являются специфическое частичное сужение сознания и дезорганизация полноценной волевой регуляции поведения. Частичное сужение сознания у потерпевшей, сопровождаемое фрагментарностью восприятия, резко снижает возможность осознания происходящего, понимания смысла собственных поступков и поведения преступника, что обуславливает ее неспособность понимать характер и значение совершаемых действий виновного.

Судебно-экспертное заключение о неспособности потерпевшей понимать характер и значение совершаемых с нею насильственных действий преступника неизбежно приводит к выводу и о том, что потерпевшая не могла оказывать сопротивление виновному, поскольку оказание активного сопротивления является целенаправленным действием, возможным только при адекватном осознании всех связей и отношений криминальной ситуации. Способность потерпевшей оказывать сопротивление Л.П. Коньшевой определяется как наличие у нее возможности эффективно преодолеть принуждение со стороны преступника, действуя с пониманием ситуации, руководствуясь собственными целями и интересами.

Однако в практике судебно-психологической экспертизы встречаются случаи, когда подэкспертная при сохранности ее способности к полноценному пониманию сущности действий насильника, тем не менее оказывается неспособной к оказанию сопротивления, т.е. к целенаправленному поведению с сохранением самоконтроля, прогноза возможных последствий собственных действий, и с устойчивостью к внешним воздействиям. Для судебно-следственных органов экспертный вывод о неспособности оказывать сопротивление (при сохранности понимания происшедшего) является достаточным основанием для определения беспомощного состояния.

Нарушения способности потерпевшей оказывать сопротивление зависят прежде всего от структуры ее **индивидуально-психологических особенностей**. Чаще всего в су-

дебно-психологической практике встречается пассивно-подчиняемый тип поведения потерпевших, когда они без сопротивления, беспрекословно выполняют все требования насильника, подчиняются его указаниям. Для этих подэкспертных характерны такие черты личности, как внушаемость, подчиняемость, нерешительность, мнительность, робость, доверчивость, эмоциональная неустойчивость. Такой характерный комплекс личностных особенностей обуславливает в криминальной ситуации развитие состояния эмоциональной напряженности с дезорганизацией психической деятельности, снижением прогностических возможностей, пассивностью поведения.

Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. Наиболее распространенной ошибкой является формулировка вопроса к экспертам **«о наличии беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего)»**.

Как указывалось выше, беспомощное состояние потерпевшей по делу об изнасиловании может быть следствием не только психологических факторов непатологической природы, но и других разнообразных причин: физической патологии (бессознательное состояние, истощение в результате болезни, инвалидность и т.п.), обстоятельств ситуации (например, жертва связана и не может оказывать сопротивление), явной психической незрелости (очевидна психическая беспомощность потерпевшей 3-5 лет), психической патологии и т.д. Поэтому в ряде случаев суд и следствие могут решить вопрос о наличии беспомощного состояния потерпевшей самостоятельно, а в других случаях - на основе заключений не только судебно-психологической, но и судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз. В любом случае, квалификация беспомощного состояния потерпевшей является исключительной прерогативой судебно-следственных органов.

Из сказанного ясно также, что заключение любой судебной экспертизы не может гласить, что потерпевшая не находилась в беспомощном состоянии, так как в этом случае эксперт определенной специальности выйдет за пределы своей компетенции: он может устанавливать способность или неспособность к осознанию происходящей криминальной ситуации и оказанию сопротивления только в рамках изучения явлений, входящих в объем его специальных познаний.

2. **«Оказали ли индивидуально-психологические особенности потерпевшей существенное влияние на ее поведение в криминальной ситуации?»**

Вопрос является неполным, поскольку, как было показано выше, существенное влияние, ограничивающее возможность подэкспертной полноценно осознавать ситуацию и осуществлять волевою регуляцию и контроль своего поведения, т.е. оказывать сопротивление, могут оказывать не только личностные факторы, но и уровень психического развития, и эмоциональное состояние потерпевшей. Поэтому данный вопрос может быть вынесен в постановление или определение в качестве дополнительного к основному вопросу, но в качестве самостоятельного он будет явно недостаточен для экспертного заключения.

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному определяется необходимостью юридической квалификации беспомощного состояния, которое является признаком состава преступления по ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ.

Основное значение имеет вопрос: «Способна ли потерпевшая с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление?»

Расстройства способности потерпевшей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею насильственных действий зависят прежде всего от уровня психического развития подэкспертной и от ее эмоционального состояния в криминальной ситуации.

Нарушение способности понимать характер и значение совершаемых с потерпев-

шей насильственных действий обуславливает и нарушение ее способности оказывать сопротивление. При сохранности у потерпевшей понимания смысла действий виновного расстройство способности оказывать сопротивление может быть обусловлено прежде всего структурой ее индивидуально-психологических особенностей.

Судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством

Юридическое значение

Рассмотрим, с какой целью назначается судебно-психологическая экспертиза по факту самоубийства, какие возможные правовые последствия вытекают из того или иного экспертного заключения. Как показывает практика, одной из ситуаций, в которых назначается такая экспертиза, является предположительный вывод следователя или суда о самоубийстве. Когда у судебно-следственных органов нет четкой уверенности в том, что имел место факт самоубийства (а не убийства или несчастного случая), то здесь экспертное заключение играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента. Но в таких случаях, и это особо следует подчеркнуть, недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения и именно в этот промежуток времени стать жертвой убийства (отравления, повешения и т.д.). В данном случае использование экспертного заключения о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными намерениями, в качестве доказательства того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой.

Исходя из сказанного, предпочтительнее назначать судебно-психологическую экспертизу при наличии **доказанности факта самоубийства**. При этом суд и следствие обычно сталкиваются с проблемой квалификации статей Уголовного кодекса.

Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». **Во-вторых**, п. «б» ст. 63 УК РФ: обстоятельством, отягчающим ответственность, признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании, совершающие суицид - а самоубийство потерпевшей является одним из тяжких последствий преступления.

И в том, и в другом случае основной целью суда при квалификации этих статей является доказательство наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилование или такие действия, которые подпадают под определение «угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица. Из этого вытекает и другой важный вывод - при назначении судебно-психологической экспертизы требуется и доказанность уголовно наказуемых действий обвиняемого.

Предметом судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства является психическое состояние подэкспертного лица, предшествовавшее самоубийству. Это обстоятельство в совокупности с основной целью суда - установить наличие или отсутствие причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и фактом самоубийства - и определяет круг вопросов, ответы на которые в экспертном заключении и дадут возможность использовать их как доказательство по делу в целях содействия установлению истины.

Следует подчеркнуть, что психическое состояние суицидента может носить и психопатологический характер, отсюда следует, что для судебно-следственных органов по делам о самоубийстве предпочтительнее назначать не однородную судебно-психологическую, а **комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу**.

Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

В постановлении следователя или определении суда должны формулироваться следующие два вопроса.

1. «В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший самоубийству (смерти)?»

Данный вопрос касается периода, предшествовавшего смерти, в тех случаях, когда речь идет о предположительном самоубийстве. Как мы уже отмечали, экспертное заключение, квалифицирующее такое психическое состояние, не являясь доказательством при определении рода смерти, может пролить свет на некоторые обстоятельства, характеризующие личность подэкспертного.

При назначении экспертизы по факту доказанного самоубийства необходимо формулировать вопрос о периоде, предшествовавшем уже не смерти, а самоубийству.

Ответ на этот вопрос имеет основополагающее значение для экспертного заключения о наличии причинной связи этого состояния с действиями обвиняемого.

Следует сразу отметить, что назначение данного вида экспертизы предъявляет особые требования к материалам уголовного дела. Методические особенности экспертизы психического состояния лиц, совершивших самоубийство, заключаются в том, что эксперты должны производить исследование, опираясь только на клиничко-психологический анализ уголовного дела и приобщенных к нему материалов, которые в этом случае являются единственным источником информации о личности и психическом состоянии суицидента. Поэтому органом, назначающим экспертизу, должны быть собраны все необходимые материалы - полные и подробные сведения о психическом развитии подэкспертного лица, об его индивидуально-психологических особенностях (в том числе и о характере его реагирования на стресс, фрустрацию, конфликты), о динамике его психического состояния в интересующий суд и следствие период времени, особенно в последние дни перед самоубийством, а также всю имеющуюся медицинскую документацию.

При наличии полных материалов уголовного дела и медицинской документации клиничко-психологический анализ позволяет дать точную квалификацию психического состояния человека в период, предшествовавший суициду, описать его возникновение и динамику развития.

Квалификация данного психического состояния включает в себя определение индивидуально-психологических особенностей, клиническую и психологическую диагностику собственно психического состояния. Экспертное исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного должно включать этико-психологический анализ (поскольку суицидальное действие - всегда акт морального выбора), диагностику особенностей самосознания, определение черт личности и характера.

Необходимо квалифицировать тип суицида - рациональный или аффективный. Рациональные самоубийства - это обдуманые суициды с длительным и постепенным формированием решения покончить с собой, обдумыванием способов самоубийства, места и времени осуществления своего намерения. При аффективных самоубийствах решение о суициде принимается непосредственно под воздействием интенсивных и значимых эмоций и является не обдуманным, а импульсивным.

Важным компонентом является выявление мотивов (или психологического смысла) самоубийства. В суицидологии описаны такие типы мотивов, как протест, призыв, избегание (наказания или страдания), самонаказание и отказ.

Особое внимание в экспертном заключении должно обращать на изменения личности в «переломные» моменты его жизни (потеря работы, смерть близких, ситуации сильного унижения и т.п.).

Диагностика же собственно психического состояния человека в интересующий судебно-следственные органы период времени обычно включает клиническую психологическую или синдромальную оценку этого состояния, определение характера социальной дезадаптации личности, сущности его кризисного или аффективного состояния, анализ динамики его переживаний и т.д. Только точная и полная квалификация психического со-

стояния подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству, позволяет правильно ответить на основной вопрос судебно-следственных органов.

2. «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?»

Часто этот вопрос задают таким образом: **«Каковы возможные причины возникновения этого состояния?»**. Подобная формулировка представляется менее удачной, так как причин возникновения и развития пресуицидального состояния может быть много, а суд интересуется только одна причинная связь - между уголовно значимыми действиями обвиняемого и самоубийством потерпевшего.

Проиллюстрируем это следующим примером. Девушка 16 лет была изнасилована группой подростков, и впоследствии у нее развилось депрессивное состояние непсихотического уровня со стойкими суицидальными мыслями, ощущением непереносимости сложившейся ситуации, что привело ее к попытке самоубийства путем отравления. Однако среди причин развития данного психического состояния можно назвать и ее личностные особенности в виде повышенной ранимости, уязвимости, устойчивых ценностных представлений о женской чести. В то же время клинико-психологическое исследование показало, что ее депрессивное состояние усугубилось в результате субъективно непереносимых для нее допросов в качестве потерпевшей, а также из-за неправильного поведения ее матери, занявшей не сочувствующую, а осуждающую дочь позицию. Ясно, что в таком случае факт группового изнасилования не выступает в качестве единственной причины, а является одним (хотя и основным) из факторов, обусловивших возникновение психического состояния, приведшего к попытке самоубийства.

В других случаях, при квалификации психического состояния подэкспертного как психотического, основной причиной самоубийства могут быть, к примеру, психопатологические бредовые мотивы, а внешние воздействия могут находиться, а могут и не находиться в причинной связи с возникновением и развитием такого состояния.

Поэтому более корректным, а главное - отвечающим задачам суда или следствия - является формулировка вопроса о наличии причинной зависимости психического состояния подэкспертного, предшествовавшего самоубийству, от действий обвиняемого. Следует отметить, что конечное установление такой связи является прерогативой суда, поэтому эксперты не могут говорить об отсутствии искомой причинной зависимости, их ответы ограничиваются двумя вариантами: либо в заключении делается вывод о наличии причинно-следственной связи между действиями обвиняемых и пресуицидальным психическим состоянием подэкспертного лица, либо мотивированно указывается на невозможность ее установления.

В качестве примера комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы лица, покончившего жизнь самоубийством, можно привести следующий случай.

Подэкспертная К., 19 лет, поехала навестить своего жениха, который служил в одной из воинских частей Подмосковья. В ожидании попутного транспорта она познакомилась с четырьмя молодыми людьми, которые вызвались подвезти ее. Под предлогом того, что необходимо немного подождать, пока один из них возьмет из гаража автомобиль, они привели ее в квартиру, где предложили выпить К. бокал шампанского. В спиртное ими было добавлено снотворное, действие которого в сочетании с алкоголем довело К. до беспомощного состояния. Затем двое из них раздели К. и совершили насильственные половые акты, в том числе и в извращенной форме. В процессе изнасилования и до посадки в попутный автотранспорт до Москвы они похитили у потерпевшей все ее деньги. Спустя месяц после возвращения в родной город К. покончила с собой. Предварительное следствие пришло к выводу о наличии причинной связи между содеянным в отношении К. и ее последующим самоубийством, обосновывая это содержанием предсмертного письма К.

Судебная коллегия, приняв дело к производству и изучив его, назначила посмертную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Психологический анализ материалов уголовного дела выявил у К. такие индивидуально-психологические особенности, как высокий уровень интеллектуального развития, некоторую скрытность, замкнутость, целеустремленность, склонность глубоко переживать свои неудачи. Ценностно-смысловая сфера характеризовалась прежде всего незрелостью социальных установок с инфантильными идеализированными представлениями об окружающей действительности, односторонней верой в высокоморальные качества других людей. Эти социальные установки и ожидания отразились на таких особенностях ее характера, как честность, принципиальность, доверчивость. В то же время они реализовывались в ее поведении через повышенную требовательность к себе и окружающим, негибкость поведения с прямолинейностью и бескомпромиссностью. К. отличалась выраженной просоциальной направленностью, ее актуальные жизненные замыслы были связаны с желанием стать врачом, помогать людям. Реализации жизненных замыслов, планов способствовали такие ее особенности, как отзывчивость, готовность всегда прийти на помощь, высокое чувство ответственности, долга, добросовестность, трудолюбие. Кроме того, К. собиралась выйти замуж, и у нее были сильно развиты представления о женской «чистоте», чести.

В силу указанных индивидуально-психологических особенностей К., ситуация изнасилования оказалась субъективно высоко значимой для нее, носившей выраженный психотравмирующий характер, глубоко унизившей и оскорбившей ее чувство собственного достоинства и чести. Непосредственно после изнасилования К. испытала чувство глубокого потрясения, говорила, что «не переживет изнасилования», «была очень взволнованна». Случившееся оказало блокирующее влияние на все ведущие ценностно-смысловые линии, социальные установки К.: оказались субъективно разрушенными ее идеализированные представления об окружающей действительности, социальные стереотипы восприятия других людей, следствием чего стали потеря веры в людей, разочарование в них, ощущение бессмысленности жизни, ее «пустоты»; сложилось субъективное ощущение невозможности реализации основных жизненных планов - стала думать, что не сможет работать медиком, не хотела продолжать учебу в медучилище, возникло чувство потери «цели» жизни; разрушились и ее представления о женской чести, «чистоте» - она стала ощущать себя «грязной», говорила, что «не представляет, как до нее теперь сможет дотронуться мужчина», стала думать, что не сможет выйти замуж.

В этот период у К. развилось депрессивное состояние, о глубине которого свидетельствовали снижение фона настроения с выраженными эмоциональными переживаниями, чувством «**опозоренности**», **непонятости**; наличие суицидальных мыслей; явления эмоциональной отгороженности, обособленности, стремление к уединению, заторможенность; изменения характера с появлением ранее несвойственных ей черт личности - вспыльчивости, резкости, обидчивости и ранимости. Такие особенности К., как психическая негибкость, повышенная требовательность к себе и окружающим, прямолинейность, бескомпромиссность, скрытность, замкнутость, препятствовали адекватной переработке внутреннего конфликта, поиску и нахождению конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и преодолению психологического кризиса в целом.

Экспертная комиссия пришла к выводу, что описанное психическое состояние К. было вызвано психотравмирующим воздействием ситуации ее изнасилования, т.е. находилось в прямой причинно-следственной связи с действиями обвиняемых.

Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. «Находился ли под экспертный в период, предшествовавший смерти, в психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству?»

С точки зрения современных научных представлений психологии, ответ на данный вопрос является тавтологией - если был факт самоубийства, то этому должно было предшествовать какое-либо психическое состояние, являющееся условием принятия решения

(в результате длительного обдумывания, или эмоциональное, импульсивное) покончить с собой. Более того, между психическим состоянием человека и самоубийством как действием, поступком, существует только вероятностная связь - не существует таких психических состояний, которые неизбежно приводили бы к суициду. В любом кризисном состоянии один человек расположен к аутоагрессии, другой - к внешней агрессии, третий - к поиску конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и т.п. Иными словами, количество вариантов личностного реагирования на конфликтные и фрустрирующие воздействия, даже при наличии суицидальных мыслей и намерений, достаточно большое. Поэтому трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству.

Довольно часто ошибки при назначении экспертизы связаны с постановкой вопросов, хотя в целом и входящих в компетенцию экспертов-психиатров или психологов, но не имеющих юридического значения именно в рассматриваемом предметном виде экспертизы:

2. «Мог ли потерпевший в момент совершения самоубийства осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими?»

Этот вопрос представляет собой механический перенос формулы невменяемости в экспертизу по факту самоубийства. Данная формула юридически значима только в отношении обвиняемых, и ответ на нее в отношении другой процессуальной фигуры - лица, покончившего жизнь самоубийством, никаким образом не раскрывает вопрос о причинной связи его психического состояния с действиями обвиняемых. Насилие, жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства могут обусловить развитие психогенного психического заболевания, которое, достигая психотического уровня, будет препятствовать суициденту осознавать значение своих действий и контролировать их, в то же время непонимание своих суицидальных действий может зависеть и от хронического душевного заболевания, абсолютно не связанного с какими-либо действиями обвиняемых. Кроме того, во многих случаях утвердительный ответ на этот вопрос может затушевывать искомую причинную связь, давая возможность защите обвиняемого отрицать и сам факт насилия, жестокого обращения или унижения, аргументируя это тем, что эти факты существовали только в воображении душевнобольного, не понимающего, что происходит вокруг.

Формулировка данного вопроса корректна только в тех ситуациях, когда лицо, пытавшееся покончить жизнь самоубийством, является одновременно и обвиняемым в преступлении, связанным с его суицидальной попыткой. Например, военнослужащий совершает незавершенный суицид (остается в живых) и обвиняется в членовредительстве; женщина совершает расширенное самоубийство - при суицидальном акте лишает жизни и своего ребенка (или детей).

3. «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного могли оказать существенное влияние на его поведение в момент совершения самоубийства?»

Вопрос также представляет собой механический перенос, поскольку имеет юридическое значение в отношении обвиняемых (см. гл. 6). Как правило, под существенным влиянием индивидуально-психологических особенностей на поведение имеется в виду ограничение способности адекватно осознавать окружающее, свои поступки, произвольно и осознанно регулировать и контролировать свои действия вследствие каких-либо аномалий личности неболезненного характера. Ответ на этот вопрос также не имеет значения для квалификации ст. 110 и п. «б» ст. 63 УК РФ.

Следующие вопросы являются недостаточными для принятия правильного судебного решения:

4. «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного могли способствовать принятию им решения о самоубийстве?»

5. «Находился ли подэкспертный в момент совершения самоубийства в состоянии аффекта?»

Эти вопросы в целом являются корректными, но неполными. Ответ на них, как указывалось выше, является обязательным компонентом экспертного заключения при квалификации психического состояния подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству, в котором определяется тип суицида (рациональный или аффективный), раскрывается роль индивидуально-психологических особенностей в динамике пресуицидального психического состояния, в том числе в формировании мотивации и принятия решения о самоубийстве или в развитии аффективного состояния вследствие внешних, ситуативных воздействий. Поэтому по отношению к вопросу о квалификации психического состояния лица, предшествовавшего самоубийству, данные вопросы являются избыточными, хотя и могут выноситься в определение суда в качестве уточняющих. В случае же, когда эти вопросы заменяют вопрос о психическом состоянии суицидента, они являются недостаточными.

Резюме

По делам о самоубийстве предпочтительнее назначать не однородные судебно-психологическую или судебно-психиатрическую экспертизы, а комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством, назначается в основном при доказанности самого факта самоубийства и доказанности таких действий обвиняемых, как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, для квалификации ст. 110, или для установления обстоятельства, отягчающего ответственность (п. «б» ст. 63 УК РФ), наступившего вследствие изнасилования (ст. 131 УК РФ).

В ситуации предположительного вывода судебно-следственных органов о самоубийстве данный вид экспертизы имеет значение для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность подэкспертного, но экспертные выводы не могут служить доказательством при определении рода смерти. Юридическое значение имеют следующие вопросы:

- «В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший самоубийству (смерти)?»
- «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать какими) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?»

Экспертное исследование психического состояния суицидента включает в себя определение индивидуально-психологических особенностей, этико-психологический анализ, диагностику особенностей самосознания, определение черт личности и характера, квалификацию типа суицида, выявление мотивов (или психологического смысла) самоубийства, клиническую и психологическую диагностику собственно психического состояния, его возникновения, динамики и развития.

В реальной практике судебно-психологической экспертизы психологи сталкиваются с одним неоспоримым фактом: каждое уголовное дело уникально по-своему, каждый подэкспертный обладает ярко выраженной индивидуальностью своей личности, своей судьбы. При производстве конкретных экспертиз психолог должен уметь эффективно использовать специальные познания, не выходя за пределы профессиональной компетенции, для проведения психодиагностического исследования, составления заключения и формулирования экспертных выводов, которые могли бы полноценно использоваться судебно-следственными органами в качестве доказательства по делу. Но, чтобы считать себя настоящим профессионалом в области судебной экспертизы, психологу недостаточно усвоения каких-либо шаблонов исследования подэкспертных лиц.

Поэтому эта книга не содержит готовых рецептов для производства судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз в уголовном процессе. Она направлена

на решение более важной задачи - усвоения экспертом-психологом всего многообразия основных организационно-правовых, теоретических, методологических, этических проблем судебно-психологической экспертизы, а также главных ориентиров практики проведения предметных видов экспертизы.

Очень важную часть специальных познаний эксперта-психолога составляют знания о юридической и организационной регламентации его профессиональной деятельности. Зачем, кем, посредством каких документов назначается экспертиза? В каких формах используются психологические познания? В каких видах экспертиз может участвовать психолог? Каковы его права и обязанности? Без адекватного представления об этих и других организационно-правовых вопросах невозможно полноценное производство экспертизы в уголовном процессе.

Знание теоретических проблем (объекта, предмета деятельности эксперта-психолога, содержания и объема его специальных познаний) ориентирует психолога, в каких бы формах ни осуществлялось его взаимодействие с судебно-следственными органами, в пределах его компетенции и дает возможность правильной оценки вопросов, содержащихся в постановлении следователя или определении суда.

Знание методологических принципов судебно-психологической экспертизы, понимание специфики экспертного психодиагностического исследования позволяет психологу адекватно использовать весь методический арсенал в диагностической деятельности. Особо важно усвоение правильного соотношения экспериментально-психологического исследования и психологического анализа материалов уголовного дела: в психологическом анализе в полной мере проявляется использование специальных познаний в теории психологии, а в эксперименте - в методах психологии.

Проведение каждой конкретной судебно-психологической экспертизы невозможно без ориентировки в узловых вопросах предметных видов экспертизы: их юридического значения; вопросов, входящих и не входящих в компетенцию психолога; основных факторов, требующих исследования при определении той или иной юридически значимой способности подэкспертного к осуществлению интересующей судебно-следственные органы психической деятельности; главных критериев, влияющих на судебно-психологическую оценку изучаемых психических явлений.

В отношении конкретных подэкспертных могут одновременно проводиться несколько предметных видов экспертизы: так, в отношении обвиняемого довольно часто совмещается экспертиза индивидуально-психологических особенностей и аффекта; в отношении потерпевшей по делу об изнасиловании - экспертиза беспомощного состояния и способности давать показания. В ряде случаев следствие и суд может интересоваться способностью не свидетеля или потерпевшего, а обвиняемого (подсудимого) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Но могут быть и более сложные сочетания предметных видов судебно-психологической экспертизы. Например, в отношении потерпевшей, которая после изнасилования пыталась покончить жизнь самоубийством, но осталась в живых, будет правомерным назначение судебно-психологической экспертизы с вопросами о ее способности понимать характер и значение действий обвиняемого или оказывать сопротивление; о ее способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; о ее психическом состоянии, предшествующем попытке самоубийства; о причинной связи ее психического состояния с фактом ее изнасилования; о ее индивидуально-психологических особенностях.

Описанные в книге предметные виды судебно-психологической экспертизы не исключают того, что судебно-психологическая экспертиза может назначаться и по поводу иных обстоятельств, которые имеют значение для дела и входят в компетенцию эксперта-психолога.

Теория и практика судебно-психологической экспертизы - это не застывшая сумма

знаний и навыков, а живая и развивающаяся область прикладной психологии. Важный импульс развитию судебно-психологической экспертизы придают и происходящие в настоящее время изменения в отечественном законодательстве.

Автор надеется, что освещенные в книге вопросы теории и методологии судебно-психологической экспертизы будут способствовать осуществлению дальнейших исследований в этой области.

Тема: 3 Психологические аспекты Формирования личности преступника.

1.Общий психологический анализ направлений учитываемых при формировании личности преступника.

2.Девиантное и деленктивентное поведение, сравнительный аспект. Причины и условия подростковой преступности.

3.Психологическая характеристика подростковых групп: криминальная, случайная (стихийного плана), агрессивная.

4.Психологическая работа по предупреждению преступлений среды несовершеннолетних. Корыстный и насильственный тип преступника, сравнительная характеристика.

Лекция читается 1,4 вопросам

Понятие, структура личности преступника

Понятие личности преступника многогранное, с ярко выраженным междисциплинарным характером, поскольку изучается не только психологами, но и юристами, занятыми разработкой вопросов, относящихся к уголовному праву и процессу, криминологии и криминалистике. В юридической психологии данная проблема одна из центральных.

Понятие личности преступника, т.е. личности человека, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой привлечения к уголовной ответственности, выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления.

Изучение проблемы личности правонарушителя — существенная предпосылка успешной разработки теории предупреждения преступлений, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. Понятие личности преступника включает в себя целый комплекс социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), социально-психологических признаков, которые в той или иной мере связаны с преступным деянием, характеризуют его общественную опасность. Объясняют причины его совершения.

Именно поэтому юридическая психология изучает более широкий аспект характеристик личности человека, совершившего преступление, обращая внимание не только на его нравственные качества, знания, навыки, привычки, формы психического отражения, темперамент, но и на физическую сущность лица как человеческого индивида, его возраст, психическую способность к вменению, некоторые его функционально-ролевые признаки, например должностное положение, особые обязанности или особое положение по отношению к потерпевшему и т.д., а также психологическую характеристику личности преступника во всем сложном комплексе интеллектуальных, эмоционально-волевых и других его качеств. Все эти качества, признаки, особенности личности имеют достаточно емкое содержание. В юридической психологии личность субъекта, совершившего преступление, изучается в целях оказания помощи правоохранительным органам.

Соотношение социального и биологического в личности преступника

Одна из коренных проблем изучения личности преступника — соотношение социального и биологического. Специфическим для криминологии основанием повышенного интереса к социально-биологической и социально-психиатрической проблематике выступает необходимость более глубокого объяснения насильственной преступности, рецидива преступности несовершеннолетних и неосторожной, связанной с использованием источ-

ников повышенной опасности. В психологии данная проблема рассматривается диалектически. Биологическое и социальное выступают в нём во взаимодействии. Определяющим фактором психического развития личности является социальная среда. Биологическое в человеке не отрицается, не уничтожается, а включается в качестве

соподчинённого элемента в высший (социальный) в преобразованном (социализированном) виде. Биологическое оказывает влияние на поведение человека не прямо, а опосредованно.

Опосредованное влияние биологических элементов личности может сказываться в некоторых формах антиобщественного поведения: в насильственных преступлениях против личности, хулиганских поступках, которые являются разновидностью или формами агрессивного поведения. Некоторые учёные объясняют агрессивное поведение человека, в том числе и преступные формы его выражения, прямым проявлением врождённых агрессивных устремлений человека. Это не совсем так. Биофакторы могут создавать предрасположенность к тому или иному типу реагирования на внешний раздражитель: неуравновешенный тип высшей нервной деятельности, может предрасполагать к агрессивному поведению в ситуации фрустрации. Однако психологические исследования показывают, что агрессивное поведение в этой ситуации не наследуется, а усваивается, вырабатывается у человека, начиная с детского возраста.

Становится очевидным **психологический механизм формирования агрессивного поведения у этих лиц:**

1. ребёнок, которого родители постоянно физически наказывают, перенимает их собственное поведение.

2. частое физическое поведение вызывает у него состояние фрустрации. Накопившуюся обиду, озлобленность ребёнок возмещает на доступных ему лицах, прежде всего, на сверстниках.

Таким образом, социальные факторы являются решающими в формировании и развитии у ребёнка, а затем и взрослого человека агрессивного поведения, которое может принимать в случае нравственной деформации личности антисоциальные формы выражения. Важное направление исследования влияния биологических факторов на преступное поведение связано со случаями, когда у преступника имеются физические или психические аномалии, которые влияют на поведение. Их необходимо учитывать при оценке общественной опасности личности.

К психическим аномалиям (пограничным состоянием), которые должны учитываться

при оценке общественной опасности лиц, совершивших преступления, относятся психопатии, алкоголизм, наркомания, слабоумие в форме дебильности, травмы центральной нервной системы, эпилепсия. Они снижают сопротивляемость к воздействию конфликтных ситуаций.

Среди лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, чаще всего встречаются такие аномалии: психопатии и психопатические состояния — у 33%; органические поражения центральной нервной системы — 19%; ушибы головного мозга — 18%; хронический алкоголизм — у 17%. В целом среди убийц лица с психическими аномалиями составляют более 70%. Также отмечается интенсивный рост преступности среди несовершеннолетних с аномалиями психики, опережающий по темпам почти в 4 раза рост преступности среди несовершеннолетних в целом.

Таким образом, психические аномалии воздействуют на поведение, в том числе преступное, не сами по себе, а через формирующее влияние на психологические особенности личности. Именно эти особенности, а не психические аномалии, следует признать криминогенными.

Определяя силу влияния психических аномалий, нужно подчеркнуть, что они автоматически приводят к совершению преступления. На индивидуальном уровне можно говорить о возможности совершения преступления лицами с такими отклонениями, и

только на статистическом уровне криминогенность этого фактора становится «неизбежной». Необходимо отметить, что на преступное поведение оказывает влияние не отдельный признак психического расстройства, а такое комплексное образование, как «патопсихологический синдром». Значительную сложность представляет анализ биосоциальных импульсов. В мировой практике зафиксированы случаи, когда лица, совершив преступления под воздействием непреодолимой тяги к кровавым преступлениям, осуждались и отбывали длительные сроки наказания. При появлении импульсов к кровавым

преступлениям в местах лишения свободы или после выхода на свободу они добровольно обращались к специалистам, которые оказывали им достаточно эффективную медицинскую помощь.

Личность преступника

Характеристика личности преступника

Изучение личности преступника предполагает исследование видов социальных характеристик, которые помогают выяснить все её структурообразующие элементы.

Система этих социальных характеристик включает:

- Уголовно-правовую
- Социально-демографическую
- Социально-психологическую
- Индивидуально-психологическую характеристику.

1. Уголовно правовая характеристика. Она основывается на уголовно-правовых категориях, таких, как вид, характер и степень тяжести совершённого преступления, соучастия, совершение преступления впервые или повторно, длительность преступной деятельности, форма вины, вид и размер назначенного наказания. В последнее время стали выделять некоторые новые черты личности преступника, указывающие на его принадлежность к группировкам воров в законе, лидерам и активным участникам преступных сообществ, к числу профессионально действующих преступников и др.

2. Социально-демографическая характеристика. Она предоставляет информацию о социальном статусе, множестве связей и социальных ролей, которые определяют личность преступника как субъекта и объекта общественных отношений. Поэтому Социально-демографические свойства являются существенным компонентом обобщённого представления о личности преступника и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики.

А) Пол. Соотношение женщин и мужчин среди преступников составляет, в среднем 1:7. но фактор женского пола становится значительным при совершение определённых видов преступления.

Б) Возраст. Возрастная дифференциация преступников показывает, что чаще всего совершаются преступления в возрасте от 25-29 лет, затем следуют 18-24, 14-17 и 30-40-летние. Реже всех совершают преступления лица старше 50 лет. Наибольшая криминальная активность у преступников в возрасте до 24 лет. Возрастной фактор влияет на избирательность преступной деятельности. Так, в возрасте до 25 лет чаще всего совершаются кражи, угоны транспортных средств, хулиганство, изнасилования. Лица старше 30 лет преобладают среди тех, кто совершает должностные и экономические преступления.

В) Образование. Характеристика образования лиц, совершивших преступления, имеет криминологическое значение, поскольку связана с культурой личности, её социальным статусом, кругом контактов, жизненных планов и возможностей их реализации. Уровень образования у преступников в целом ниже, чем у законопослушных граждан. Самый низкий уровень образования у лиц, совершающих насильственные, корыстно-насильственные преступления и кражи личного имущества. Выше уровень образования у тех лиц, совершающих хищения путём присвоения и растрат, злоупотребление служебным положением, должностные и экономические преступления.

Г) Семейное положение. Около половины всех преступников холостые (не заму-

жем). Брак, семья являются значительным моральным и социальным стабилизирующим фактором. Напротив, распад семьи, разлука с детьми вследствие осуждения женщин к лишению свободы приводит к безнадзорности детей.

Д) Социальное положение. Распределение преступников, исходя из их принадлежности к различным социальным группам, показывает, что доля рабочих составляет постоянную величину и составляет примерно 50%. Преобладание рабочих, занимающихся неквалифицированным тяжёлым трудом объясняется тем, что им характерны ряд признаков, например, низким образовательным и культурным уровнем, узостью и деформированностью круга потребностей и интересов. Сохраняется тенденция роста преступности среди учащихся и студентов.

3. Социально-психологическая характеристика. Раскрытие этой характеристики способствует выявлению механизмов взаимодействия личности с ближайшей средой, выяснения неблагоприятных условий, под воздействием которых формируется личность преступника. Социально-психологическая характеристика личности предполагает анализ социально-ролевых функций индивида, выяснение того, какой статус занимает лицо в семье, в трудовом коллективе.

4. Индивидуально-психологическая характеристика. Данная характеристика охватывает множество самых разнообразных проявлений субъективного мира. Под психологическими особенностями личности понимают относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющие типичные формы поведения. Полученные за последние 2 десятилетия результаты эмпирического изучения личности преступников в сравнении с законопослушными гражданами свидетельствуют о наличии некоторых отличительных черт в структуре личности. Выявлены различия в оценочном отношении к правоохранительным органам и их деятельности у обследованных групп. Преступники оценивают карательную практику как чрезмерно суровую, особенно по тем видам преступления, за которые сами осуждены. Наиболее скептически к правоохранительным органам относятся корыстные преступники, наиболее отрицательно и враждебно — корыстно-насильственные. Результаты исследования позволяют дать психологический портрет обследованных преступников и выделить характерные для них черты. Прежде всего, преступников отличает плохая социальная приспособленность, общая неудовлетворённость своим положением в обществе. У них выражена импульсивность, которая проявляется в сниженном самоконтроле своего поведения, необдуманных поступках, эмоциональной незрелости, инфантилизме. Нравственно-правовые нормы не оказывает на их поведение существенного влияния. Такие люди обычно или не понимают, чего от них требует общество, или понимают, но не желают эти требования выполнять. У таких лиц деформирован нормативный контроль, они оценивают социальную ситуацию, исходя из личных переживаний, обид, желаний. Они характеризуются стойким нарушением социальной адаптации. Им свойственны нарушения в общении: неспособность устанавливать контакты с окружающими, неумение посмотреть на себя со стороны. Всё это формирует такие черты как замкнутость, отгороженность, с одной стороны, и агрессивность, подозрительность — с другой. Психолого-криминологические исследования свидетельствуют о том, что значительной части преступников присуще такое свойство, как отчуждение, т.е. нахождение личности на определённо социально-психологической дистанции от общества и его нравственно-правовых ценностей. В психологическом плане отчуждение представляет собой уход человека из межличностного взаимодействия, который имеет существенные психологические и социальные последствия, в том числе и криминального характера. Обобщённая характеристика лиц, совершающих преступления, и их изучение на статистическом уровне позволяют выявить типичные особенности, присущие определённым группам, и принять соответствующие меры для планирования и предупреждения преступности.

Классификация и условия формирования личности преступника

Существуют несколько типологических схем личности преступника.

По признаку антиобщественной направленности поведения в основу типологии

положено отношение личности к различным общественным ценностям. Негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности, её важнейшим благам. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивных-насильственных преступлений — убийств, изнасилований, а также большинства случаев хулиганства. Индивидуалистически-пренебрежительное отношение к различным социальным институтам, к общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям предполагает совершение ряда хозяйственных преступлений, преступления против правосудия, воинских и др. преступлений. Легкомысленно-безответное и небрежное отношение к установленным социальным ценностям и своим обязанностям проявляется в различных неосторожных преступлениях.

По глубине и стойкости антисоциальной направленности, лежащих в её основе ценностных ориентаций выделяются следующие типы преступников: «Случайный» — впервые совершивший преступление, противоречащее социально-положительной направленности.

«Криминогенный» — характеризуется следующими особенностями:

- 1) сформирован в условиях интенсивного противоправного и аморального поведения окружающих.
- 2) в прошлом совершал аморальные проступки и правонарушения, которые продолжились повторяться.
- 3) привык к отрицательной оценке своего поведения
- 4) активен в ситуации совершения преступления, совершает преступление без обоснованных внешних поводов

В рамках типа криминогенной личности выделяются подтипы: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный.

Последовательно-криминогенный подтип формируется в микросреде, где нарушаются нравственно-правовые нормы; преступление закономерно вытекает из привычного стиля поведения и образа жизни.

Ситуативно-криминогенный подтип характеризуется нарушением нравственных норм и совершением правонарушений, ненадлежащим исполнением требований социальных ролей; преступление обусловлено неблагоприятной ситуацией.

Ситуативный подтип характеризуется тем, что безнравственные элементы выражены у него незначительно. Преступление совершается лицом под решающим влиянием ситуации, которая возникает не по его вине.

По степени опасности выделяются следующие типы преступников:

«Особо опасные» — многократно судимые рецидивисты, преступное поведение которых носит характер активного противостояния обществу и его ценностям. Сюда относятся преступники, систематически совершающие кражи, грабежи, разбои,

хулиганские действия и тяжкие преступления против личности. В эту категорию входят и **«Десоциализированные опасные»** — деклассированные лица, длительное время ведущие паразитический, бездомный образ жизни. Это тунеядцы, неоднократно судимые, алкоголики. Они совершают в основном мелкие кражи, для обеспечения своего существования и, особенно для приобретения спиртных напитков.

«Неустойчивые» — лица, характеризующиеся частичной криминальной заражённостью и совершающие преступления не в силу стойких антиобщественных установок, а в силу своего образа жизни. Лица этого типа совершают, в основном в нетрезвом состоянии, мелкие хищения и кражи, реже — грабежи, разбои, некоторые насильственные преступления.

«Ситуативные» — лица, чьё поведение не представляет выраженной общественной опасности. Преступления они совершают вследствие того, что из-за своих психологических особенностей попадают в жёсткую зависимость от ситуации и не могут найти социально приемлемый способ её разрешения.

Рассмотренные типологии, существующие в криминологии, носят условный харак-

тер. Не каждый преступник может быть однозначно отнесён к тому или иному типу. Кроме того, все типологии носят описательный, а не объяснительный характер.

Более перспективной является типология преступников, в основу которых положены мотивы их преступных действий. Отдельные попытки создания такой типологии уже предпринимались.

Среди корыстных преступников авторы выделяют следующие типы:

«Утверждающийся» тип, для которого смысл преступного поведения заключается в утверждении себя на социальном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях.

«Деадаптивный» тип, характеризующийся нарушением социальной адаптацией, т.е. приспособленности к условиям микросреды. Эти преступники часто ведут бездомный образ жизни. Они обычно нигде не работают, не имеют семьи, друзей. Большинство из них безразлично к своей судьбе. В большинстве своём деадаптивные лица не имеют законных источников получения средств к существованию — их дают кражи и другие имущественные преступления.

«Алкогольный» тип. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных преступлений для приобретения спиртного. Большинство представителей — хронические алкоголики. По мере роста зависимости от алкоголя этот мотив становится в структуре личности доминирующим, вытесняя на задний план все мелкие хищения на производстве для удовлетворения потребности в спиртных напитках.

«Игровой» тип личности с психологической точки зрения сложен. Данный тип отличается постоянной потребностью в риске, отсюда — поиск острых ощущений, связанных с опасностью, стремлением участвовать в опасных операциях и т.д. Поведение таких лиц полимотивно: корыстные побуждения действуют наряду с «игровыми», т.к. для них одинаково значимы как материальные выгоды в результате совершения преступления, так и те эмоциональные переживания, которые испытываются в процессе совершения преступления.

«Семейный» тип корыстных преступников характеризуется огромной ролью семьи в мотивации преступных действий. Обычно этот тип встречается среди расхитителей и взяточников. Хищения такой человек совершает для материального обеспечения дорогих членов своей семьи. «Семейная мотивация довольно распространена среди женщин, которые похищают вверенное им имущество ради детей, мужа. перечисленные типы встречаются в среде других категорий преступников. Создать исчерпывающую классификацию психологических типов, применимую для всех преступников, пока не представляется возможным.

вывод

Во-первых, вопрос о личности преступника имеет большое значение, как для криминологов, так и для психологов. А разработка этой проблемы играет большую роль в профилактической деятельности по предупреждению преступлений, где учет личностного фактора имеет решающее значение.

Во-вторых, причины и условия совершения конкретного преступления неразрывно связаны с личностью обвиняемого. Поэтому необходимо тщательное изучение социальной микросреды формирования личности, конкретной ситуации совершения преступления.

В последние годы в деятельности правоохранительных органов стал применяться метод формирования психологического портрета, составление которого, несомненно, напрямую зависит от исследований в области личности преступника. Этот метод основан на положении о том, что в преступлениях, как правило, особо тяжких, проявляется психология и психопатия преступника. Состоит этот метод в том, что на основе обработки оперативных и следственных материалов составляется портрет предполагаемого преступника, в котором указывают его предполагаемые психологические, физические и социальные характеристики, как то психологический тип, наличие психических отклонений, физический

данные,

уровень образования, культуры и т.д.

Подводя итог вышеизложенному можно подчеркнуть, что криминологическая характеристика преступника имеет важное значение при решении правовых, розыскных и профилактических задач. Поэтому ее необходимо шире использовать на практике.

Тема: 4 Расстройства психики различной степени тяжести, их роль и значения в преступлении.

1. Пограничные психические расстройства, тяжёлые расстройства психики, общая сравнительная характеристика. Понятие вреда здоровью.

2. Расстройства психики преходящего характера.

3. Преступление преднамеренного и импульсивного плана, их взаимосвязь с расстройством психики: Психопатия, Акцентуация характера, фрустрация, шизофрения, психоз, навязчивые состояния.

Лекция читается по 1. 2 вопросам

1. Понятие вреда здоровью

Понятие вреда здоровью дано в Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью от 10 декабря 1996 г. (далее – Правила судебно-медицинской экспертизы). Согласно п. 2 Правил вред здоровью образуют либо телесные повреждения, т. е. нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций, либо заболевания или патологические состояния, возникшие в результате воздействия различных факторов внешней среды: механических, физических, химических, биологических, психических и др.

Следовательно, вред здоровью человека может заключаться:

1) в причинении телесного повреждения, объективно повлекшего нарушение анатомической целостности органов или тканей организма человека либо расстройство физиологических функций;

2) в том или ином заболевании, включая реактивные психические и невротические расстройства, наркоманию, токсикоманию, венерические или профессиональные заболевания;

3) в особом патологическом состоянии, например, шок, кома различной этиологии, гнойно-септические состояния и т. п.

2. Система преступлений против здоровья

Причинение вреда здоровью другого человека в уголовно-правовом смысле можно определить как противоправное умышленное или неосторожное деяние, заключающееся в нарушении анатомической целостности или физиологических функций тканей и органов человека или организма в целом, либо причиняющее ему физическую боль, а также ставящее в опасность здоровье человека.

К преступлениям против здоровья законодатель относит и такие деяния, которые непосредственно не причиняют вреда здоровью, непосредственно на него не воздействуют, но ставят в опасное состояние именно здоровье и жизнь человека. К таким преступлениям относятся угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120); незаконное производство аборта (ст. 123); неоказание помощи больному (ст. 124); оставление в опасности (ст. 125). Преступления этой группы носят смешанный характер, поскольку при их совершении опасности подвергаются как жизнь, так и здоровье в равной мере. Окончательный результат преступлений может быть различным: при изъятии органов, например, могут наступить и смерть человека, и вред здоровью различной степени тяжести. Угроза убийством может окончиться и причинением вреда здоровью вплоть до психического расстройства, и телесным повреждением. Поэтому вполне обоснованно названную группу преступлений относить к преступлениям против здоровья. К преступлениям про-

тив здоровья законодатель относит и такие деяния, объективная сторона которых не только не сопряжена с психическим воздействием на потерпевшего, но и характеризуется отсутствием насилия как такового, хотя и причиняется вред здоровью человека, например, заражение венерической болезнью (ст. 121), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122).

Таким образом, преступления против здоровья, предусмотренные УК РФ, можно подразделить на четыре группы: 1) причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. ст. 111-115, 118 УК); 2) побои и истязание как преступления, сопряженные с совершением ряда насильственных действий (ст. ст. 116, 117 УК); 3) преступления, связанные с заражением или поставлением в опасность заражения опасной болезнью (ст. ст. 121, 122 УК); 4) иные преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека (ст. ст. 119, 120, 123-125 УК).

3. Общая характеристика преступлений против здоровья

Непосредственным объектом анализируемых преступлений является здоровье другого человека как определенное физиологическое состояние организма. Посягательство на здоровье человека, независимо от качества здоровья, влекущее ухудшение его состояния, следует рассматривать как преступление против здоровья. При этом не имеют значения возраст потерпевшего, наличие у него каких-либо генетических, физиологических особенностей или патологий (заболеваний, расстройств), учитывается фактическое состояние здоровья потерпевшего в данное время. Посягательство на собственное здоровье, например, членовредительство с целью уклонения от военной службы, рассматривается как преступление против военной службы, а не преступление против здоровья (ст. 339 УК). Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны от этих преступлений является чужое здоровье любого человека, независимо от фактического его состояния и возраста.

Объективная сторона причинения вреда здоровью может выражаться как в действии, так и в бездействии. Обязательными признаками объективной стороны преступлений против здоровья являются указанные в законе преступные последствия в виде вреда здоровью и причинная связь между действиями (бездействием) и последствиями. Небольшая группа преступлений (четвертая группа) сконструирована по типу формальных составов. Их объективная сторона выражается в выполнении указанных в законе действий и не требует наступления каких-либо последствий.

С субъективной стороны, причинение вреда здоровью в большинстве случаев характеризуется умышленной формой вины, однако возможна и по неосторожности. Умысел может быть как прямым, так и косвенным, конкретизированным и неконкретизированным. Преступление, предусмотренное в ст. 118, совершается только в результате неосторожности, а деяния, указанные в ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124 УК, совершаются с двумя формами вины: в отношении действий наличествует умысел, а последствия наступают в результате неосторожности. Субъективная сторона отдельных преступлений характеризуется различными мотивами и целями, которые выступают в этих случаях в качестве квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 117 УК).

Субъектом преступлений против здоровья является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного законом за конкретные преступления. Так, субъектом причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111) и средней тяжести вреда здоровью (ст. 112) может быть лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК), а за остальные преступления против здоровья ответственность наступает с 16 лет. Три состава преступления предусматривают наличие специального субъекта (ч. 2 и 4 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК), так как эти деяния совершаются вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Это могут быть: водитель автомобиля, лица, отвечающие за соблюдение правил по технике безопасности, санитарно-эпидемиологических правил (ч. 2 и 4 ст. 118 УК), медицинские работники (ч. 4 ст. 122 УК).

4. Преступления, причиняющие вред здоровью различной степени тяжести

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111) – наиболее опасное

преступление против здоровья человека. Согласно ст. 15 УК, оно относится к категории тяжких преступлений, а при наличии особо квалифицирующих признаков (ч. 3 и 4 ст. 111) – к категории особо тяжких.

Объект данного преступления – здоровье человека. В качестве дополнительного обязательного объекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111, выступает жизнь человека.

Объективная сторона данного преступления может быть выражена как в действии, так и в бездействии. Преступление окончено с момента наступления указанных в законе последствий в виде тяжкого вреда здоровью.

Статья 111 предусматривает ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (основной состав) (ч. 1), при отягчающих обстоятельствах (квалифицированный состав) (ч. 2) и при особо отягчающих обстоятельствах (особо квалифицированный состав) (ч. 3 и 4). Степень общественной опасности этих однородных преступлений зависит от тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшего, от способа и мотива совершенного преступления, от наступления особо тяжких последствий и рецидива.

Понятие тяжкого вреда здоровью характеризуется множеством признаков, указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Эти признаки имеют исчерпывающий характер и не подлежат какому-либо дополнению. Наличие хотя бы одного из них дает основание для признания вреда здоровью тяжким.

Признаком тяжкого вреда здоровью является опасный для жизни вред, а при отсутствии этого признака – последствия причинения вреда здоровью:

- потеря зрения, речи, слуха;
- потеря какого-либо органа либо утрата органом его функций;
- неизгладимое обезображение лица;
- расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть;
- полная утрата профессиональной трудоспособности;
- прерывание беременности;
- психическое расстройство;
- заболевание наркоманией или токсикоманией.

Опасным для жизни вредом здоровью могут быть как телесные повреждения, так и заболевания и патологические состояния. Опасными для жизни повреждениями являются: 1) повреждения, которые по своему характеру создают угрозу для жизни потерпевшего в момент их причинения и могут привести к смерти; 2) повреждения, вызвавшие развитие угрожающего жизни состояния.

К первой группе опасных для жизни телесных повреждений относятся: проникающие ранения черепа, в том числе и без повреждения головного мозга; открытые и закрытые переломы костей свода и основания черепа; ушиб головного мозга тяжелой степени; ушиб головного мозга средней степени при наличии симптомов поражения стволового отдела; проникающие ранения позвоночника, в том числе и без повреждения спинного мозга; ранения грудной клетки, проникающие в плевральную полость, полость перикарда; ранения живота, проникающие в полость брюшины; открытые переломы длинных трубчатых костей – плечевой, бедренной и большеберцовой, открытые повреждения тазобедренного и коленного суставов; повреждение крупного кровеносного сосуда: аорты, сонной (общей, внутренней, наружной), подключичной, плечевой, бедренной, подколенной артерий или сопровождающих их вен; термические ожоги III-IV степени с площадью поражения, превышающей 15% поверхности тела; ожоги III степени более 20% поверхности тела; ожоги II степени, превышающие 30% поверхности тела, и др.

Ко второй группе опасных для жизни относятся повреждения, если они повлекли за собой угрожающее жизни состояние. Опасными для жизни являются также заболевания или патологические состояния, возникшие в результате воздействия различных внешних

факторов и закономерно осложняющиеся угрожающим жизни состоянием, или сами представляющие угрозу для жизни человека. К угрожающим жизни состояниям относятся: шок тяжелой степени (III-IV степени) различной этиологии; кома различной этиологии; массивная кровопотеря; острая сердечная или сосудистая недостаточность, коллапс, тяжелая степень нарушения мозгового кровообращения; острая почечная или острая печеночная недостаточность; гнойно-септические состояния и др.

Выделяют также **неопасный для жизни вред, тяжкий по последствиям**. К нему относится вред здоровью, приводящий к потере зрения, под которой понимают полную стойкую слепоту на оба глаза или такое состояние, когда имеется понижение зрения до остроты зрения 0,04 и ниже (счет пальцев на расстоянии 2 метра и до светоощущения). Потеря зрения на один глаз представляет собой утрату органом его функций и относится к тяжкому вреду здоровью. Потеря одного глазного яблока представляет собой потерю органа. Потеря слепого глаза квалифицируется по длительности расстройства здоровья.

К тяжкому по последствиям вреду относится также вред здоровью, приводящий к потере речи, под которой понимают потерю способности выражать свои мысли членораздельными звуками, понятными окружающим, либо в результате потери голоса, а также вред здоровью, приводящий к потере слуха, под которой понимают полную глухоту или такое необратимое состояние, когда потерпевший не слышит разговорной речи на расстоянии 3-5 см от ушной раковины. Потеря слуха на одно ухо, как утрата органом его функций, относится к тяжкому вреду здоровью. При определении тяжести вреда здоровью по признаку потери зрения или слуха не учитывают возможность улучшения зрения или слуха с помощью медико-технических средств (корректирующие очки, слуховые аппараты и т. п.).

К тяжкому по последствиям вреду Правила судебно-медицинской экспертизы относят потерю какого-либо органа либо утрату органом его функций, под которыми понимаются:

1) потеря руки, ноги, т. е. отделение их от туловища или утрата ими функций (паралич или иное состояние, исключающее их деятельность). Потеря наиболее важной в функциональном отношении части конечности (кисти, стопы) приравнивается к потере руки или ноги. Кроме того, потеря кисти или стопы влечет за собой стойкую утрату трудоспособности более одной трети и по этому признаку также относится к тяжкому вреду здоровью;

2) повреждения половых органов, сопровождающиеся потерей производительной способности, под которой понимают потерю способности к совокуплению либо потерю способности к оплодотворению, зачатию, вынашиванию и деторождению;

3) потеря одного яичка, являющаяся потерей органа.

При повреждениях лица эксперт устанавливает их тяжесть в соответствии с признаками, указанными в Правилах. Кроме того, он должен определить, является ли повреждение изгладимым. Под изгладимостью повреждения следует понимать возможность исчезновения видимых последствий повреждения или значительное уменьшение их выраженности (т. е. выраженности рубцов, деформаций, нарушений мимики и пр.) с течением времени или под влиянием нехирургических средств. Если же для устранения этих последствий требуется косметическая операция, то повреждение считается неизгладимым.

К признакам тяжкого вреда здоровью относится его расстройство, соединенное со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть (более чем на 33%). Размеры стойкой утраты общей трудоспособности устанавливаются медицинским экспертом после определившегося исхода с учетом специальной таблицы процентов утраты трудоспособности. Стойкой утрату общей трудоспособности следует считать либо при определившемся исходе, когда трудоспособность утрачена навсегда, либо при длительности расстройства здоровья свыше 120 дней. Степень утраты трудоспособности у детей определяется на основании общих положений и исходя из того, насколько будет утрачена ребенком трудоспособность в будущем. У стариков и инвалидов утрата

трудоспособности в связи с полученным повреждением устанавливается так же, как у практически здоровых людей, независимо от возраста либо группы инвалидности потерпевшего.

Полная утрата профессиональной трудоспособности означает, что потерпевший из-за полученного повреждения не может выполнять профессиональные функции либо работу по избранной специальности (скрипач не может играть, балерина – танцевать, машинистка - печатать). При этом потерпевший может выполнять другую работу. Если потерпевший имеет несколько профессий, например, закончил несколько учебных заведений, судебно-медицинский эксперт должен исходить из факта утраты трудоспособности по той профессии, которую он выполнял на момент причинения вреда здоровью.

Вменение в вину полной утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности возможно только тогда, когда виновный желал своими действиями полностью лишить потерпевшего профессиональной трудоспособности. Закон специально указывает на заведомость для виновного наступления именно таких последствий.

Прерывание беременности как признак тяжкого вреда здоровью не ставится в зависимость от срока беременности. Самое главное, что виновный должен осознавать факт беременности потерпевшей. Условием ответственности является также причинная связь между деянием виновного и прерванной беременностью, не обусловленная индивидуальными особенностями организма потерпевшей. Судебно-медицинская экспертиза в таких случаях проводится комиссионно с участием акушера-гинеколога.

Тяжким вредом здоровью признается и психическое расстройство, независимо от его тяжести, продолжительности, излечимости. Психическое расстройство может быть следствием как физической травмы, так и психического потрясения при условии, что оно находится в непосредственной причинной связи с полученной травмой или сообщением, приведшим к психическому потрясению. Установление психического расстройства относится к компетенции судебно-психиатрической экспертизы.

К тяжкому вреду здоровью относится также заболевание наркоманией и токсикоманией. Наркомания – это болезненное пристрастие к употреблению наркотических средств, а токсикомания – злоупотребление с целью одурманивания веществами, не признанными нормативными актами в качестве наркотических. Указанные заболевания должны возникать под влиянием противоправных действий виновного и вызывать у потерпевшего непреодолимую тягу к употреблению наркотических средств, психотропных или одурманивающих (токсичных) веществ. Способом доведения потерпевшего до такого болезненного состояния может служить неоднократное (иногда даже однократное) насильственное введение в его организм наркотиков или токсичных веществ. Диагностика наркомании или токсикомании должна устанавливаться наркологической (токсикологической) экспертизой, а оценка степени тяжести их последствий и причинная связь – судебно-медицинской экспертизой.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК, характеризуется умышленной формой вины. Умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Квалифицированный состав рассматриваемого преступления (ч. 2 ст. 111) имеет место в случаях совершения деяния:

а) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

б) с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

в) общеопасным способом;

г) по найму;

д) из хулиганских побуждений;

е) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;
ж) в целях использования органов или тканей потерпевшего. Эти признаки сходны с теми, что установлены в ч. 2 ст. 105 УК (квалифицированные виды убийства).

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных в ч. 2 ст. 111, в некоторых случаях характеризуется только прямым умыслом (напр., п. “ж”).

Деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 ст. 111, считаются совершенными при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 111), если они совершены а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) в отношении двух или более лиц; в) неоднократно или лицом, ранее совершившим убийство, предусмотренное ст. 105. Содержание этих особо квалифицирующих признаков аналогично соответствующим признакам убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК.

В части 4 ст. 111 предусмотрена уголовная ответственность за деяния, предусмотренные частями 1-3 ст. 111, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего. Это преступление фактически объединяет два самостоятельных:

- 1) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего и
- 2) причинение ему смерти по неосторожности. В связи с этим следует четко разграничивать это единое преступление со сложным составом и убийство, предусмотренное ст. ст. 105-108, с одной стороны, и причинение смерти по неосторожности, предусмотренное ст. 109, с другой.

Для квалификации деяния по ч. 4 ст. 111 необходимо установить наступление смерти непосредственно в результате причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом не имеет значения, когда наступила смерть: сразу либо спустя какое-то время после причинения тяжкого вреда здоровью.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется двойной формой вины: умыслом (прямым или косвенным) на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего и неосторожностью (в виде легкомыслия или небрежности) по отношению к смерти.

Продолжительный промежуток времени, прошедший с момента наступления смерти, не исключает умысла субъекта на лишение жизни другого человека. Точно так же мгновенно наступившая после нанесения тяжкого вреда здоровью смерть не всегда свидетельствует о наличии умысла на убийство. В литературе и на практике высказывается точка зрения, согласно которой большой промежуток времени между нанесением ранения и наступлением смерти исключает ответственность за убийство. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на ошибочность такого подхода. При этом отмечалось, что разграничение таких преступлений должно проводиться с учетом субъективной стороны, а не только объективных последствий причинения вреда здоровью.

В статье 112 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за **умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести. Признаками вреда здоровью средней тяжести** являются:

- 1) отсутствие опасности для жизни;
- 2) отсутствие последствий, указанных в ст. 111;
- 3) длительное расстройство здоровья;
- 4) значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Под длительным расстройством здоровья следует понимать временную утрату трудоспособности продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня).

Под значительной стойкой утратой трудоспособности менее чем на одну треть следует понимать стойкую утрату трудоспособности от 10 до 30% включительно.

К такого рода причинению вреда здоровью, в частности, относятся трещины и переломы мелких костей, вывихи в мелких суставах, перелом ребра, ранения мягких тканей, сотрясение головного мозга средней степени и другие повреждения, неопасные для жизни и не повлекшие последствий, указанных в ст. 111.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умыш-

ленной виной. Умысел может быть как прямым, так и косвенным. Мотивы и цели данного преступления разнообразны, некоторые из них являются основаниями для отнесения причинения вреда здоровью средней тяжести к квалифицированным видам преступления. Например, п. п. “д” и “е” ч. 2 ст. 112 – из хулиганских побуждений и по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды.

Субъектом данного преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Квалифицированный состав данного преступления (ч. 2 ст. 112) имеет место в случае совершения деяния:

- а) в отношении двух или более лиц;
- б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
- в) с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;
- г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- д) из хулиганских побуждений;
- е) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;
- ж) неоднократно либо лицом, ранее совершившим умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или убийство, предусмотренное ст. 105 УК.

Содержание перечисленных квалифицирующих признаков средней тяжести вреда здоровью аналогично содержанию квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 111 УК.

Статья 113 УК предусматривает уголовную ответственность за **умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)**, вызванного насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Условия признания сильного душевного волнения аффективным состоянием полностью совпадают с теми, которые были рассмотрены при анализе преступления, предусмотренного ст. 107 УК.

Объективная сторона причинения вреда здоровью в состоянии аффекта отличается от объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта, только характером последствий: в первом случае – это тяжкий или средней тяжести вред здоровью, а во втором – смерть человека.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется только умышленной виной в форме прямого или косвенного умысла, внезапно возникшего и аффектированного. Понятие физиологического аффекта изложено при анализе состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК. Мотивы преступления, предусмотренного ст. 113, могут быть различными (ревность, месть и пр.), их выяснение необходимо для решения вопроса о том, было ли у виновного состояние сильного душевного волнения.

Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

При совершении данного преступления не исключено причинение по неосторожности смерти потерпевшему или тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью двум или более лицам. В судебной практике иногда такие преступления ошибочно квалифицируются либо как убийство в состоянии аффекта (ст. 107), либо как преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111, или по п. “а” ч. 2 ст. 111 УК. При возникновении указанных ситуаций следует исходить из правил квалификации преступлений при конкуренции норм со смягчающими и отягчающими обстоятельствами. Конкуренция специальных норм разрешается в пользу нормы, предусматривающей состав преступления со смягчающими обстоя-

тельствами. Следовательно, квалификация указанных выше действий должна охватываться признаками ст. 113 УК.

Умышленное причинение легкого вреда здоровью в состоянии аффекта не выделено в особый привилегированный состав преступления. Поэтому такие действия влекут ответственность на общих основаниях и должны квалифицироваться по ст. 115, а противоправность или аморальность поведения потерпевшего служит смягчающим обстоятельством (п. “з” ч. 1 ст. 61 УК).

Статья 114 предусматривает ответственность за два самостоятельных преступления, совершенных при смягчающих обстоятельствах. Это умышленное причинение:

а) тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1);

б) тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2).

Условия применения ст. 114 по содержанию те же, что и условия применения ст. 108 УК. Они различаются лишь характером последствий. В случае причинения вреда здоровью ими являются при превышении пределов необходимой обороны – тяжкий вред здоровью, при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, - тяжкий или средней тяжести вред здоровью, а последствием преступления, предусмотренного ст. 108 УК, - смерть человека. Признаки тяжкого и средней тяжести вреда здоровью указаны в ст. 111 и 112 УК и были рассмотрены выше.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114, состоит в причинении тяжкого вреда здоровью посягающего при защите от общественно опасного посягательства, но с превышением пределов необходимой обороны, т. е. при явном несоответствии защиты характеру и степени общественной опасности посягательства.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 114, состоит в причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью задерживаемого лица, совершившего преступление, при превышении мер, необходимых для его задержания, т. е. когда такой вред явно не соответствовал характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстановке задержания.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется только умышленной виной в форме прямого или косвенного видов умысла, при этом умысел здесь всегда внезапно возникший. Причинение вреда здоровью при указанных обстоятельствах в результате неосторожности исключает уголовную ответственность по признакам как ст. 114, так и ст. 118 УК.

Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

По этой же статье (ст. 114 УК) квалифицируется и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть посягающего (при превышении пределов необходимой обороны) либо задерживаемого (при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), на что неоднократно указывал Верховный Суд РФ в своих определениях по конкретным делам. Умышленное причинение легкого вреда здоровью, побоев или иных насильственных действий при необходимой обороне либо при задержании преступника, всегда с точки зрения закона укладывается в рамки правомерного поведения и не влечет за собой ответственности.

В статье 115 УК предусмотрена уголовная ответственность за **умышленное причинение легкого вреда здоровью**, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

Признаками легкого вреда здоровью, согласно Правилам судебно-медицинской экспертизы, являются

- 1) кратковременное расстройство здоровья;
- 2) незначительная стойкая утрата общей трудоспособности. Под кратковременным расстройством здоровья следует понимать временную утрату трудоспособности продол-

жительностью не свыше трех недель (21 день). Под незначительной стойкой утратой трудоспособности следует понимать стойкую утрату общей трудоспособности, равную 5%.

Судебная практика к легкому вреду здоровья относит ослабление зрения или слуха, связанное с незначительной стойкой утратой трудоспособности; множественные ссадины; кровоподтеки, потерю одного пальца на руке (кроме указательного и большого) и т. д. Причинение вреда здоровью, имевшего незначительные, скоропроходящие последствия, которые длились не более шести дней и, в связи с этим, не выразились в кратковременном расстройстве здоровья или незначительной стойкой утрате общей трудоспособности, может в некоторых случаях квалифицироваться как побои или истязание (ст. ст. 116, 117 УК).

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной виной, умысел при этом может быть как прямым, так и косвенным. Цели и мотивы данного преступления разнообразны и на квалификацию не влияют.

Причинение легкого вреда здоровью по неосторожности не влечет за собой уголовной ответственности.

Уголовная ответственность по ст. 115 наступает по достижении лицом шестнадцати лет.

В статье 118 УК установлена уголовная ответственность **за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности.**

Объективная сторона данных преступлений выражается в определенном действии (бездействии), нарушающем те или иные правила предосторожности и причиняющем соответственно тяжкий или средней тяжести вред здоровью другого человека. Как правило, это связано с грубым нарушением правил бытовой предосторожности или с несоблюдением правил предосторожности в сфере профессиональной деятельности. В последнем случае деяние отличается повышенной общественной опасностью. Поэтому в законе установлен квалифицированный состав причинения тяжкого (ч. 2 ст. 118 УК) или средней тяжести (ч. 4 ст. 118 УК) вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Ответственность за данное деяние наступает, если неосторожное причинение вреда здоровью соответствующей тяжести не охватывается составом иного преступления, сопряженного с причинением вреда здоровью в результате ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, и не предусматривается специальными нормами (ст. ст. 143, 216, 219, 263, 264, 266, 269).

Субъективная сторона данного преступления характеризуется неосторожной виной в виде легкомыслия или небрежности.

Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью по неосторожности в УК РФ не предусмотрена.

Субъект преступления может быть как общим (ч. ч. 1 и 3), так и специальным – по признаку исполнения лицом определенных профессиональных обязанностей (ч. ч. 2 и 4).

5. Преступления против здоровья, сопряженные с совершением ряда насильственных действий

Побои (ст. 116 УК) относятся к группе преступлений против здоровья, однако их последствия не предусмотрены законом в виде конкретных формализованных признаков.

Объективная сторона рассматриваемого преступления может состоять, во-первых, в нанесении побоев, а во-вторых, в совершении иных противоправных насильственных действий, которые причиняют физическую боль, но не влекут последствий, указанных в ст. 115 УК, т. е. кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности.

Побои не составляют особого вида повреждений. Они являются действиями, характеризующимися многократным нанесением ударов. В результате побоев могут возникать телесные повреждения. Однако побои могут и не оставить после себя никаких объективно

выявляемых повреждений. Если в результате многократного нанесения ударов возникает вред здоровью (тяжкий, средней тяжести или легкий), то такие действия не рассматриваются как побои, а оцениваются как причинение вреда здоровью соответствующей тяжести. Если после нанесения ударов у освидетельствуемого обнаруживаются повреждения (ссадины, кровоподтеки, небольшие раны, не влекущие за собой временной утраты трудоспособности или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности), их описывают, отмечая характер повреждений, локализацию, признаки, свидетельствующие о свойствах причинившего их предмета, давности и механизме образования. При этом указанные повреждения не расценивают как вред здоровью и тяжесть их не определяют.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла, что логически вытекает из смысла объективной стороны. **Субъектом** данного преступления может быть вменяемое лицо, которому исполнилось шестнадцать лет.

В статье 117 УК предусматривается уголовная ответственность за **истязание**, под которым понимается причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. ст. 111 и 112 УК. При этом умышленное причинение в процессе истязания легкого вреда здоровью охватывается ст. 117 и дополнительной квалификации по ст. 115 не требует.

Мучения и истязания представляют собой действия, в результате которых может возникать вред здоровью. Судебно-медицинский эксперт не устанавливает мучений и истязаний. Однако он должен определить:

1) тяжесть вреда здоровью, причиненного мучениями, под которыми понимают действия, причиняющие страдания (заболевание) путем длительного лишения пищи, питья или тепла, либо помещения (или оставления) потерпевшего во вредные для здоровья условия, либо другие сходные действия;

2) наличие, характер повреждений, их локализацию, орудие и механизмы возникновения повреждений, давность и одновременность их нанесения, тяжесть вреда здоровью в случаях причинения его способом, носящим характер истязания.

Под истязанием понимают причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями (длительное причинение боли щипанием, сечением, причинением множественных, в том числе небольших повреждений тупыми или острыми предметами, воздействием термических факторов и другие аналогичные действия).

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, когда виновный сознает, что систематическим нанесением побоев или иными насильственными действиями причиняет потерпевшему физические или психические страдания, и желает их причинить. **Субъектом** преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Квалифицированный вид рассматриваемого преступления (ч. 2 ст. 117) имеет место в случае совершения истязания:

- а) в отношении двух или более лиц;
- б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
- в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- г) в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника;
- д) с применением пытки;
- е) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; ж) по найму;

з) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Все квалифицирующие признаки, установленные ч. 2 ст. 117 УК, при истязании должны охватываться умыслом виновного.

6. Преступления, связанные с заражением или поставлением в опасность заражения опасной болезнью

В статье 121 УК предусмотрена уголовная ответственность за **заражение венерической болезнью**.

Объективная сторона преступления характеризуется как действием, так и бездействием виновного. Под заражением венерической болезнью понимается передача возбудителей этих инфекционных болезней здоровому человеку. К венерическим болезням относятся сифилис, гонорея, паховой лимфогранулематоз и др. Способ заражения (половой, бытовой, через кровь и пр.) и вид венерической болезни для квалификации не имеют значения. Преступление является оконченным, когда потерпевший заболел венерической болезнью. Для квалификации данного преступления необходимо установить причинную связь между действиями (бездействием) виновного и заражением потерпевшего.

Ответственность по ст. 121 УК наступает при условии, что виновный знал о наличии у него венерической болезни. Этот факт может быть подтвержден, например, предостережением лечебного учреждения или другими данными, свидетельствующими об осведомленности виновного о наличии у него венерического заболевания. Уголовная ответственность лица, больного венерической болезнью, по ст. 121 УК может иметь место не только в период болезни и лечения, но и в период контрольного наблюдения лечебным учреждением за больным до его снятия с учета.

Согласие потерпевшего на поставление его в опасность заражения венерической болезнью не является основанием для освобождения от уголовной ответственности лица, знавшего о наличии у него венерического заболевания и заразившего другое лицо.

Субъективная сторона этого преступления характеризуется, как правило, умышленной формой вины, но возможна и неосторожность в виде легкомыслия. Преступная небрежность при совершении анализируемого преступления вряд ли возможна, так как закон предусматривает ответственность лишь такого лица, которое знало о наличии у него венерической болезни. Чаще всего это преступление совершается с косвенным умыслом, когда лицо, знавшее о наличии у него венерической болезни, вступая в половую связь, безразлично относится к возможности заражения партнера.

Часть 2 ст. 121 УК предусматривает **ответственность за квалифицированные виды данного преступления**: заражение двух или более лиц, либо заражение заведомо несовершеннолетнего.

Если лицо, знающее о своем заболевании, заражает потерпевшую (потерпевшего) в результате изнасилования либо насильственных действий сексуального характера, то содеянное в целом квалифицируется соответственно по п. "г" ч. 2 ст. 131 либо п. "г" ч. 2 ст. 132 УК, поскольку факт заражения входит в число квалифицирующих признаков этих преступлений.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, страдающее венерической болезнью и знающее об этом.

В статье 122 УК предусматривается уголовная ответственность за **заражение ВИЧ-инфекцией**. Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) является возбудителем опаснейшего заболевания, при котором поражается иммунная система организма человека, - СПИДа (Синдрома приобретенного иммунодефицита человека). Это заболевание в настоящее время не поддается излечению и ведет к смерти. Вирусоноситель порой не знает о своей болезни, так как инкубационный период подчас длится годами. Нарушая правила гигиены и санитарии при контактах с другими людьми, он может заразить большое число людей, обрекая их на смерть, поскольку до настоящего времени медицинских препаратов лечения СПИДа нет. ВИЧ-инфекция передается половым путем (в том числе при гомосек-

суальных контактах), через кровь, в случаях пользования нестерильными инструментами и шприцами, системами при проведении операций, переливании крови и т. д. Заболевание может передаваться от больной матери ребенку во время беременности или в процессе грудного вскармливания. Предупреждение этого заболевания является одной из серьезных социальных проблем, решению которой посвящен ряд нормативно-правовых актов: Закон “О профилактике заболевания СПИД” 1990 г., “Федеральная целевая программа на 1993-1995 гг. по предупреждению распространения заболевания СПИДом в Российской Федерации (Анти-СПИД)” 1993 г.; Федеральный закон “О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция)” 1995 г., в который были внесены изменения в 1996 г.

Статья 122 УК предусматривает ответственность за три самостоятельных преступления: а) заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1); б) заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни (ч. 2, 3); в) заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4). Следовательно, по ч. 1 ст. 122 уголовной ответственности подлежит лицо, только **поставившее в опасность** заражения другого человека через половое сношение или иным образом. Признак “заведомости” в данном случае указывает на прямой умысел в отношении совершаемых действий – поставления в опасность заражения. Фактическое заражение больным лицом здорового наказывается по ч. 2 или 3 – в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств, к которым отнесены заражение двух или более лиц либо заражение заведомо несовершеннолетнего. Субъективная сторона этих преступлений может быть выражена как в форме умысла, так и неосторожности. При этом небрежность вряд ли возможна, поскольку лицо знает о наличии у себя ВИЧ-инфекции и, вступая в половую связь, не может не предвидеть возможности заражения партнера этой опасной инфекцией. Скорее, будут иметь место легкомыслие или косвенный умысел. По ч. 4 ст. 122 наступает ответственность тех лиц, которые, не будучи вирусносителями, фактически заражают другое лицо ВИЧ-инфекцией в результате ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Такие действия могут быть совершены медицинским персоналом – врачами, фельдшерами, медицинскими сестрами, которые нарушили правила, установленные для предотвращения заражения здоровых людей ВИЧ-инфекцией. Но субъектами рассматриваемого преступления (ч. 4 ст. 122) могут быть не только медицинские работники, но и лица, осуществляющие исследования этой инфекции или помогающие в этом (вирусологи, лаборанты) и др. Ответственность по ст. 122 УК наступает с шестнадцатилетнего возраста.

7. Иные преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека

В статье 119 УК предусмотрена ответственность за **угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.**

Угроза – это устрашение человека путем психического воздействия на него. Способы выражения угрозы могут быть различными: в устной или письменной форме, адресованной непосредственно потерпевшему или через третьих лиц; с использованием телефона, телеграфа, факса и т. п. По ст. 119 УК наказываются лишь два вида угрозы: убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Эти же виды угроз (а также другие), но при особой их направленности, могут влечь уголовную ответственность по другим статьям Особенной части УК. Например, по ч. 1 ст. 296 УК наказываются угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, направленная против судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Если же угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, направлена в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, то ответственность наступает по ч. 1 ст. 318 УК.

Иные виды угроз, например, угроза применения какого-либо насилия, угроза унич-

тожения или изъятия имущества, составляют при определенных условиях признаки преступлений, предусмотренных ст. 131-133, 162, 302 УК. В этих случаях угроза является способом совершения других преступлений (изнасилования, разбоя, принуждения к даче показаний и т. п.) и ст. 119 не применяется.

Угроза может быть обращена в будущее или носить непосредственный характер. Обязательным признаком **объективной стороны** данного состава является реальность угрозы, которая устанавливается исходя из конкретной ситуации с учетом характера взаимоотношений между виновным и потерпевшим, серьезности повода для угрозы, свойств личности угрожавшего. Преступление окончено с момента высказывания угрозы.

От покушения на убийство и на причинение тяжкого вреда здоровью данное преступление отличается тем, что виновный не имеет цели лишить жизни потерпевшего или причинить его здоровью тяжкий вред и не совершает никаких действий, направленных на приведение угрозы в исполнение.

Субъективная сторона данного преступления состоит в прямом умысле.

Субъектом преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Ответственность за **принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации** предусмотрена в ст. 120 УК. Порядок трансплантации определяется Законом РФ “О трансплантации органов и (или) тканей человека” от 22.12.1992 г. Принуждение любым лицом живого донора к даче согласия на изъятие у него органов и (или) тканей влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством (ст. 3 Закона). Донор свободно и сознательно в письменной форме должен выразить согласие на изъятие своих органов и (или) тканей (ст. 11 Закона).

Объектом этого преступления является здоровье человека. Предметами преступления выступают органы и ткани человека, с целью получения которых и совершается преступление. К органам и тканям человека как объектам трансплантации относятся: сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани, перечень которых определяется Министерством здравоохранения РФ совместно с Российской Академией медицинских наук (ст. 2 Закона). Органы и их части, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека (например, яйцеклетка, яичники, эмбрионы), в названный перечень не включены.

Часть 1 ст. 120 предусматривает ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. Принуждение – это воздействие на личность с целью добиться от него согласия на донорство под физическим насилием или угрозой применения такого насилия. Реальное применение насилия выражается в нанесении ударов, побоев, причинении вреда здоровью различной степени тяжести. Угроза применения насилия означает недвусмысленно выраженное намерение прибегнуть к насилию. В случаях, когда органы или ткани изъяты путем физического насилия или угрозы его применения, ответственность наступает по совокупности совершенных преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 120 УК и соответствующей статьей за причинение смерти или вреда здоровью – в зависимости от наступившего результата.

Преступление считается оконченным, когда субъект осуществил домогательство путем физического насилия или высказал угрозы расправой над потерпевшим для достижения указанных целей, независимо от того, достиг он этих целей или нет.

Часть 2 ст. 120 УК устанавливает ответственность за *квалифицированный вид* данного преступления. В качестве квалифицирующих обстоятельств закон называет беспомощное состояние потерпевшего и материальную или иную зависимость от виновного.

Лицами, находящимися в беспомощном состоянии, признаются тяжелобольные, престарелые, лица, имеющие физические или психические недостатки, и т. п.

Лицо считается находящимся в материальной зависимости, когда оно получает от

другого лица материальную помощь, которая является основным или дополнительным источником существования. Иную зависимость могут составлять служебные, родственные, супружеские и т. п. отношения.

Все рассматриваемые обстоятельства могут вменяться в вину как отягчающие при условии осознания их виновным.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного в ст. 120 УК, характеризуется только прямым умыслом и специальной целью: принудить потерпевшего к изъятию у него органов или тканей.

Субъектом преступления может быть любое лицо, достигшее шестнадцати лет. Это может быть лицо, нуждающееся в трансплантации, его родственники и близкие, медицинские работники.

В статье 123 установлена уголовная ответственность за **незаконное производство аборта**. С 1955 г. в нашей стране разрешено производство аборт при соблюдении определенных требований: проведение этой операции только врачом и в соответствующем учреждении, до определенного срока беременности, при наличии согласия беременной женщины на операцию и соответствующих медицинских показаний на ее проведение.

Статья 123 предусматривает уголовную ответственность за следующие действия: 1) производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 1); 2) то же деяние, совершенное лицом, ранее судимым за незаконное производство аборта (ч. 2); 3) те же деяния, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью (ч. 3).

Согласно ст. 36 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г., операция по искусственному прерыванию беременности проводится при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности. Перечень медицинских показаний для прерывания беременности определяется Минздравом России, а перечень социальных показаний утверждается Правительством РФ. Во всех этих случаях согласие женщины на производство аборта является обязательным признаком данного преступления, что вытекает из смысла ст. 123 УК, в противном случае виновные должны нести ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по ст. 111 УК.

Объект преступления – здоровье беременной женщины.

Объективная сторона преступления состоит в производстве операции по искусственному прерыванию беременности с нарушением установленных правил. Незаконность аборта, как это следует из смысла диспозиции ч. 1 ст. 123 УК, обусловлена тем, что он производится лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, например, врачом другого профиля (педиатром, стоматологом и др.), либо лицом, имеющим среднее медицинское образование (акушеркой, фельдшером), или лицом, вообще не имеющим медицинского образования. Уголовную ответственность закон связывает не с самой по себе операцией при наличии противопоказаний для ее проведения (например, срок беременности превышает 12 недель), а с личностью виновного. Таким образом, при отсутствии указанных в ч. 3 последствий производство аборта лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, но, например, по истечении 12 недель, состава преступления не образует.

Преступление считается оконченным с момента производства аборта, т. е. изгнания плода, независимо от наступивших последствий.

Субъективная сторона деяния характеризуется прямым умыслом. Мотив незаконного производства может быть различным, но на квалификацию он не влияет.

Субъектом преступления по ч. 1 ст. 123 УК является вменяемое физическое лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля.

К квалифицированному незаконному аборту ч. 2 ст. 123 УК относит совершение его лицом, ранее судимым за незаконное производство аборта. Ответственность по этой части наступает, если судимость за предыдущее преступление не погашена и не снята в

установленном законом порядке.

Часть 3 ст. 123 УК устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные ч. ч. 1 или 2, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью. Смерть может наступить как во время аборта, так и после него, но она должна находиться в причинной связи с абортом. В данном случае конструкция субъективной стороны сложная и предполагает две формы вины. Необходимо установить, что виновный, умышленно совершая незаконный аборт, по отношению к смерти или к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшей проявил неосторожность. Если указанные последствия наступили в результате законного производства аборта, но по небрежности врача, последний может быть привлечен к уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью. Если причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшей охватывалось косвенным умыслом, ответственность наступает по совокупности преступлений – ст. 105 и ст. 123 УК либо ст. 111 и ст. 123 УК. и т.д.

Теоретические основы пограничной психиатрии.

Общее понятие о пограничных формах психических расстройств (пограничных состояниях).

Понятие о пограничных формах психических расстройств (пограничных состояниях) в значительной мере условно, а точнее говоря, жаргонно. Оно вошло в разговорную речь психиатров и других врачей, в той или иной мере связанных с психиатрией, и достаточно часто встречается на страницах научных публикаций. Главным образом это понятие используется для объединения выраженных нарушений, граничащих с состоянием здоровья и отделяющих его от собственно патологических психических проявлений, сопровождающихся значительными отклонениями от нормы. При этом **пограничные состояния в основном не являются начальными, промежуточными («буферными») фазами или стадиями основных психозов. Они представляют особую группу патологических проявлений, имеющих в клиническом выражении свое начало, динамику и исход, зависящие от формы или вида болезненного процесса.** Их определяет познанная или недостаточно изученная патофизиологическая база, в основе которой лежат различные этиологические и патогенетические факторы.

Пограничные формы психических расстройств условно объединяются в одну группу болезненных нарушений на основе признаков, включающих достаточно характерные проявления. Их обнаружение позволяет проводить дифференциацию пограничных состояний как с основными «непограничными» патологическими проявлениями, так и с состоянием психического здоровья.

К числу наиболее общих нарушений, характерных для пограничных состояний, относятся следующие.

— Преобладание невротического уровня психопатологических проявлений на всем протяжении заболевания.

— Взаимосвязь собственно психических расстройств с вегетативными дисфункциями, нарушениями ночного сна и соматическими проявлениями.

— Ведущая роль психогенных факторов в возникновении и декомпенсации болезненных нарушений.

— Наличие в большинстве случаев «органической предрасположенности» (минимальных неврологических дисфункций мозговых систем), способствующих развитию и декомпенсации болезненных проявлений.

— Взаимосвязь болезненных расстройств с личностно-типологическими особенностями больного.

— Сохранение больными критического отношения к своему состоянию.

Наряду с этим пограничные состояния характеризуются отсутствием:

— психотической симптоматики, определяющей психопатологическую структуру болезненного состояния;

— прогредиентно нарастающего слабоумия;
— личностных изменений, типичных для эндогенных психических заболеваний (шизофрения, эпилепсия и др.).

Пограничные психические нарушения могут возникать остро или развиваться постепенно, их течение может носить разный характер и ограничиваться кратковременной реакцией, относительно продолжительным состоянием, хроническим течением. С учетом этого, а также на основе анализа причин возникновения в клинической практике выделяют различные формы и варианты пограничных состояний. При этом используют разные принципы и подходы — нозологическую, синдромальную, симптоматическую оценку, а также анализ течения пограничного состояния, его «остроты», «хроничности», динамической взаимосвязи различных клинических проявлений.

С учетом многообразия **этиопатогенетических** факторов и особенностей проявления и течения к пограничным психическим расстройствам относят различные клинические формы и варианты невротических реакций, реактивные состояния, неврозы, патологические развития личности, психопатии, а также широкий круг неврозо- и **психопатоподобных** расстройств при соматических, неврологических и других заболеваниях. В современной Международной классификации психических и поведенческих расстройств (МКБ-10) пограничные психические расстройства рассматриваются главным образом в разделах F4 («Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства»), F5 («Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами»), F6 («Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых») и некоторых других. В число пограничных состояний, с нашей точки зрения, не следует включать эндогенные психические заболевания (в том числе их мягкие, латентные формы, такие, например, как вялотекущая шизофрения и др.) на определенных этапах течения которых преобладают и даже определяют клиническое состояние неврозо- и психопатоподобные расстройства, в значительной мере имитирующие основные формы и варианты собственно пограничных состояний. Однако в этих случаях эндогенный процесс протекает по своим собственным закономерностям, отличным от клинко-психопатологических механизмов, характерных для всех пограничных форм психических расстройств. **Неврозо- и психопатоподобные нарушения, будучи наименее специфическими психопатологическими проявлениями, нередко могут отражать динамику более сложных по своей структуре психических заболеваний, протекающих с характерной для них симптоматикой и вызывающих те или иные личностные изменения.**

Наиболее важным следствием любого пограничного психического расстройства является развитие у больного в той или иной мере выраженной социальной дезадаптации. Такого рода трактовка пограничных состояний разделяется не всеми авторами. Она стала складываться в начале XX столетия. До этого после классических работ Э. Крепелина многие исследователи поддерживали жесткую нозологическую концепцию психических болезней и расширительное толкование основных психозов. В частности, предлагалось целый ряд случаев психастении, истерии, неврастении рассматривать как проявления нераспознанной шизофрении (Е. Блейлер), а невыраженные колебания настроения — в рамках циркулярного психоза и его особого варианта — циклотимии. Больные с разными видами пограничных форм психических расстройств нуждаются во многом в сходных лечебно-реабилитационных мероприятиях. С учетом того, что эти больные не представляют, как правило, социальной опасности для окружающих, весь лечебный комплекс (включая психотерапию, биологические средства лечения, медико-социальную коррекцию и др.) может проводиться вне стен психиатрического стационара. Это, с одной стороны, объединяет разных больных с пограничными состояниями, а с другой — отделяет их от больных эндогенными психозами, протекающими с психотическими нарушениями.

Сказанное свидетельствует о том, что **пограничные состояния составляют группу достаточно специфических психопатологических проявлений, объединяемых схожестью тенденций развития синдромогенеза.** Часть больных находится под наблю-

дением врачей — психиатров или психотерапевтов, большее же число, как свидетельствует специальный эпидемиологический анализ, не получают специализированной и квалифицированной помощи. В ряде случаев больные с пограничными состояниями, сопровождающимися психосоматическими расстройствами, обращаются к врачам-интернистам, в большинстве случаев не имеющим специального опыта в дифференциально-диагностической оценке состояния и проведении всего комплекса необходимых лечебно-реабилитационных мероприятий. Многие лица с различными невротическими и психопатическими расстройствами вообще не предъявляют по этому поводу жалоб врачам как вследствие непонимания болезненного характера имеющихся нарушений, так и из-за отмечающегося у некоторых больных и их родственников страха перед обращением в психиатрический диспансер в связи с боязнью связанных с этим социальных ограничений.

Пограничные состояния объединяют группу расстройств, характеризующихся главным образом преобладанием проявлений так называемого невротического уровня нарушений психической деятельности.

Уровни психических расстройств могут анализироваться с различных точек зрения — философской, социальной, психологической, эволюционной, патогенетической, клинической и т.д. Своеобразие психопатологических проявлений при различных психических заболеваниях послужило основанием для разработки общепатологической концепции регистров психических расстройств (Кронфельд А.С., 1940; Гуревич М.О., 1945; Снежневский А.В., 1960; Рохлин Л.Л., 1971, и др.; Noche, 1912; Specht G., 1917; Kraepelin E., 1920; Ewald G., 1921; Bostroem A., 1926). Согласно этой концепции, психические нарушения, определяющие пограничные формы психических расстройств, имеют по сравнению с другой психопатологией наиболее ограниченный диапазон болезненных проявлений. А.В. Снежневский (1960), исходя из степени полиморфизма и избирательности психопатологических синдромов, схематически выделяет 6 диапазонов расстройств, характерных для неврозов и психопатий, маниакально-депрессивного психоза, шизофрении, симптоматических психозов (делирий, аменция и т.д.), генуинной эпилепсии и, наконец, для психозов, возникающих при грубоорганических поражениях головного мозга.¹ При этом специфичность синдромов, с его точки зрения, отражает сложные взаимоотношения этиологии и патогенеза каждого болезненного расстройства.

Следует отметить, что F. Freychan (1959), исходя из анализа терапевтических возможностей, делил все психопатологические расстройства на 5 основных групп, близких к диапазонам А.В. Снежневского: шизофрения, аффективные нарушения, острые церебральные синдромы, психоневротические расстройства и нарушения поведения. С учетом особенностей пограничных форм нервно-психических расстройств важно отметить, что в обеих упомянутых группировках невротические и психопатические нарушения («нарушения поведения») рассматриваются как отдельный диапазон (основная группа) психопатологических проявлений.

Системный анализ механизмов психической дезадаптации, сопровождающей пограничные психические расстройства.

Принципы изучения системной организации функций, включая и поведение человека, все более широко внедряются в современное естествознание. Системный анализ позволяет находить новые пути к познанию, преодолевать его односторонность. Л.

¹ В работе, опубликованной в 1975 г., А.В. Снежневский уже более дифференцированно выделяет 9 «кругов» последовательного нарастания тяжести психопатологических синдромов: от эмоционально-гиперэстетических расстройств, среди которых ведущее место занимает астенический синдром (I круг), к аффективным расстройствам (II), невротическим нарушениям (III), паранойальным состояниям (IV), кататоническим синдромам (V), помрачению сознания (VI), парамнезиям (VII), судорожным и другим расстройствам, свойственным эпилепсии (VIII), и, наконец, к психоорганическим психопатологическим расстройствам, характеризующим полиморфизм всех известных грубоорганических психозов (IX). В этой схематической модели взаимоотношения психопатологических расстройств, так же как и в схеме, предложенной 15 годами ранее, А.В. Снежневский относит астенические и другие расстройства, наиболее характерные для неврозов, к наименее специфическим проявлениям психической патологии.

Bertalanffy (1947), предложивший концепцию «общей теории систем», отмечал, что система является комплексом элементов, находящихся во взаимодействии. Известные исследователи системных процессов Р. Акофф и Ф. Эмери дают более распространенное определение: система — это «множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми. Следовательно, система должна состоять по меньшей мере из двух элементов и связей между каждым из элементов и каким-нибудь другим элементом множества. Элементы системы образуют полностью связанное множество, которое невозможно разложить на несвязанные подмножества. Поэтому, хотя система может являться частью большей системы, ее нельзя разложить на независимые подсистемы». Исходя из приведенных определений, системный анализ делает основной упор на целостное понимание исследуемых объектов, помогает осознать необходимость их «многослойного» анализа, при котором каждое выдвигаемое суждение имеет непосредственное приложение лишь к явлениям, ограниченным определенными рамками, а не ко всем «слоям» наблюдаемых факторов (к ним оно может быть обращено лишь опосредованно).

Организм человека «представляет собой такую динамическую систему, в которой одни и те же морфофизиологические подсистемы и структуры могут обеспечивать множество функций и приспособительных процессов». Система психической адаптации характеризуется многоплановостью самоорганизующихся подсистем, находящихся между собой как в ассоциативно дополняющих, так и во взаимно конкурирующих отношениях. Эти подсистемы имеют неодинаковое значение в общей иерархии подсистем, отличаются разной степенью сложности своего структурного построения (включая и разное число ведущих звеньев, которые определяют их деятельность), различными возможностями автономной активности, своеобразием взаимозависимости и взаимообусловленности. Поэтому структура системы психической адаптации (как и любой другой сложноорганизованной системы) не может быть объяснена, если исходить из статистических отношений составляющих ее элементов. Эти системы нуждаются не в математически однозначном, а в вероятностном описании (Абрамова Н.Т., 1974).

Психическая адаптация человека может быть представлена как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, активность которой обеспечивается не просто совокупностью отдельных компонентов (подсистем), а их взаимодействием и «содействием», порождающими новые интегративные качества, не присутствующие отдельным образующим подсистемам. Результатом функционирования всей системы и является состояние психической адаптации, которое обеспечивает деятельность человека на уровне «оперативного покоя», позволяя ему не только наиболее оптимально противостоять различным природным и социальным факторам, но и активно и целенаправленно воздействовать на них». ² «Процессы адаптации, — пишет Р.М. Баевский, — направлены на поддержание равновесия внутри организма и между организмом и средой. Как процессы управления, они связаны не только с самосохранением функционального уровня саморегулирующейся системы в адекватных и неадекватных условиях среды, но и с выбором функциональной стратегии, обеспечивающей выполнение главной цели». Система психической адаптации постоянно находится в состоянии готовности к выполнению присущих ей функций; адекватно отреагировав на воздействующий на нее фактор внешней среды, система возвращается к исходному состоянию оперативного покоя.

В деятельности системы психической адаптации проявляется активность всех выделяемых П.К. Анохиным (1975) узловых механизмов целостных приспособительных актов, включая механизмы афферентного синтеза, принятия решения, акцептора результатов действия, программы действия, формирования результатов действия, обратной афферен-

² А.А. Ухтомский назвал оперативным покоем готовность к действию. Чем более высоко она организована, тем более выражена способность к «срочному» и наиболее рациональному реагированию в тех или иных условиях

тации о результатах действия и сличения смоделированного в акцепторе результата с реально полученным.

Принципиальным отличием функциональной деятельности системы психической адаптации человека от всех других самоуправляемых систем является наличие механизмов сознательного саморегулирования, в основе которых лежит субъективная индивидуально-личностная оценка природных и социальных воздействий на человека. Благодаря этому осуществляется координирующее, направляющее вмешательство сознательной интеллектуальной активности человека в саморегулирующиеся процессы адаптации.

Адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья. В том случае, когда эти «способности» соответствуют уровню, необходимому для активной жизнедеятельности, или превышают его, можно говорить об адаптированной, «нормальной» психической деятельности человека.

При любом психотравмирующем воздействии, обуславливающем возникновение психических расстройств — невротического, невротоподобного состояний или декомпенсацию поведения у психопатических личностей, — прежде всего происходит нарушение наиболее сложных форм социально-детерминированного адаптированного и относительно стабильного стереотипа реагирования человека на окружающее. Еще в 1911 г. Р. Janet отмечал, что все невротические расстройства являются нарушением приспособления к новым внешним и внутренним обстоятельствам, обнаруживаемым «в моменты, когда индивидуальная и социальная эволюция становится наиболее трудной». При этом в первую очередь страдают тонкие и высокоспециализированные особенности личностной индивидуальной приспособляемости (самоконтроль, самооценка и др.). Однако эта дезадаптация не вызывает психотических нарушений, появления так называемых продуктивных психопатических расстройств (бреда, галлюцинаций, автоматизмов и др.) и не приводит к развитию слабоумия у этих больных.

Развивающиеся в течение жизни особенности личности, объем и характер приобретенных знаний, направленность интересов, своеобразие эмоционально-волевых качеств, моральные установки — все это создает ту или иную степень свободы реагирования человека в определенных условиях и основу индивидуальной адаптации к неблагоприятным психическим факторам, позволяет активно и целенаправленно их преобразовывать. Поэтому то или иное психогенное воздействие у одного человека может достигать психотравмирующей силы, вызывая нарушение упорядоченных коммуникационных отношений (главным образом в виде невротических проявлений), а у другого — носить индифферентный характер.

Системное представление о психической адаптации предполагает диалектическое единство общих, особенных и отдельных (единичных) ее характеристик. На возможностях психической адаптации человека отражается состояние всех систем организма. Дезадаптация любой из них может найти свое отражение в функциональной активности системы психической адаптации. Совершенно ясно, что биологические и социально-психологические механизмы, определяющие жизнедеятельность человека, в большей или меньшей мере участвуют в высшей сфере проявлений адаптации — в адаптированной психической деятельности. Это указывает на чрезвычайную сложность структуры целостной функциональной системы психической адаптации. Ее можно представить как «состоящую из множества подсистем, образующих такое единство, в котором они упорядочены сукцессивно и симультанно; причем между симультанно реализующимися подсистемами могут существовать различные степени зависимости — от очень сильных до крайне слабых; то же самое логично предположить в отношении сукцессивно реализующихся подсистем». Однако выделение множества подсистем с целью анализа их места в комплексном представлении об адаптированной психической активности не следует абсолютизировать, ибо это может привести к потере целого за огромным числом составляющих его механизмов.

Одним из важнейших условий возникновения пограничных форм психиче-

ских расстройств является несоответствие имеющихся у человека социальных и биологических возможностей для переработки информации, скорости ее поступления и количеству, которое в этих случаях может быть как избыточным, так и недостаточным. Это несоответствие нередко служит непосредственной причиной разнообразных нарушений упорядоченных коммуникационных отношений человека, выражающихся в виде невротических расстройств.

На этом основании некоторые исследователи считают невроз «болезнью, обусловленной действием информации».

Функциональная активность подсистемы восприятия и переработки информации определяется рядом ведущих звеньев, обычно включающих:

- 1) поиск информативных данных, осуществляемый человеком как осознанно активно и целенаправленно, так и пассивно, подсознательно;
- 2) восприятие, анализ и синтез полученной информации, происходящие в различной степени на всех уровнях в центральной нервной системе;
- 3) хранение информации;
- 4) использование информации.

При этом восприятие человеком любой информации (особенно осознанной речевой) никогда не бывает чисто пассивным и созерцательным актом. По данным С.Л. Рубинштейна (1946), «воспринимает не изолированный глаз, не ухо само по себе, а конкретный живой человек, и в его восприятии... всегда в той или иной мере сказывается весь человек, его отношение к воспринимаемому, его потребности, интересы, стремления, желания и чувства». Любой акт познания человеком окружающего возможен лишь благодаря сложной психической деятельности, способствующей слиянию новой информации с уже усвоенной. Предметное познание окружающего «есть процесс обобщения, т.е. установления связи данного единичного с общим, присущим данной группе явлений».

При изучении в клинической практике больных с невротическими расстройствами во многих случаях достаточно четко видна зависимость адаптированной деятельности от полноты имеющейся у человека информации и соответственно зависимость психической дезадаптации от недостатка информации. В этом находит отражение общая закономерность всех стабильно функционирующих информационных систем: чем избыточнее объем информации, возможности контроля ее достоверности и использования, тем больше оснований для нормального, адаптированного осуществления функциональной деятельности системы, в том числе и в особых, экстремальных условиях. Отсюда следует, что чем меньше у человека в силу тех или иных причин объем информации по какому-либо вопросу (а это может быть связано с недостаточным использованием возможностей ее нахождения, восприятия, анализа, синтеза, хранения и применения), тем больше вероятность того, что в случае необходимости решения этого вопроса в ограниченное время произойдет нарушение адаптированного состояния и развитие нервно-психического расстройства.

Причиной отсутствия необходимой информации или невозможности ее использования, приводящей к психической дезадаптации человека, могут являться различные факторы, как биологические (в частности, неодинаковые по своей локализации очаговые поражения головного мозга), так и социально-психологические. Под влиянием этих факторов все звенья, обуславливающие функциональные возможности переработки информации (ее поиск, восприятие, анализ, синтез, хранение и использование), могут разрушаться, функционировать извращенно или на сниженном уровне (ослабленно). Различные сочетания нарушенной деятельности этих звеньев определяют варианты психических расстройств, возникающих вследствие изменения функциональных возможностей восприятия и переработки информации.

Социально-психологические причины, обуславливающие наряду с органическими расстройствами изменение возможностей поиска, восприятия, анализа, синтеза, хранения и использования информации, чрезвычайно многообразны. Характер развития индивидуальных способностей к восприятию различного рода информации, возможности трени-

ровки памяти, направленность интересов личности, своеобразие эмоционально-волевых качеств, объем и глубина полученных знаний и т.д. — все это значительно увеличивает число вариантов восприятия и главным образом переработки информации. Некоторые из них определяют клинические патологические состояния, возникающие в индивидуально значимых экстремальных условиях и характеризующиеся в большинстве случаев ослаблением функциональных возможностей переработки информации. П. Линдсей, Д. Норман (1974) отмечают, что наиболее серьезным фактором, ограничивающим адаптированную психическую деятельность при «психической перегрузке» является недостаточность кратковременной памяти.

Следует также отметить, что для направленного поиска информации и ее переработки информативные сведения должны содержать элементы новизны и быть хотя бы в небольшой мере прагматически неопределенными. Именно это во многом предопределяет активность человека в той или иной ситуации. В условиях лишенной новизны, монотонной и однообразной деятельности наблюдается как бы пресыщение ею, функциональная активность барьера психической адаптации падает ниже уровня, обеспечивающего напряжение, и усиливается «автоматизированная» психическая активность. Для поддержания этого уровня в любой деятельности должны существовать новизна и непредсказуемость значения поступающей информации. Здесь в известной мере заключен некий парадокс. С одной стороны, человек стремится к относительно адаптированному покою, а с другой — для его активной жизнедеятельности необходимо постоянное нарушение достигнутого уравновешенного спокойствия. Стимулом, будоражающим психическую активность человека и нарушающим психологическую идиллию спокойствия, помимо видимых внешних признаков, является внутренняя потребность в получении новой информации. В ее основе лежат постоянно нарушающие адаптированное психическое состояние (и делающие его динамичным) противоречия между стремлениями человека и реальными возможностями их осуществления, между ожидаемым и фактическим результатом того или иного действия.

Уравновешивание тенденций в разносторонней психической деятельности человека всегда относительно, полная стабилизация здесь невозможна. Именно это и порождает у него стремление к осознанному поиску новой информации. Усвоение же этой информации в свою очередь приводит к новым столкновениям субъективного мироощущения с объективной реальностью, что требует новых адаптационных усилий. В этом, вероятно, и заключен постоянный источник развития психической деятельности человека, неразрывно связанный с возможностью получения им информативных данных и необходимостью их анализа.

Важнейшее значение подсистемы эмоционального реагирования и формирования адаптированной деятельности общеизвестно. Разнообразие эмоциональных состояний во многом формирует поведение человека, его чувства и настроения, создающие своеобразие, субъективное отношение к действительности, в том числе индивидуальную личностную оценку получаемой информации. На этом фоне облегчается или, наоборот, усложняется та или иная деятельность, включающая разработку мотивов различных поступков, выбор путей их реализации и, наконец, осуществление намеченного плана действия.

Как свидетельствуют многочисленные клинические наблюдения, «рассогласование» между имеющимися у человека стремлениями, представлениями, возможностями действия нередко приводит к появлению различных стенических и астенических эмоциональных расстройств. Наиболее часто отмечаются при этом страх, тоска, лабильность настроения, депрессия.

В подсистеме социальных контактов человека раскрывается все многообразие его личностных отношений, социально-психологических оценок и устремлений, формирующих психическую адаптацию. Эта подсистема целиком основывается на приобретенных им в течение жизни знаниях, общественных интересах, социальном положении, личностных позициях. Именно она делает возможным самовыражение человека, определяет его

человеческую сущность. Л. Фейербах отмечал, что отдельный человек «как нечто обособленное» не может заключать в себе человеческой сущности «ни как существо моральное, ни как мыслящее»; она «налицо только в общении, в единстве человека с человеком...». /33- Т.1, С.203/

Человек, формируясь как личность в общении с другими людьми, постоянно нуждается в социальных контактах, сопереживании, удовлетворении потребности в общении. Т. Ярошевский обращает внимание на то, что «каждая личность интерпретирует идентичные раздражители в идентичных ситуациях обычно несколько иначе, чем другие личности, и гибко, различным образом, творчески определяет свое отношение к тем же самым раздражителям, если они повторяются». /34- С.31/ Динамичность и строгая индивидуальность функциональных особенностей подсистемы социальных контактов человека создают неповторимую основу индивидуально-личностного адаптационного барьера, обеспечивающего состояние психического здоровья. При этом, как отмечал Д.Н. Узнадзе (1966), в каждый данный момент в психику человека проникает из окружающей среды и переживается с достаточной ясностью лишь то, что имеет место в русле его актуальной установки. В случае же нарушения психической адаптации наблюдаются различная по качеству и степени выраженности дезорганизация социальных контактов человека, снижение возможностей необходимого прогнозирования результатов своих поступков, усиление эгоцентрических устремлений и т.д.

Важнейшим звеном подсистемы социальных контактов человека, в значительной мере определяющим возможность компенсации ослабления функциональной активности психической адаптации, является его отношение к своему состоянию.

Любая болезнь нарушает привычные контакты человека с окружающим, снижает возможности трудовой деятельности или вообще делает невозможным ее продолжение, нередко лишает человека прежних реальных перспектив и вызывает необходимость перестройки всей личностной ориентации. Все это подвергает серьезным испытаниям систему адаптированной психической деятельности, наносит дополнительный «удар» по барьеру психической адаптации заболевшего человека. При этом затрагивается не только чувствительный, но и интеллектуальный «уровень внутренней картины болезни» (Лурия Р.А., 1928), включающий размышления самого больного о болезни, его самооценку и реакцию на возникшее состояние. В зависимости от особенностей личности больного реальный ущерб, принесенный болезнью в его жизнь, может им либо преуменьшаться, либо преувеличиваться. В каждом из этих случаев, как правило, удается проследить выраженное в разной степени и отмечаемое временное или достаточно стойкое изменение социальных связей заболевшего человека. Учет этого имеет большое значение как при постановке диагноза, так и при определении наиболее адекватного плана лечебно- и социально-компенсирующих мероприятий.

Подсистема системы психической адаптации, обеспечивающая различный уровень бодрствования и сна, «блок регуляции тонуса и бодрствования», по А.Р. Лурия (1973), выделяется на основании функционального единства механизмов активной деятельности человека и сна. Эта подсистема имеет первостепенное значение в создании условий для психической адаптации, ибо от нее зависит ритмическое и последовательное повышение и снижение в течение суток психической активности, что определяет различные возможности для человеческой деятельности. В.К. Хорошко (1943), обращая внимание на то, что организм каждого отдельного человека имеет свой индивидуальный ритм активности жизненных процессов, прежде всего сна и бодрствования, предлагал даже выделять в качестве самостоятельной нозологической формы «невроз ритма». Степень бодрствования во многом формирует функциональную активность барьера психической адаптации. Одними из самых ранних клинических признаков его ослабленной деятельности являются различные **пресомнические, интрасомнические и постсомнические расстройства**.

Звенья подсистемы эндокринно-гуморальной регуляции включают различные эндокринные и биохимические механизмы. Все стадии напряжения барьера психической

адаптации и его прорыва сопровождаются общими и неспецифическими для травмирующего воздействия биологическими изменениями, широко известными в настоящее время как проявления общего адаптационного синдрома, возникающего в ответ на стрессовое воздействие.

Около 50 лет назад канадский патофизиолог Н. Selye сформулировал понятие о стрессе как совокупности адаптационно-защитных реакций организма на любое воздействие, порождающее психическую или физическую травму.³ Он установил общий биологический эндокринно-биохимический механизм напряжения, вызванного травмирующим влиянием. Этот механизм последовательно «включает» три следующих этапа:

1) реакцию тревоги («Alarm reaction», по Н. Selye) с «фазой шока», «фазой противошока», которые представляют собой **генерализованное** усилие организма приспособиться к новым условиям;

2) стадию резистентности, наступающую вследствие перестройки организма в отношении травмирующего агента;

3) стадию истощения, сменяющую состояние «напряженного резистентного покоя» во взаимоотношениях организма и продолжающей свое патогенное воздействие травмы.

Особое место среди различных травмирующих влияний на человека занимает **эмоциональный стресс**. Он определяется, во-первых, частотой возникновения и, во-вторых, преобладанием субъективных переживаний, вызывающих в той или иной мере выраженные (часто незначительно) объективно регистрируемые нарушения в поведении человека и в функциональной деятельности его вегетативной нервной системы. Нередко эти нарушения приводят к развитию невротических расстройств. При этом, как установлено Н. Selye и его многочисленными учениками, сохраняется последовательность механизмов указанных трехстадийных биологических реакций. Их конкретное эндокринно-биохимическое выражение изучается многими исследователями в нашей стране и за рубежом.

Эндокринно-биохимические механизмы стрессовой реакции имеют важнейшее значение в развертывании состояния психической дезадаптации и в его компенсации. Однако чаще всего они являются не причиной психической дезадаптации, а ее следствием, отражающим неспецифическую форму реагирования, направленную на скорейшую компенсацию состояния. По существу все стрессовые реакции, сопровождающиеся изменением психического здоровья, появляются при нарушении единого барьера психической адаптации, формируемого, как уже отмечалось, не только биологическими, но и социально-психологическими факторами.

Деятельность подсистем восприятия и переработки информации, эмоционального реагирования, социально-психологических контактов, сна и бодрствования, эндокринно-гуморальной регуляции, а также ряда других неразрывно связана. Она формирует активность всех сторон психической деятельности — внимания, воли, памяти, мышления, речи, эмоций, а также особенности идейных установок человека, его социальных контактов и т.д. Имея важнейшее значение в организации психической деятельности и в возникновении психопатологических проявлений, **каждая из указанных подсистем является лишь частью большей по биологической и социальной значимости всей функциональной системы психической адаптации человека.**

Материальным субстратом, обеспечивающим деятельность как отдельных подсистем, так и всей системы, психической адаптации в целом, являются не отдельные корковые или нижележащие участки центральной нервной системы, нервно-мышечные образования и эндокринные железы, а их синхронно функционирующие области, удачно названные А.А. Ухтомским (1931), а в последующем и А.Н. Леонтьевым (1959, 1965) «функциональными органами». Эти «органы» формируются в процессе жизнедеятельности челове-

³ В одной из своих работ Н. Selye определяет стресс как «состояние», проявляющееся специфическим синдромом, которое включает в себя все неспецифически вызванные изменения в биологической системе /35-Р.403/

ка, приобретая под влиянием различных внешних и внутренних факторов сложные межфункциональные связи, основывающиеся на совместной работе разных систем корковых зон головного мозга и других частей центральной нервной системы. Биологические и социально-психологические факторы играют далеко не равнозначную роль в происхождении отдельных видов состояния психической дезадаптации, наблюдаемых при пограничных формах психических расстройств. Каждый из этих факторов, в частности, может явиться толчком к началу невротической реакции и декомпенсации патологических черт личности, однако возможность возникновения пограничного состояния и особенности его течения будут определяться всей системой психической адаптации. Клинические наблюдения достаточно убедительно свидетельствуют о том, что психогенной ситуацией (социально-психологическими факторами) определяется прежде всего факт возникновения невротического расстройства; его же тип и форма во многом зависят от достаточно стабильного личностного своеобразия человека.

Таким образом, психогенный фактор лежит в основе возникновения как эмоционально-стрессовой, так и невротической реакции. Однако одно лишь определение психогении как ведущего звена развития этих патологических состояний высшей нервной деятельности у животных или психической дезадаптации у человека еще недостаточно без детализации качественного существа этого психогенного фактора.

Категория «эмоция» в течение длительного периода была исключена из поля зрения физиологических лабораторий. Множество причин лежало в основе этого:

1) трудности дефиниции содержания эмоции в физиологических или психологических естественно-научных понятиях;

2) не поддающиеся контролю и объективной количественной регистрации «психологические переменные» поведенческого процесса, отражающиеся в бесконечном разнообразии психологических понятий;

3) тенденция к трактовке эмоции как глобальной, унитарной концепции, затрудняющей ее превращение в проблему научного поиска и познания;

4) отсутствие адекватных теорий о роли эмоций как биологических конструкций, могущих быть изученными специфическими и повторно воспроизводимыми операциями;

5) сомнения по поводу существования (вплоть до отрицания) такой физиологической категории, как эмоция в качестве предмета объективного исследования. Сейчас уже не вызывает споров положение, что эмоции являются одной из форм психической деятельности, свойственной не только человеку, но и животным. Их изучение крайне важно в связи с проблемами поведения, механизмов воспроизведения и фиксации следов памяти, процессов соотношения соматических и вегетативных функций. Длительное эмоциональное напряжение является основой различных психосоматических заболеваний, а патологические эмоциональные состояния как проявление психопатологии служат мишенью действия психофармакологических средств. Научное развитие проблемы эмоций, исследование взаимоотношения эмоций и мотиваций может осуществляться только на рациональной методологической основе и при общебиологическом естественно-научном подходе. Такой основой является биологическая теория эмоций.

Психологические исследования больных с пограничными состояниями.⁴

Применение экспериментально-психологических методов, традиционно используемых в психиатрии, получило свое распространение на рубеже XIX—XX веков. Еще в 1907 г. В.М. Бехтерев описал ряд методических приемов «объективно-психологического исследования душевнобольных», подчеркивая, что эти методы не только дополняют и углубляют клинические наблюдения, но и в значительной мере их объективизируют в противовес субъективному мнению психиатра, базирующемуся на индивидуальном опыте.

Экспериментально-психологические методы, разработанные Г.И. Россолимо, А.Н. Бернштейном (1911, 1922), Л.С. Выгодским (1937), В.Н. Мясищевым (1935—1968), А.Р.

⁴ Написано совместно с Л.Н. Собчик.

Лурия (1963), Б.В. Зейгарник (1972), С.Л. Рубинштейн (1970) и многими другими отечественными психологами, явились тем методологическим базисом, на котором была построена отечественная патопсихология.

Если собственно психопатологические явления изучаются методом клинического наблюдения и расспроса больных, то экспериментальный метод в патопсихологии позволяет отделить причину того или иного явления от условий и дает возможность последовательно перейти от описания феноменов к анализу причин и механизмов симптомообразования. Причинно-следственные отношения в психопатологии не являются простыми, однозначными, и именно в процессе психологического эксперимента эти связи становятся более очевидными. Экспериментальный анализ каждого симптома в условиях психологического исследования позволяет обнаружить те условия, в которых этот симптом усиливается, ослабляется или меняется качественно.

В связи с тем что экспериментально-психологические методы оказались незаменимым подспорьем в оценке различных функций интеллекта — памяти, внимания, логического мышления, ассоциативных процессов, способности к обобщению, а также при изучении эмоционально-волевой сферы («уровень притязаний», «выбор ценностей», «самооценка»), они получили широкое распространение в клинической практике в качестве тонкого и достаточно объективного инструмента, позволяющего уточнять особенности психопатологического процесса, глубину психических нарушений и нарастающего личностного дефекта.

Однако в клинике пограничных психических расстройств психологические и особенно психодиагностические исследования необходимы не только как один из параклинических, вспомогательных методов, используемых для уточнения диагноза и учета эффективности проведенного лечения. Эти исследования приобретают характер глубокого многоуровневого изучения личностных свойств больного и его эмоционального состояния.

Психодиагностика представляет собой широкий спектр психологических тестов, направленных на исследование личностных свойств — эмоциональных особенностей, мотивации, интеллекта, стиля поведения, иерархии ценностей, социальной направленности индивида. Эти тесты отличает формализованный подход к оценке тех или иных психологических феноменов и стандартизация этих оценок в соответствии с нормативами определенной популяции. Психодиагностические методы широко используются в прикладных аспектах (дифференциальная диагностика, практическое консультирование, психотерапия), при этом реализуется тот специфический подход к изучению человека, который выявляет «диагностику состояния, свойств и возможностей» индивида. Это позволяет дифференцировать практическую работу «с каждым конкретным человеком в целях его воспитания и обучения, профилактики и лечения» (Ананьев Б.Г., 1980). Следует подчеркнуть, что психодиагностика весьма эффективно используется также в качестве тонкого психологического инструмента в научно-исследовательской работе как психологов, так и клиницистов разнообразных специализаций.

Ни в коей мере не подменяя клинического (психиатрического) диагноза, психодиагностика позволяет раскрыть массив «айсберга» внутриличностных проблем больного, лишь верхушка которого находится в поле зрения врача. То, что раскрывается в результате психодиагностического исследования, является сочетанием генетически заданной предрасположенности, конституционально обусловленного типа реагирования, свойств характера, оценки степени личностной зрелости, особенностей социально-психологических проблем и связи актуального состояния больного с психотравмирующими факторами, в числе которых нередко оказываются сложные межличностные отношения. Если эти аспекты не учитываются, то вряд ли может быть успешным лечение больного. Именно с помощью психодиагностических методов можно более полно подойти к реализации принципа «лечить не болезнь, а больного». Целостный подход, при котором биологические и социальные факторы рассматриваются в единстве, предполагает изучение психогенного воздействия как этиопатогенетического фактора. При этом он не может рассматриваться только с

точки зрения тяжести и длительности психогении. Объективно сильное психогенное влияние при равных условиях лишь у некоторых личностей приводит к неврозу. Это свидетельствует о важности такого фактора, как конституциональная predisпозиция и разная степень чувствительности к различным воздействиям. Значимость психогенных факторов варьирует у разных личностей в зависимости от иерархии ценностей и социальной направленности каждого человека.

Психодиагностические методы в процессе исследования с помощью разного по форме и содержанию стимульного материала опосредованно на основании чаще косвенных, чем прямых, признаков позволяют очертить целостный образ личности человека. Тесты, направленные на изучение структуры интеллекта, и методы, ориентированные на выявление эмоционально-личностных особенностей, в основном направлены на целостное восприятие личности обследуемого и оценку состояния или стрессоустойчивости.

Психодиагностические методы успешно разрабатывались в нашей стране в начале века в контексте научных концепций А.О. Лазурского (1911), С.Л. Рубинштейна (1935) и многих других, чьи имена неоправданно забыты. Некоторые из этих методов с конца 60-х возвращаются из-за рубежа. Прежде чем принять их на вооружение, отечественные психологи много поработали над их адаптацией, ревалидизацией и рестандартизацией, доказательством чего служат их многочисленные работы.

Сравнительный анализ феноменологических аспектов разных психодиагностических методов показал неоднозначность понимания сути многих психологических терминов, а также принципиальные различия у разных авторов в построении системы факторов, охватывающих те или иные аспекты личности. Это связано, в частности, с тем, что нет единой типологической классификации, которая шла бы не от эмпирического опыта психиатров или физиологов, а базировалась бы на психологическом подходе, идущем не от патологии, а от нормы.

Важной задачей, стоящей перед психологами, занимающимися изучением состояния больных с пограничными психическими расстройствами, является продуманный подбор методов психологического исследования, который можно было бы эффективно использовать не только для выявления индивидуально-типологической принадлежности отдельного больного, но и в целях оценки степени адаптированности, определения выраженности эмоциональных расстройств и уровня дезадаптации.

Как показал опыт, в качестве наиболее соответствующих **целям и задачам** такого исследования можно считать стандартизованный многофакторный метод исследования личности СМИЛ (адаптированный вариант широко известного теста ММРІ), МЦВ — модифицированный цветовой тест Люшера, ДМО — **метод диагностики** межличностных отношений (адаптированный опросник Т. Лири) (Собчик Л.Н., 1971, 1979, 1990, 1998). В дополнение к этим наиболее фундаментальным методикам при решении отдельных задач успешно могут использоваться рисуночные тесты и традиционные экспериментально-психологические методики, направленные на изучение интеллектуальных особенностей больных, памяти и внимания.

Метод диагностики межличностных отношений (ДМО) адресуется к осознанной самооценке обследуемым собственного стиля взаимодействия с ближайшим социальным окружением, позволяя также определить степень рассогласования между актуальным и идеальным «Я» индивида.

Таким образом реализуется системный подход, в котором психодиагностическое исследование охватывает разные уровни проявления индивидуально-личностных свойств — эмоционально-динамический, по сути отражающий конституциональные особенности индивида, характерологический, проявляющийся в определенном индивидуальном стереотипе поведения (переживания, стиль мышления, мотивационная направленность), и социально-личностный, определяемый иерархией ценностей (интериоризированной культурой популяции, морально-нравственными установками человека). В связи с тем что социально-личностный уровень жестко контролируется сознанием, он в большей степени

ориентирован на идеальное, чем актуальное, «Я» индивида и может носить декларативно-установочный характер. Поэтому указанные три уровня можно обозначить как бессознательный, субъективно переживаемый и декларативный.

Как показал анализ данных многолетнего психодиагностического исследования различных групп обследованных контингентов нормы, между показателями разных уровней имеется определенная преемственность. Канонический корреляционный анализ результатов исследований методами СМИЛ, МЦВ и ДМО обнаружил достоверные связи между факторами этих методик, выявив тем самым их феноменологическую близость, чем подтверждается общность почвы, на которой формируются разные по степени интегрированности уровни личности.

Эти данные, полученные в результате применения системного психодиагностического исследования, позволили выделить наиболее значимые формализованные показатели, достоверно связанные как с индивидуально-типологическими свойствами человека, так и с ведущим синдромом в структуре невротических расстройств (табл. 4).

Таблица 4. Формализованные показатели данных психодиагностического исследования при разных по степени выраженности невротических нарушениях

Ведущий синдром	Индивидуально-типологические особенности	Данные психодиагностических тестов		
		СМИЛ	МЦВ	ДМО
		ведущие шкалы	значимая позиция цвета	ведущий октант
Астеноипохондрический	Тревожность	1, 2, 3, 7	60, 71	VI (VII)
Истерический	Эмоциональная лабильность	3, 4	54	VIII
Циклотимический	Экстраверсия — интроверсия	2 или 9	41	I или V
Возбудимый (экспансивный)	Спонтанность	4	37	I
Эксплозивный	Агрессивность	6, 4	237	III
Шизотимный (паранойальный)	Индивидуалистичность — ригидность	6, 8	27, 52	II (IV)
Депрессивный	Пассивность — интроверсия	2, 0	05, 01	V
Психастенический	Сенситивность — мнительность	2, 7	06, 51	VI

Формализованные показатели психодиагностического исследования позволили выделить некоторые количественные критерии дифференциации пограничных психических расстройств, а также обнаружили существенные для понимания клинических и психологических особенностей закономерности (табл. 5).

Таблица 5. Динамические показатели психодиагностического исследования

Состояние	Показатель		
	СМИЛ	ДМО	МЦВ
Норма	В пределах 45—65 Т	В пределах 8 баллов нет рассогласованности «Я» реального и идеального	Предпочтение основных цветов, тревога не более 2 баллов. Собранная рабочая группа

Акцентуация характера или ситуативная напряженность	45—75 Т; 1—2 пика при нормативном разбросе других шкал	10—12 баллов, несогласованность реального и идеального в 3—4 балла	Один из ахроматических эталонов на одной из первых позиций
Динамика: акцентуация не обнаруживает значительного изменения показателей; эмоциональная напряженность в динамике нормализуется			
Невротическая реакция или невроз	В пределах 40—100 Т с 3—4 ведущими шкалами (1-я, 2-я, 3-я, 7-я шкалы)	Преобладание V, VI, VII или VIII октантов; выраженное рассогласование «Я» реального и идеального	На первых позициях 60, 67; 6 или 06; основные цвета на последних позициях. Рабочая группа разбита или сдвинута
Динамика: невротическая реакция — тенденция к нормализации в динамике; невроз — незначительная динамика с сохранением общих тенденций			
Невротическое (н.р.) или патохарактерологическое (п.р.) развитие	В пределах 40—90 Т 5—7 шкал; при н.р. ведут 1-я, 2-я, 3-я, 7-я шкалы при п.р. — 4-я, 6-я, 9-я	Выраженность показателей полярных октантов до 16 баллов	Сочетание ахроматических и основных цветов на первых позициях. Рабочая группа разбита
Динамика: стабильность показателей в обоих случаях.			

Если рассматривать данные психодиагностического исследования в «поперечном» разрезе, т.е. на момент обследования, трудно обнаружить достоверные различия в оценке структурных особенностей и степени выраженности эмоциональных проявлений у лиц с акцентуацией характера и у больных с невротическими реакциями. Различия выявляются лишь в динамическом исследовании: у акцентуированных личностей динамика незначительна, в то время как невротические реакции, как правило, достаточно быстро угасают. Весьма близкими по количественным критериям, обнаруживающим степень нарушения адаптации, оказались данные, полученные у больных с клинически верифицированным диагнозом невротических и патохарактерологических развитии личности. И в том, и в другом случае отмечались высоко расположенные профили СМИЛ, отражающие смешанный тип реагирования, дисгармоничные сочетания цветовых эталонов, выявляющих хроническую дезадаптацию, противоречивость самооценки, выраженную задействованность защитных и компенсаторных механизмов. Вместе с тем можно также заметить определенные различия. В частности, при невротическом развитии личности выявлены преобладание пассивной позиции, признаки избыточного самоконтроля, реакции гипостенического типа и снижение уровня социальной активности. При патохарактерологическом развитии личности обнаружены тенденции к несколько более активной позиции, внешнеобвиняющий тип реагирования, стремление к противодействию средовым влияниям, т.е. некоторое преобладание признаков стенического реагирования.

В целом данные психодиагностического исследования способствуют более глубокому постижению личностной predisпозиции к невротическому срыву и выявлению психологических проблем отдельного больного, отражающих сложное взаимодействие внешних условий с внутренней индивидуально очерченной спецификой, которая определяет уровень и динамику тревоги как стержневой характеристики состояния при невротических расстройствах, способы ее компенсации и варианты защитных механизмов.

Изложенный методический подход к психодиагностическим исследованиям может служить в определенной мере подспорьем для дифференцированной оценки характера и выраженности невротических расстройств. В то же время для психологов применение методов психологической диагностики в соответствии с приведенной выше личностной типологией и интерпретационной и т.д.

Критерии (называются Критерии психопатий Ганнушкина— Кербикова), которые

позволяют оценить степень выраженности характера и решить, насколько это еще норма или уже патология:

Характер можно считать патологическим, т. е. расценивать как психопатию, если он относительно стабилен во времени, т. е. мало меняется в течение жизни. "

Этот **первый признак**, по мнению А. Е. Личко, хорошо иллюстрируется поговоркой: «Каков в колыбельке, таков и в могилку».

Второй признак — тотальность проявлений характера: при психопатиях одни и те же черты характера обнаруживаются всюду: и дома, и на работе, и на отдыхе, и среди знакомых, и среди чужих, короче говоря, в любых обстоятельствах. Если же человек, предположим, дома один, а «на людях» — другой, **акцентуации** проявляются не всегда и не везде, то это не патология, не психопатия.

Наконец, **третий** и, пожалуй, самый важный признак психопатий — это **социальная дезадаптация**. Последняя заключается в том, что у человека постоянно возникают жизненные трудности, причем эти трудности испытывает либо он сам, либо окружающие его люди, либо и тот и другие вместе. Если же особенности характера не препятствуют удовлетворительной социальной адаптации, тем более, если даже способствуют адаптации — это **акцентуация, а не психопатия**

В случае акцентуаций характера может не быть ни одного из перечисленных выше признаков психопатий, по крайней мере никогда не присутствуют все три признака сразу. Отсутствие первого признака выражается в том, что акцентуированный характер не проходит «красной нитью» через всю жизнь. Обычно он обостряется в подростковом возрасте, а с повзрослением сглаживается. Второй признак — тотальность — также не обязателен: черты акцентуированных характеров проявляются не в любой обстановке, а только в особых условиях. Наконец, социальная дезадаптация при акцентуациях либо не наступает вовсе, либо бывает непродолжительной. При этом поводом для временных разладов с собой и с окружением являются не любые трудные условия. (как при психопатиях), а условия, создающие нагрузку на место наименьшего сопротивления характера.

Если черта характера зашкаливает так, что постоянно мешает жить и тебе, и другим, — это психопатия, или расстройство личности. Это область психиатрии.

Менее выраженные случаи называются Акцентуация характера. Тут черта характера может быть не так ярко выражена, как при психопатии, она больше мешает жить самому человеку, чем окружающим, но все же бросается в глаза, расценивается людьми как особенность или даже как странность. Явная акцентуация в быту называется — Психопат (не путать с Психопатией как расстройством личности).

Такое разграничение неточно, приблизительно, тут нет четких границ. И все же если какой-то человек готов наступить «на горло собственной песне», чтобы достичь своей заветной цели и стать лидером в городе или стране или знаменитостью на подмостках, то мы скажем, что это паранойяльный рисунок личности. А если некто наступает на горло своим друзьям, детям, жене, заставляя их работать на то, чтобы он стал лидером, то это уже паранойяльная акцентуация. А когда кто-то уже идет по судьбам многих людей, превращая их в средство, в «тесто» свирепой истории, — тут явная паранойяльная психопатия. Но еще раз: все это очень приблизительно, и можно легко ошибиться. Грани подвижны. Рисунок личности — это психотип в норме, психопат — это психопатический психотип. Акцентуация — посредине.

Психопатия проявляется патологическими чертами характера, дисгармонией личности, нарушениями эмоциональной и волевой сфер, нарушением адаптации личности в обществе. Дисгармоничность, неуравновешенность личности определяет особенности психической деятельности. Интеллект существенно не страдает.

Паранойяльный тип. Основная черта — склонность к образованию сверхценных идей (собственной значимости, изобретательства, ревности, сутяжничества и др.). Находясь полностью под властью этой идеи, направляет на реализацию ее все свои силы. При этом все факты, опровергающие правильность этой идеи или не подтверждающие ее, от-

брасываются или не принимаются во внимание. Попытки разубедить приводят к усилению его убежденности в правильности его идей и необходимости реализации намеченных действий. Эти люди обычно подозрительны, застревают на мелочах, обидах, склонны к мести Мышление паранойяльных личностей характеризуется инертностью, обстоятельностью. Они весьма склонны к конфликтам, сутяжничеству

Гипертимный тип. Такие подростки отличаются почти всегда хорошим, даже слегка повышенным настроением, высоким жизненным тонусом, брызжущей энергией, неудержимой активностью, постоянным стремлением к лидерству, притом неформальному. Хорошее чувство нового сочетается с неустойчивостью интересов, а большая общительность с неразборчивостью в выборе знакомств. Легко осваиваются в незнакомой обстановке, но плохо переносят одиночество, размеренный режим, строго регламентированную дисциплину, однообразную обстановку, монотонный и требующий мелочной аккуратности труд, вынужденное безделье. Склонны к переоценке своих возможностей и к чрезмерно оптимистическим планам на будущее. Стремление окружающих подавить их активность и лидерские тенденции нередко ведет к бурным, но коротким вспышкам раздражения. Самооценка нередко неплохая, но часто стараются показать себя более конформными, чем это есть на самом деле

Циклоидный тип. Встречается только в виде акцентуаций характера. При патологическом уровне развивается одна из форм нервно-психического расстройства - циклотимия. При циклоидной акцентуации фазы гипертимности и субдепрессии выражены не резко, обычно кратковременны (1-2 недели) и могут перемежаться длительными интермиссиями. В субдепрессивной фазе падает работоспособность, ко всему утрачивается интерес, подростки становятся вялыми домоседами, избегают компании. Неудачи и даже мелкие неурядицы тяжело переживаются Серьезные нарекания, особенно унижающие самолюбие, способны навести на мысли о собственной неполноценности и ненужности и подтолкнуть к суицидальному поведению. В субдепрессивной фазе также плохо переносятся крутая ломка стереотипа жизни (переезд, смена учебного заведения и т.п.). В гипертимной фазе циклоидные подростки не отличаются от гипертимов. Самооценка формируется постепенно по мере накопления опыта "хороших" и "плохих" периодов. У подростков она нередко бывает еще неточной.

Лабильный тип. Главная черта этого типа - крайняя изменчивость настроения, которое меняется слишком часто и чрезмерно круто от ничтожных и даже незаметных для окружающих поводов. От настроения момента зависит и сон, и аппетит, и работоспособность, и общительность. Чувства и привязанности искренни и глубоки, особенно к тем лицам, кто сами к ним проявляют любовь, внимание и заботу. Велика потребность в сопереживании Тонко чувствуют отношение к себе окружающих даже при поверхностном контакте. Всякого рода эксцессов избегают. К лидерству не стремятся. Тяжело переносят утрату или эмоциональное отвержение со стороны знакомых лиц Самооценка отличается искренностью и умением правильно подметить черты своего характера

Астено-невротический тип. Также встречается только в виде акцентуации характера Патологический уровень проявляется чаще всего развитием неврозов в виде неврастении. Главными чертами является повышенная утомляемость, раздражительность и склонность к ипохондричности. Утомляемость особенно проявляется при умственных занятиях и в обстановке соревнований. При утомлении аффективные вспышки возникают по ничтожному поводу. Самооценка обычно отражает ипохондрические установки

Сенситивный тип. У этого типа две главные черты - большая впечатлительность и чувство собственной неполноценности. В себе видят множество недостатков, особенно в области качеств морально-этических и волевых. Замкнутость, робость и застенчивость выступают среди посторонних и в непривычной обстановке. С незнакомыми трудны даже самые поверхностные формальные контакты, но с теми, к кому привыкли, бывают достаточно общительны и откровенны. Ни к алкоголизации, ни к делинквентности склонности не обнаруживают. Непосильной оказывается ситуация, где подросток оказывается объек-

том неблагожелательного внимания окружения, когда на его репутацию падает тень или он подвергается несправедливым обвинениям. Самооценка отличается высоким уровнем объективности

Психастенический тип. Главными чертами являются нерешительность, склонность к рассуждательству, тревожная мнительность в виде опасений за будущее - свое и своих близких, склонность к самоанализу и легкость возникновения навязчивостей. Черты характера обычно обнаруживаются в начальных классах школы - при первых требованиях к чувству ответственности. Отвечать за себя и особенно за других бывает самой трудной задачей. Защитой от постоянной тревоги по поводу воображаемых неприятностей и несчастий служат выдуманные приметы и ритуалы. Нерешительность особенно проявляется, когда надо сделать самостоятельный выбор. Алкоголизация и делинквентность не присущи. В самооценке встречается тенденция находить у себя черты разных типов, включая совершенно несвойственные.

Шизоидный тип. Главными чертами являются замкнутость и недостаток интуиции в процессе общения. Трудно устанавливать неформальные, эмоциональные контакты - эта неспособность нередко тяжело переживается. Быстрая истощаемость в контакте побуждает к еще большему уходу в себя. Недостаток интуиции проявляется неумением понять чужие переживания, угадать желания других, догадаться о невысказанном вслух. К этому примыкает недостаток сопереживания. Внутренний мир почти всегда закрыт для других и заполнен увлечениями и фантазиями, которые предназначены только для услаждения самого себя, служат утешению честолюбия или носят эротический характер. Увлечения отличаются силой, постоянством и нередко необычностью, изысканностью. Богатые эротические фантазии сочетаются с внешней асексуальностью. Алкоголизация и делинквентное поведение встречаются нечасто. Труднее всего переносятся ситуации, где нужно быстро установить неформальные эмоциональные контакты, а также насильственное вторжение посторонних во внутренний мир. Самооценка обычно - неполная: хорошо констатируется замкнутость, трудность контактов, непонимание окружающих, другие особенности подмечаются хуже. В самооценке иногда подчеркивается неконформизм.

Эпилептоидный тип. Главной чертой является склонность к состояниям злобно-тоскливого настроения с постепенно накапливающим раздражением и поиском объекта, на котором можно было бы сорвать зло. В этих состояниях обычно связана аффективная взрывчатость. Аффекты не только сильны, но и продолжительны. Большим напряжением отличается инстинктивная жизнь. Любовь почти всегда окрашена ревностью. Алкогольные опьянения часто протекают тяжело - с гневом и агрессией. Лидерство проявляется стремлением властвовать над сверстниками. Неплохо адаптируются в условиях строгого дисциплинарного режима, где стараются подольститься к начальству показной исполнительностью и завладеть положением, дающим власть над другими подростками. Инертность, тугоподвижность, вязкость накладывают отпечаток на всю психику - от моторики и эмоций до мышления и личностных ценностей. Мелочная аккуратность, скрупулезность, дотошное соблюдение всех правил, даже в ущерб делу, допекающий окружающих педантизм обычно рассматриваются как компенсация собственной инертности. Самооценка обычно однобокая: отмечается приверженность к порядку и аккуратности, нелюбовь к пустым мечтаниям и предпочтение жить реальной жизнью; в остальном обычно представляют себя гораздо более конформными, чем есть на самом деле.

ТЕМА: 5 ПСИХОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА.

1. Основные психологические категории и положения значимые и используемые юристами в гражданском деле: интерес, продуктивность памяти, прение сторон, принцип состязательности, фактор внушения, используемая терминология, паравербальные средства воздействия, «порок воли» ситуация мнимого конфликта.

2. Ситуация притворного конфликта. Ситуация притворного конфликта. Общая

схема развития конфликта применительно к гражданскому делу. Пути и формы разрешения конфликта.

3. Общие направления урегулирования конфликта. Моральный вред в гражданском деле.

4. Психические состояния, имеющие значение для рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде

5. Виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе

Лекция читается 4. 5 вопросу

Понятие психических состояний.

Психические состояния – это настройка организма на определенный режим работы, сохраняющаяся на относительно длительном промежутке времени. По сути это процессы, пролонгированные во времени. Они выполняют функцию настройки системы психики и организма к выполнению какой-либо деятельности.

Особый интерес представляют эмоциональные состояния. **Эмоциональные состояния** налаживают общий фон психической деятельности, нередко самым радикальным образом изменяя его, поэтому в практике борьбы с преступностью при решении вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности, назначением наказания, изучением мотивационной сферы личности субъекта, необходимо учитывать состояние, в котором находился человек. В отдельные статьи закона были вынесены преступления, совершенные в особом психическом состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, или *аффекта* (ст. 107, 113 УК РФ). Необычное состояние психики виновного в момент совершения им преступления в некоторых случаях может учитываться судом в качестве смягчающего обстоятельства, закон не запрещает этого (ст. 61 УК РФ). При разрешении гражданско-правовых споров в ряде случаев следует также оценивать влияние различных эмоциональных состояний на поведение сторон в некоторых конфликтных ситуациях.

Разновидности психических состояний. В рамках юридической психологии особо важное значение имеют следующие психические состояния: тревога, страх, стресс, фрустрация, опьянение, аффект.

Тревога – состояние психической напряженности, вызванное рядом факторов, которые не осознаются человеком. Состояние тревоги сообщает об опасности, источник которой не определен.

Признаками тревожного состояния являются изменения стратегий поведения, моторики движений, мимики, речи, функционирования внутренних органов, частоты сердечных сокращений, артериального давления, ритма дыхания, интенсивности потоотделения, нарушения режима сна и бодрствования. Состояние повышенной тревожности, неопределенности отрицательно влияет на критическое осмысление сложившейся ситуации, лишает участника правоотношений возможности обдумать ситуацию и сознательно принять решение.

Пережитое состояние тревоги возможно учитывать при рассмотрении ряда уголовных и гражданских дел. Это состояние принимают во внимание в уголовном судопроизводстве при оценке психического состояния виновного в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (см., например, п. «е» ч. 1, ч. 2 ст. 61 УК РФ), при расследовании уголовных дел, связанных с самоубийствами, а также при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с компенсацией морального вреда гражданину, перенесшему нравственные и физические страдания (ст. 151, 1101 ГК РФ).

Состояние тревоги служит фактором, вызывающим страдания у потерпевшего, в связи с чем следует обратить внимание на содержание ст. 117 УК РФ, предусматривающей уголовное наказание за истязание. Одним из составных элементов истязаний закон признает психические страдания, которые могут быть обусловлены состоянием тревоги, являющейся следствием различных насильственных действий, в том числе и психического

характера, например в виде угроз физической расправы, похищения близких. Поэтому установление факта, что потерпевший в результате этих действий подсудимого пережил состояние сильной тревоги, послужившей причиной его психических страданий, может служить одним из доказательств виновности последнего по ст. 117 УК РФ.

Состояние тревожности может быть определено как по чисто внешним, поведенческим признакам, так и при помощи специального психологического инструментария – психологических тестов.

Близким по психологическому содержанию является состояние страха.

Страх– состояние психической напряженности, сигнализирующее о неизбежно надвигающейся опасности, причем эта опасность осознается человеком и может быть четко определена.

Состояние страха, как и состояние тревоги, во многом связано с индивидуальными особенностями человека: наследственностью и типом нервной системы, приобретенными в процессе жизни, начиная с раннего детского возраста, чертами характера, а также возрастом. Иными словами, подверженность эмоции страха индивидуальна – одни люди больше склонны испытывать это чувство, другие – меньше.

Но есть и объективные причины, способные вызывать подобное состояние. Одной из распространенных причин, вызывающих у человека страх, является также физическая боль и прогнозируемые в связи с ней негативные последствия для его жизни, здоровья. Боль может вызывать физические страдания, которые в еще большей степени усугубляются страхом.

Внешними, поведенческими проявлениями, своего рода индикаторами сильного страха являются: испуганное выражение лица, напряжение мышц, скованность движений и двигательные расстройства, нарушения поведения и совершение бесцельных, панических, малоэффективных действий. Субъективные переживания страха могут выражаться в расстройстве познавательных процессов: снижении уровня и остроты восприятия, искажении оценки расстояния между предметами, их размеров и формы, нарушении мышления, которое становится более узким по объему и более ригидным по содержанию, памяти – воспоминания о пережитом становятся фрагментарными, отрывочными. Сознание носит суженный характер, в результате чего пострадавшие испытывают растерянность, ощущают оглушенность, не понимают до конца, что происходит. Некоторые люди в состоянии сильного страха ощущают тошноту, головокружение, частые позывы к мочеиспусканию, теряют сознание.

Установление состояния страха у потерпевшего играет роль при рассмотрении в суде уголовных дел о преступлениях, содержащих угрозу, запугивание, при разрешении гражданско-правовых споров о признании недействительности сделок, совершенных под влиянием угрозы, заблуждения, когда лицо не было способно понимать значение своих действий или руководить ими. Доказательством при рассмотрении дела может явиться факт того, что потерпевший или гражданский истец действительно пережил состояние страха.

Состояние страха, пережитое человеком, возможно учитывать при решении вопросов, связанных с компенсацией морального вреда гражданину, оценкой степени физических и нравственных страданий (ст. 151, 1101 ГК РФ). В необходимых случаях установление с помощью судебной психологической экспертизы факта, что пострадавший пережил эмоции страха, равно как и состояние сильной тревоги, может быть признано в качестве доказательства причинения ему нравственных страданий.

Определение состояния страха имеет немаловажное значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья граждан в ходе доказывания неосторожной формы вины, внезапно возникшего сильного душевного волнения, или аффекта, или иного временного особого состояния психики в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Особой разновидностью страха на уровне пограничных состояний психики, неврозов, психозов являются

фобии– навязчивый страх мнимой угрозы. В случае же полной утраты критического отношения к подобного рода страхам, понимания их неадекватности сложившейся ситуации и неразумности своих опасений речь уже может идти о том, что у субъекта проявляются признаки бреда, причиной которого обычно служит более серьезное расстройство или заболевание психики.

Стресс– состояние длительно переживаемой эмоции тревоги или страха, приводящее к сильному психическому напряжению и в результате к перестройке всех психических и физических систем. Эти понятия характеризуют особенности психической деятельности, функционирования психики человека в сложных, экстремальных условиях. Экстремальные условия требуют качественно другого режима работы всех систем организма, поэтому стресс рассматривается как адаптивный, приспособляющий психофизиологический механизм. Такими условиями могут быть как обстоятельства, связанные с совершением противоправных действий, так и сама процедура расследования, вызывающая состояние психической напряженности не только у обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, но порой и у следователя, прокурора, адвоката, судьи.

Стресс может возникать под воздействием монотонности трудового процесса, длительной изоляции, одиночества, межличностных конфликтов, реально воспринимаемой человеком угрозы его жизни, здоровью, благополучию, а также аналогичной угрозы его родным и близким. Физическими стрессорами могут быть высокие температуры, различного вида промышленные интоксикации, шумы.

Отличительной чертой стресса является то, что его признаки можно определить не только психологическими, но и психофизиологическими средствами,– под действием стрессобразующих факторов в организме вырабатываются «гормоны стресса», которые попадают в кровь и могут быть выявлены биохимическим путем.

Возникая, стресс первоначально мобилизует внутренние резервы психики, всего организма человека, его приспособительные возможности, волевую, познавательную активность. За счет этого улучшаются показатели выполнения субъектом не только простых, но и более сложных задач. Именно в этом проявляется мобилизирующий эффект стресса. Однако при длительном воздействии неблагоприятных факторов защитные, адаптационные ресурсы организма истощаются. Затяжной стресс приводит к отрицательному результату – оказывает разрушительное влияние на организм и психику.

Состояние стресса необходимо учитывать при рассмотрении гражданско-правовых споров о признании недействительности заключенной сделки. Законом оговорен случай заключения сделки «... гражданином хотя и дееспособным, но находившемся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий...» (п. 1 ст. 177 ГК РФ), а также под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ). В данной ситуации может возникнуть необходимость в психологических знаниях о стрессе, чтобы разобраться в причинах того, почему субъект согласился заключить на явно невыгодных для него условиях сделку, лишившись способности прогнозировать неблагоприятные последствия этого.

При оценке суицидных поступков, поведения потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, когда есть основания полагать, что потерпевшая могла находиться в психически беспомощном состоянии (ст. 131, 132 УК РФ), необходимо учитывать тот факт, что в стрессовом состоянии у человека заметно затрудняется оценка силы угрожающего фактора. Об этом состоянии необходимо также помнить при расследовании преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны, и производственных катастроф, связанных с деятельностью человека-оператора в экстремальных условиях.

Посттравматические стрессовые расстройства. К особому виду стрессовых расстройств относятся так называемые

Посттравматические стрессовые расстройства. Их характерная особенность состоит в том, что они возникают в экстремальных условиях, охватывая большое число лю-

дей, когда их жизнь, здоровье и благополучие подвергаются серьезной, нередко смертельной опасности вследствие воздействия на них ряда психотравмирующих факторов, причем люди не могут избежать травмирующей ситуации и продолжают находиться в ней длительное время.

Посттравматические стрессовые расстройства могут быть вызваны факторами внешнего воздействия, выходящими за пределы привычного человеческого опыта: природными катаклизмами, экологическими катастрофами, боевыми действиями, вооруженными нападениями, терактами, они могут быть спровоцированы воздействием ионизирующей радиации, отравляющих веществ. Психологические расстройства, возникающие в данных условиях, имеют глубинный характер и способны сохраняться в течение очень длительного времени, а порой и откладывают на личность пожизненный отпечаток.

Совокупность изменений, происходящих в описанных условиях, носит название **посттравматического стрессового синдрома**. Его отличительными чертами являются переживание людьми состояний тревоги и страха, депрессивное состояние, апатия, подавленность, порой сменяющиеся приступами ярости; после выхода из травмирующей ситуации могут сохраниться необоснованная боязнь преследования, депрессия, страх.

Еще одним из состояний, имеющих значение для рассмотрения гражданских и уголовных дел, является **фрустрация** (от лат. frustration – провал, неудача, срыв) – особое психическое состояние, вызванное невозможностью достичь желаемого в силу объективно непреодолимых обстоятельств или обстоятельств, субъективно воспринимаемых как непреодолимые. Это состояние также называют «стрессом рухнувшей надежды».

Описываемая реакция возникает в условиях конфликта как следствие противоречия между неудовлетворенными желаниями и существующими ограничениями, причем ограничения могут носить как внешний (запреты, пространственное или временное ограничение), так и внутренний характер (противоречия между желанием или способом достижения цели и морально-нравственными нормами человека). Это состояние по сути есть результат постановки перед человеком нерешаемой либо двойственной, противоречивой задачи, ситуации, в которой в любом случае придется чем-то пожертвовать.

Реакция человека на фрустрирующую ситуацию может проявляться различным образом, но это состояние сильно изменяет остальные чувства, способы поведения, ход мыслей человека. В эксперименте была искусственно создана ситуация, позволившая смоделировать это состояние. Группе испытуемых была предложена нерешаемая задача, и они были замотивированы на ее обязательное решение. Задача состояла в том, что испытуемые должны были без помощи каких-либо подручных средств достать удаленный от них на значительное расстояние предмет, не переступая меловой черты, нарисованной на полу лаборатории. Реакции на эту фрустрирующую ситуацию были самыми разнообразными, что позволило выделить несколько ведущих типов: **бегство** – испытуемые отказывались решать задачу, не предпринимали никаких действий, проявляли апатию, отказывались обсуждать пути решения; **агрессия** – испытуемые злились, ругались, срывали зло на экспериментаторе и других участниках эксперимента; **фантазмагории решения** – испытуемые предлагали фантастические пути решения задачи, не могущие быть воплощенными в реальность; **признание собственной некомпетентности** – испытуемые отказывались от дальнейшего участия в эксперименте, ссылаясь на отсутствие знаний и сил.

В реальных условиях ситуация фрустрации дестабилизирует психическую деятельность, что проявляется в нарушениях координации усилий, направленных на достижение цели, в когнитивной ограниченности, из-за которой субъект не видит альтернативных путей решения задачи, невозможности отложить свои планы и переключиться на другую задачу, эмоциональном возбуждении, аффективно окрашенных агрессивных действиях и частичной утрате контроля над собой и ситуацией.

В ситуациях, порождающих фрустрацию, типичными эмоциональными реакциями являются: агрессия, в том числе в виде так называемых замещающих действий, т. е. действий, направляемых на посторонние объекты; депрессия, сопровождаемая беспочвенны-

ми самообвинениями, которые могут перерасти в аутоагрессию с попытками самоубийства, причинения себе боли, увечий. При этом агрессивные действия могут перемещаться на другой, близкий к первоначальному раздражителю либо даже на случайный объект. Именно здесь следует искать ключ к разгадке агрессивного поведения человека, отличающегося непонятной для окружающих с точки зрения здравого смысла неадекватностью, немотивированностью.

Индивидуальная толерантность, устойчивость к фрустрации в значительной степени зависит от характера человека. Реакции агрессивного характера, связанные с фрустрацией, чаще наблюдаются у людей, не сдержанных в проявлении эмоций, с недостатком развития воли, психически неустойчивых.

Депрессивные реакции при фрустрации более распространены у лиц невротического склада, неуверенных в себе, тревожных и мнительных по складу своего характера. Деструктивное воздействие фрустрации на поведение может усугубляться употреблением алкоголя.

С усилением фрустрации усиливается агрессия. В подобных ситуациях действия виновного могут сопровождаться **аффективно окрашенными эмоциями гнева**, импульсивными, беспорядочными действиями агрессивного характера. Фрустрация может рассматриваться как одна из причин, объясняющая агрессивное поведение виновного.

Фрустрация не является поводом к освобождению виновного от ответственности за совершенное преступление, но может рассматриваться как смягчающее обстоятельство, когда фрустрирующие условия были созданы неправомерными действиями потерпевшего. Законодатель предоставил судам такую возможность (ч. 2 ст. 61 УК РФ). В ряде случаев знание психологических предпосылок возникновения фрустрации помогает понять причины, побудительные силы, скрытые мотивы некоторых опасных насильственных преступлений против личности, которые по своей жестокости на первый взгляд могут показаться безмотивными.

Состояние алкогольного или наркотического опьянения характеризуется нарушениями сознательной, мыслительной, двигательной деятельности, а также памяти, речи, восприятия. Состояние опьянения практически непредсказуемо – то, каким образом химическое вещество повлияет на психическую деятельность человека, является одним из неразрешимых вопросов психофизиологии. Наиболее непредсказуемо эмоциональное состояние лиц, употребивших алкоголь или наркотики: у них может развиваться самый широкий спектр состояний – от депрессии до эйфории, от апатии до агрессии.

Аффект – это стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может вызвать не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии. Понятие аффекта наряду с понятием внезапно возникшего сильного душевного волнения введено законодателем в правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за убийство и нанесение тяжких и средней тяжести телесных повреждений, чтобы дифференцировать эти деяния от умышленно совершенных (ст. 107, 113 УК РФ).

Аффект – одно из эмоциональных состояний, на которое давно обращено внимание юристов. Именно аффекты по преимуществу связаны с шоками – потрясениями, выражающимися в дезорганизации деятельности. Аффект может являться следствием эмоционального срыва как результата длительного воздействия состояния эмоциональной напряженности, тревоги, стресса, страха, фрустрации. Он развивается в критических условиях, при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, травмирующих, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций. Отметим, что законодатель делает акцент на провоцирующей стороне деятельности потерпевшего, когда его противоправные действия приводят к совершению убийства или нанесению жертве тяжких телесных повреждений.

Аффект является психическим состоянием, временно дезорганизующим психическую деятельность индивида, в результате чего он оказывается временно невменяемым

или ограниченно вменяемым. Дезорганизирующая роль аффекта может отражаться на работе сознания, мышления, памяти, речи, моторики движений – на всех основных психических процессах и образованиях.

Одно из функциональных проявлений аффекта заключается в том, что он навязывает субъекту стереотипные действия, представляющие собой определенный закрепившийся в эволюции способ «аварийного» разрешения ситуаций: бегство, оцепенение, агрессию. Известно, что и другие ситуативные эмоции, такие как возмущение, гордость, обида, ревность, тоже способны «навязать» человеку определенные поступки, причем даже когда они для него нежелательны. По сути дела, любая сильная эмоциональная реакция, вышедшая из-под контроля сознания и воли, может приобрести аффективную форму.

Различают две формы аффекта: физиологический, или психологический, аффект и аффект патологический.

Психологический аффект, несмотря на необычную форму выражения, – нормальное психическое явление. Его следует отличать от патологического аффекта, который изучается в психиатрии.

Квалификационные признаки аффекта проявляются через его дезорганизирующие психику свойства и заключаются в следующем.

1. Дезорганизация моторного аспекта деятельности. В аффективном состоянии в моторную деятельность вклиниваются произвольные, органически детерминированные реакции. Действия становятся интенсивными, но однотипными и неточными. Психика как бы стремится «пробить» стрессовые условия, повторяя одни и те же действия. Возникновение подобного рода действий объясняется эволюционно. Однако одни и те же стереотипные действия не могут быть одинаково пригодными для всех ситуаций, поэтому аффективные реакции, сложившиеся в эволюции для разрешения наиболее часто встречающихся затруднений, оправдывают себя лишь в типичных биологических условиях – при прямой угрозе жизни. Именно этим объясняется часто наблюдаемая бессмысленность или даже вредность действий, управляемых аффектом. Под действием аффекта используются резервные силы организма, происходит полная мобилизация всех физических сил, что приводит к проявлению необычных, почти «сверхъестественных» способностей организма. Так, люди под влиянием сильных эмоций способны выламывать металлические иллюминаторы самолетов при авиакатастрофах, преодолевать серьезные препятствия во время землетрясений, поднимать большие тяжести, т.е. совершать действия, которые в нормальном состоянии невозможны. В некоторых случаях потерпевшие под влиянием аффективного состояния способны оказывать сопротивление преступникам, намного превосходящим их по физической силе.

Чрезмерная интенсивность действий, их стереотипность и неуправляемость способны создать картину совершения преступления (убийства или нанесения телесных повреждений) с особой жестокостью. Хаотичный характер множества повреждений, нанесенных жертве человеком, доведенным до аффективного состояния, должен быть дифференцирован от факта реального сознательного насилия.

2. Кратковременный, взрывной характер эмоциональной разрядки. Аффект есть кратковременный процесс: высокая концентрация сил не позволяет этому состоянию длиться долго. Продолжительность его оценивается как промежуток времени от нескольких секунд до нескольких минут. Потом наступает постаффективное истощение нервной системы, которое сопровождается упадком сил, снижением активности, состоянием оглушенности, заторможенностью, сонливостью.

3. Субъективная внезапность. Аффект возникает неожиданно для переживающего его человека. Невозможно предчувствовать или предвидеть его наступление. Он охватывает человека внезапно, помимо его свободной воли и на небольшой промежуток времени. Субъективная внезапность характеризует также неуправляемость этого стремительно развивающегося эмоционального состояния.

4. Специфические изменения сознания. Аффективное состояние выражается в за-

торможенности сознательной деятельности. В состоянии аффекта человек фактически «теряет голову», нарушаются сознательный контроль, волевая функция. Аффективное действие не намеренно, оно как бы «вырывается» у человека и не регулируется им. Именно поэтому аффект, или сильное душевное волнение, рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. Суженность сознания проявляется в концентрации мышления на аффективно окрашенных переживаниях, вследствие чего субъект отслеживает лишь ближайшие цели и принимает неадекватные решения.

Он оказывается как бы оторванным от событий прошлого и планов на будущее, смысл его действий становится сиюминутным, в ущерб собственным интересам и планам. Это приводит к последующему осознанию содеянного, сожалению о содеянном и искреннему раскаянию. Нередко обвиняемый, совершивший убийство, причинивший телесные повреждения в состоянии аффекта, искренне сожалея о случившемся, стремится сам оказать помощь своей жертве, причем эта помощь также зачастую носит сумбурный, неадекватный ситуации и содеянному характер.

5. Снижение эмоционально-волевой регуляции, самоконтроля. Аффект имеет особое уголовное правовое значение в силу того, что радикальным образом нарушает нормальную психическую деятельность, в том числе и волевую регуляцию. Считается, что у человека в состоянии аффекта нет возможности справиться с накопившимся нервно-психическим напряжением. Аффект называют физиологическим, потому что он имеет конкретную основу в деятельности нервной системы и является нормальным, естественным состоянием. На уровне нервных процессов происходит следующее: очаг возбуждения, созданный сильным эмоциональным переживанием, иррадирует, волна возбуждения «заливает» кору головного мозга. Снижение (или потеря) волевого контроля над собственными действиями является одним из основных квалифицирующих признаков аффекта.

6. Изменения, затрагивающие когнитивные процессы. Состояние аффекта сопровождается изменением внимания и памяти. Внимание сужается, в его сферу попадают лишь немногие объекты, имеющие отношение к непосредственно переживаемым человеком острым чувствам, вся остальная информация психикой игнорируется. Внимание становится плохо переключаемым: человек как бы «застревает» на происходящем событии и не может отвлечься. Изменяется восприятие пространства и времени: человек либо не способен определить временной промежуток, в течение которого он находился в состоянии аффекта, либо воспринимает его как более длительный. Расстояния до объектов также порой оцениваются неверно. Претерпевает изменения и память: как правило, аффект сопровождается частичной амнезией – невозможностью последовательно и в полном объеме восстановить картину произошедшего. Подобные изменения характерны и для фазы постаффективного истощения.

7. Внешне наблюдаемые признаки. Состояние аффекта возникает и длится на фоне радикальной перестройки деятельности всего организма, поэтому оно имеет внешние признаки, проявляющиеся за счет изменений деятельности вегетативной нервной системы. К ним относятся изменения кровяного давления, частоты сердечных сокращений, глубины и частоты дыхания. Изменение режима кровообращения вызывает изменения цвета кожных покровов лица – покраснение или побледнение, изменение дыхания влияет на характер голоса и речи. Речь при аффекте становится отрывистой, с нарушенной артикуляцией, характеризуется частым повторением отрывистых неразборчивых фраз или слов. На стадии постаффективного истощения она отличается замедленным темпом, вялостью, человек говорит тихо, невнятно. Меняется и мимика: людям в состоянии аффекта свойственно особое выражение лица, так называемая «аффективная маска».

Вероятность развития аффекта для разных людей оценивается неодинаково, т.е. порог аффективного реагирования различен. Развитию аффекта способствует ряд индивидуально-психологических особенностей личности. К ним относятся преобладание процесса возбуждения над торможением (холерический темперамент), эмоциональная неустойчивость, повышенная чувствительность, ранимость, обидчивость, склонность к застрева-

нию на психотравмирующих факторах, высокая, но неустойчивая самооценка.

На появление аффективной реакции влияют также возрастные особенности, общее психофизическое состояние организма человека. Нарушают устойчивость психики к воздействию аффектогенной ситуации усталость, бессонница, посттравматический стресс, болезнь, расстройства психики.

В процессе расследования дел, содержащих убийство или нанесение телесных повреждений в состоянии аффекта, следует, помимо вышеописанного, анализировать следующие составляющие:

- характер аффектогенной ситуации – объективную и субъективную значимость психологической травмы, нанесенной обвиняемому;
- характер действий обвиняемого в момент совершения преступления и после совершения преступления;
- отношение обвиняемого к своим противоправным действиям и наступившим последствиям;
- психофизиологические и индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого;
- психофизическое состояние обвиняемого накануне возникновения аффективной реакции.

Трудности для диагностики составляют аффекты, развившиеся на фоне алкогольного опьянения. Психофизиологический аффект на фоне легкого алкогольного опьянения следует отличать от психопатических выпадов в состоянии сильной алкогольной интоксикации и патологического аффекта, развивающегося на фоне алкогольной интоксикации.

В структуре аффекта выделяют три основные стадии, или фазы:

1) подготовительная – характеризуется нарастанием эмоциональной напряженности. Развитие данной стадии определяется временем существования конфликтных отношений, их продолжительностью, актуальностью для момента в настоящем. Несмотря на возрастание эмоциональной напряженности, первые признаки эмоциональной расторможенности, неврастенической симптоматики иногда проявляются не сразу. В связи с особенностями протекания данной фазы выделяют две формы аффекта: **внезапный и накопительный**;

2) кульминационная – самая кратковременная стадия. Это собственно аффективный взрыв в виде резких, неупорядоченных, повторяющихся, стереотипизированных действий агрессивного характера. Сопутствующими признаками являются суженность сознания, фрагментарность восприятия, непоследовательность, разорванность мышления – принимаемые решения носят неадекватный ситуации характер. Резко снижаются волевая регуляция действий и самоконтроль, процессы целеобразования, мотивации непоследовательны, сумбурны;

3) фаза постаффективного истощения – на данной, заключительной, стадии наступает угасание аффективного возбуждения, происходит резкий спад, торможение физической активности. Из-за значительной затраты внутренних энергетических ресурсов организма активные формы поведения резко сменяются пассивными. На этой стадии человек ощущает усталость, испытывает апатию, растерянность, его поведение заторможено, он замедленно реагирует на обращения к нему окружающих, может впасть в сонное состояние.

Немаловажным является всесторонний анализ так называемой **аффектогенной ситуации, т. е.** ситуации, вызвавшей аффективную реакцию. Она обычно носит неожиданный, остроконфликтный, кратковременный характер: сопровождается реальными или словесными угрозами, насилием, оскорблениями в отношении субъекта или его близких. При этом сила воздействия негативных раздражителей определяется в первую очередь субъективным смыслом событий и ситуаций, в которых действует человек.

Неожиданно оказавшись в угрожающей, психотравмирующей обстановке, субъект испытывает острую потребность действовать, однако не может найти адекватные формы

поведения. Это противоречие между сильной потребностью действовать и неспособностью быстро выбрать наиболее подходящий способ реагирования служит одной из причин возникновения аффекта. В противном случае аффект просто может не наступить.

В ходе расследования преступлений могут встретиться и несколько иные ситуации, когда аффект возникает не сразу после первого отрицательного воздействия, а при многократных повторениях таких воздействий. В этом случае происходит накопление, аккумуляция переживаний, которые могут в дальнейшем вызвать аффективный взрыв. Именно повторение ситуаций ведет к нарастанию нервного возбуждения. Весьма показательным, что последнее по времени действие потерпевшего может быть и не столь резким и оскорбительным, как показалось бы, но именно оно и вызывает аффект. Проявляется эффект «последней капли», т. е. пусковым сигналом, который приводит к аффективной вспышке, может явиться и относительно слабое воздействие. Подобного рода физиологические аффекты получили название **кумулятивных**, или накопительных.

Этот вид аффекта вызывает наибольшие трудности при квалификации и нередко становится источником заблуждений при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья граждан. При этом эффект «последней капли» в значительной степени недооценивается работниками правоохранительных органов, ошибочно полагающими, что человек, систематически подвергавшийся оскорблениям, в какой-то мере должен был к ним привыкнуть, тем более что последнее унижение его достоинства по своему характеру выглядело, возможно, даже менее тяжким по сравнению со всем тем, что он уже перенес. В подобных случаях игнорируется тот факт, что любой психически нормальный человек с развитой личностью не способен привыкнуть к оскорблениям и побоям, он может лишь до поры до времени терпеть их.

Не замечая этой особой динамики развития аффективного напряжения накопительного характера, органы правосудия иной раз приводят признаки развития у подсудимого кумулятивного аффекта в качестве подтверждения отсутствия признака внезапности возникновения аффективной реакции.

С принятием УК РФ проблема квалификации убийства, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенного в состоянии кумулятивного аффекта, получает более определенное разрешение. В новый уголовный закон введен дополнительный квалифицирующий признак, которого не было в ст. 104 и 110 УК РСФСР, а именно: «длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» (ст. 107, 113 УК РФ).

Аффективное поведение человека предстает как целостное психическое явление, своеобразный симптомокомплекс поведенческих и вегетосоматических признаков, дополняемых субъективными переживаниями, частичными изменениями сознания, восприятия и памяти. Совокупность всех этих объективных, внешне наблюдаемых признаков и субъективно переживаемых ощущений позволяет с достаточной надежностью распознавать действительный физиологический аффект и отличать его от симулятивного поведения. Знание диагностических признаков аффекта помогает следователю и суду путем допроса свидетелей, потерпевших, обвиняемого, подсудимого собрать необходимую информацию для установления с помощью судебно-психологической экспертизы состояния аффекта.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие личности.

Говоря о человеке, мы прежде всего имеем в виду совокупность его психологических черт и моральных качеств.

Понятие «личность» рассмотрено рядом гуманитарных и правовых дисциплин и широко используется в повседневной практике. Мы говорим о достоинствах и недостатках, чертах личности, личностных особенностях, формировании и зрелости личности. Что же есть личность?

В юридических науках понятие личности находит широкий спектр применения –

синонимами этого слова могут служить «субъект или участник правоотношений», «гражданин», «лицо», «человек правоспособный и дееспособный».

В психологии понятие личности введено для обозначения совокупности индивидуально-психологических характеристик, это конкретное понятие, более узкое, чем в юридических и ряде других дисциплин. К правовому значению термина «личность» приближаются психологические понятия субъекта и индивида, под которыми понимают отдельного человека, не заостряя внимание на его психологических особенностях и степени развития.

В психологии **личность** — это человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях, являются устойчивыми, определяют нравственные поступки человека, имеют существенное значение для него самого и окружающих. Рассматривая личность, мы всегда говорим о чертах, сформированных под влиянием общественного сознания и проявляющихся в социальном взаимодействии, проще говоря, личность — это человек в социуме.

Личность человека есть продукт процесса социализации — усвоения культуры общества, в котором он вырос. Культура являетсяместилищем результатов познания, форм общения людей, правил поведения, эстетических взглядов, мировоззрения, ценностей, норм морали и права. Личность формируется в процессе общения с себе подобными. **Индивиды**, выросшие вне общества (дети-маугли, не овладевшие языком и культурой), не могут соотносить свои поступки и действия с принятыми в обществе и по психологическим представлениям не могут быть названы зрелыми личностями. Личность всегда не только руководствуется своими желаниями и устремлениями, но помнит о том, как поступки будут восприняты окружающими.

Личность охватывает весь спектр психологических характеристик, начиная от неотъемлемых психофизиологических особенностей типа темперамента и заканчивая высшими психическими образованиями, такими как ценностные и нравственные структуры. Личность не дается нам от рождения — о младенце и ребенке не говорят «личность». Психические свойства личности — ее особенности и характерологические черты — формируются в ходе жизни, в процессе социализации. Наследственные, врожденные особенности человека являются лишь задатками, на базе которых развиваются психические структуры. Биологические черты обуславливают, но не предопределяют психических свойств. На основе одних и тех же задатков у человека могут выработаться различные свойства — способности и черты характера формируются в течение всей жизни, впитывая индивидуальный, неповторимый опыт, полученный в уникальных условиях отдельной биографии.

Основные черты характера (терпеливость, любознательность, уступчивость или упрямство), а также основные нормы морали закладываются уже к 4–5 годам. В детском возрасте индивид усваивает предложенные модели поведения посредством копирования, слепо, неосознанно. На этом этапе развития личности ведущую роль играет родительская семья или семья воспитания, т. е. ближайшее окружение ребенка, а чуть позднее и институты воспитания — детский сад, школа, кружок или спортивная секция.

В процессе взросления ситуация меняется: наиболее важным этапом становления личности является так называемый переходный период, приходящийся на 12–18 лет и включающий в себя подростковый возраст и юношество. В это время происходит активный поиск себя, процесс формирования идентичности — представлений «кто я?» и «с кем я?». Растущий человек обобщает знания о себе и мире и определяет свое место в нем. Теперь любое социальное воздействие воспринимается человеком не пассивно: оно своеобразно осмысливается, интерпретируется, наделяется личностной значимостью, оценивается и в конечном счете принимается в структуру личности или отвергается. Если детство можно назвать этапом «пассивной» социализации, то в подростковом возрасте происходит более или менее сознательный выбор сообщества социализации. Естественным для этого этапа развития является отстранение от родительской семьи и начало активного общения

в социуме. Первостепенное место начинают занимать школьный коллектив, компании общения по интересам, а также «значимые другие» – авторитетные для подростка взрослые, возможно, недоступные для непосредственного общения. В последнее время отмечается все возрастающая роль в социализации средств массовой информации и коммуникации.

В норме к окончанию подросткового возраста, к достижению совершеннолетия, должна сформироваться зрелая личность – человек, способный осознавать свои поступки, их значение и соотносить свои действия с ожиданиями общества. Но на этом развитие личности не заканчивается, оно продолжается на протяжении всей жизни человека.

Зрелая личность – это человек со своими взглядами и убеждениями, проявляющий свою уникальную целостность, единство социально-психологических качеств в межличностных и общественных отношениях, сознательно участвующий в той или иной деятельности, понимающий свои действия и способный руководить ими. Отсутствие или недостаток развития личности говорит о том, что индивид не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия и руководить ими (ст. 21, 22 УК РФ) либо действует по легкомыслию (ст. 26 УК РФ).

Виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе

Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе может проводиться амбулаторно, в стационаре, в суде, а также заочно (чаще всего посмертно).

Заочная экспертиза проводится в случаях, когда подэкспертный вследствие тяжелого соматического заболевания или дальности расстояния не может прибыть на экспертизу. Следует однако подчеркнуть, что в ряде случаев заочная экспертиза является лишь предварительным этапом освидетельствования. Эксперты по ознакомлению с материалами гражданского дела могут запросить дополнительные документы, необходимые для окончательного решения. При недостаточной ясности вопроса эксперт может настаивать на личном освидетельствовании лица, в отношении которого назначается судебно-психиатрическая экспертиза. В редких случаях при тяжелом физическом состоянии подэкспертного эксперт может выехать на дом или в соматическую больницу.

Среди заочных экспертиз наиболее трудной и сложной является посмертная судебно-психиатрическая экспертиза. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза назначается судом для решения вопроса о психическом состоянии лица на момент совершения какого-либо гражданского акта. Чаще всего посмертная экспертиза проводится в отношении лиц пожилого и старческого возраста при составлении ими завещания, оформления дарственной, вступления в брак.

Трудности этого вида экспертизы обусловлены необходимостью оценивать психическое состояние данного лица ретроспективно, на основании данных медицинской документации, показаний свидетелей, а также других, нередко скудных материалов, характеризующих личность покойного.

Все эти данные могут быть разрозненными, противоречивыми и недостаточными для заключения экспертизы, поскольку по гражданским делам не ведется предварительное следствие.

Медицинская документация, если покойный находился в стационаре, в основном касается его физического состояния. Даже в тех случаях, когда эти лица находились под наблюдением психоневрологического диспансера или были консультированы психиатрами в соматической больнице, оценка их психического состояния может быть различной в различные дни консультаций и записей наблюдения. Такая неоднозначность квалификации глубины имеющихся расстройств объясняется рядом причин. Прежде всего при посмертной экспертизе в гражданском процессе чаще всего речь идет о психических изменениях при сосудистой патологии. Как известно, при атеросклерозе сосудов головного мозга психические изменения отличаются неустойчивостью, мерцающим характером, частыми колебаниями. При этом светлые промежутки могут сменяться более выраженными и грубыми психическими изменениями, что находит отражение в соответствующих

записях врачей, наблюдавших этих больных в различное время. Нередко эти лица вообще не оказывались в поле зрения врачей-психиатров, а описание их психического состояния врачами общей практики оказывается скудным и противоречивым. Еще более противоречива оценка психического состояния этих лиц свидетелями - родственниками, друзьями, сотрудниками и т.п. Это связано с субъективным отношением к покойному, а также к совершенной им и в последующем оспариваемой сделке.

При этом свидетели, общавшиеся с данным лицом в разное время, также описывают различное его состояние, подчеркивая или, наоборот, опуская отдельные нюансы поведения, имеющие большое значение для диагностики.

Следует также отметить, что подобные дела возбуждаются и рассматриваются обычно спустя длительное время после смерти данного лица. Поэтому многие важные детали, характеризующие его поведение и психическое состояние, забываются, что снижает значимость подобных показаний.

Оценке психического состояния этих лиц может способствовать анализ их письменной продукции. Их письма, адресованные родным и близким, различные записки могут отражать степень и глубину имеющегося интеллектуально-мнестического снижения. Анализ их содержания позволяет установить характер их ориентировки в окружающем, способность к объективному анализу ситуации в целом, а также критической оценке своего состояния.

При проведении посмертных экспертиз для решения вопроса о психическом состоянии лица на момент оформления завещательного распоряжения или дарственной, необходим анализ содержания этих документов. При этом в одних случаях выявляется их логичность, соответствие предшествующим отношениям с лицом, которому оставлен завещательный документ, и объективным жизненным обстоятельствам. В содержании завещательного распоряжения, оставленного таким лицом, можно установить четкую аргументацию своих действий, сохранность привязанностей к близким людям, учет их интересов. В других случаях содержание завещания или дарственной носит немотивированный случайный характер, отражает повышенную внушаемость данного лица, недоучет ситуации, нарушение критических способностей. Иногда же, как показывает экспертная практика, кажущаяся необоснованность завещания в действительности обусловлена изменившимися отношениями покойного с лицами ближайшего окружения в последний период жизни или же их неосведомленностью о существующих у него других привязанностях и обязательствах. Поэтому только сопоставление данных медицинской документации со свидетельскими показаниями, письменной продукцией покойного, характеристиками с места жительства и работы может способствовать ретроспективной оценке его психического состояния при оформлении того или иного документа. В некоторых наблюдениях, где разноречивость и недостаточность всех имеющихся данных не позволяет прийти к окончательным выводам, целесообразно рекомендовать проведение экспертизы в суде. **В судебном заседании эксперт** может выяснить у свидетелей ряд вопросов, недостаточно полно отраженных в материалах дела, но имеющих важное значение для получения необходимых для экспертизы данных. Опрос свидетелей дает возможность выяснить отдельные детали, характеризующие психическое состояние покойного, устранить противоречия в показаниях свидетелей, сопоставить все имеющиеся сведения, которые могут оказаться решающими для выводов экспертов, и таким образом решить экспертные вопросы.

Судебно-психиатрическая экспертиза по делам о признании гражданина недееспособным и необходимости установления опеки. Предметом судебно-психиатрической экспертизы является оценка психического состояния лица для решения вопроса о его способности понимать значение своих действий и руководить ими и необходимости установления опеки.

Недееспособность и опека. Согласно ст. 29 ГК, гражданину, который вследствие психического расстройства не может правильно понимать значение своих действий или руководить ими, признанному в связи с этим судом недееспособным, назначается опека.

Опекуны являются представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки.

В соответствии с ч. 2 ст. 259 ГПК в заявлении о признании гражданина недееспособным должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о психическом расстройстве, вследствие которого лицо не может понимать значение своих действий или руководить ими. Дела данной категории рассматриваются с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства.

Как указано в ст. 260 ГПК, судья в порядке подготовки дела к судебному разбирательству при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает для опеределения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу.

Во всех случаях психическое состояние гражданина как единственное основание лишения его дееспособности должно быть подтверждено судебно-психиатрической экспертизой. Сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным, в силу закона считаются недействительными. Так, согласно ст. 27 Семейного кодекса, недействительным считается брак, если он заключен с нарушением условий, установленных ст. 14 этого же Кодекса с лицом, признанным недееспособным.

Имущественные сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным, также считаются недействительными (ст. 171 ГК РФ)*.

* Для подобных случаев закон устанавливает исключение из общего правила: в интересах гражданина, признанного недееспособным, суд по требованию его опекуна может признать такую сделку действительной, если будет установлено, что такая сделка совершена к выгоде этого гражданина.

Лица, признанные судом недееспособными, не могут также принимать участие в судебном заседании в качестве истцов или ответчиков.

Лишение дееспособности не безвозвратно. Восстановление дееспособности лица, ранее признанного недееспособным, с отменой опеки регламентируется ч. 3 ст. 29 ГК, указывающей, что, «если основания, в силу которых гражданин был признан недееспособным, отпали, суд признает его дееспособным. На основании решения суда отменяется установленная над ним опека». При этом правом обращаться в суд с заявлением о признании лица дееспособным наряду с другими лицами пользуется и опекун. Решение суда о признании гражданина дееспособным выносится на основании соответствующего заключения судебно-психиатрической экспертизы.

Закон допускает ограничение гражданской дееспособности в отношении лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами и ставящих в связи с этим свою семью в тяжелое материальное положение (ст. 30 ГК). На основании решения суда этим лицам назначается попечитель. Объем дееспособности таких лиц значительно сужен: они вправе совершать лишь мелкие бытовые сделки. Однако совершать любые иные сделки по распоряжению имуществом, а также получать заработную плату, пенсию, иные доходы и распоряжаться этими средствами они могут лишь с согласия попечителя. Если гражданин проживает один (не имеет семьи), он не может быть ограничен в дееспособности.

Если отпали основания, в силу которых гражданин был признан ограниченно дееспособным (он прекратил злоупотреблять спиртными напитками или наркотическими средствами, либо вследствие развода, смерти, раздела и т.п. перестала существовать его семья), суд отменяет ограничение дееспособности и на основании решения суда отменяется попечительство. При ограничении дееспособности этой категории лиц закон исходит не из их психической болезни, а из материальных интересов их семьи. Эти лица не подлежат судебно-психиатрической экспертизе, поскольку не являются психически больными. Органами опеки и попечительства являются органы местного самоуправления (ст. 34 ГК). Опекун или попечитель назначается органами опеки и попечительства по месту жительства нуждающегося в этом лица (ст. 35 ГК).

Нормы об опеке и попечительстве впервые включены в Гражданский кодекс. До сих пор они содержались в Кодексе о браке и семье. Этими нормами регулируются общие вопросы опеки и попечительства - их цели, правовое положение; функции опекунов и попечителей; порядок их назначения, а также освобождения или отстранения от обязанностей; исполнение опекунами и попечителями своих обязанностей; порядок прекращения опеки и попечительства.

Не могут быть опекунами или попечителями несовершеннолетние, лица, лишённые родительских прав, а также признанные судом недееспособными (ст. 35 ГК); опекун или попечитель назначается только с его личного согласия. При этом должны учитываться его нравственные и иные личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения, существующие между ним и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а если это возможно, и желание подопечного. Опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы.

Судебно-психиатрическая экспертиза по делам об имущественных сделках. Предметом судебно-психиатрической экспертизы является оценка психического состояния лица на момент совершения имущественной сделки.

Несмотря на разнообразие возможных сделок (купля-продажа, обмен жилой площади, приватизация квартир, раздел лицевых счетов, дарение и т.д.) экспертиза исходит из единого принципа и подхода при решении экспертных вопросов. Основным вопросом, подлежащим разрешению, является оценка психического состояния лица в момент совершения сделки, его способности понимать значение своих действий или руководить ими в этот период. Для правильной экспертной оценки основное значение имеет установление времени начала заболевания, его глубины и выраженности в момент совершения сделки.

Ретроспективная оценка психического состояния лица на момент совершения имущественной сделки основана на анализе комплекса клинических, психологических и социально-бытовых характеристик с учетом возможного ухудшения психического состояния уже после совершения сделки.

Дополняет эти данные анализ особенностей самой сделки - ее логичность, мотивированность, понимание лицом своих деяний и правовых последствий, что отражает состояние его критических способностей.

В тех случаях, когда анализ суммарных данных свидетельствует о неспособности лица в период совершения сделки понимать значение своих действий или руководить ими, судебно-психиатрическое заключение является основанием для признания судом сделки недействительной. Согласно ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

Судебно-психиатрическая экспертиза отвечает в этих случаях на вопрос суда о способности лица понимать значение своих действий или руководить ими в момент заключения сделки, т.к. если психическая болезнь или ухудшение психического состояния наступило после заключения сделки, то юридический акт не утрачивает свою силу.

При рассмотрении исков о признании сделки недействительной перед экспертом также может возникнуть вопрос о возможности истца или ответчика принимать участие в суде. Решение экспертизы в этих случаях зависит от динамики психического заболевания.

В практике судебно-психиатрической экспертизы встречаются случаи, когда у больных уже после заключения сделки возможно временное ухудшение болезненного состояния, которое по прошествии определенного времени, иногда после лечения, проходит. В подобных случаях восстанавливается способность понимать значение своих действий или руководить ими в период рассмотрения гражданского дела в суде. Такие больные способны осуществлять свои гражданские права и защищать законные интересы.

Однако возможны и другие варианты экспертных решений, когда отмечавшееся уже на момент заключения сделки психическое заболевание имеет место и в период рассмотрения дела в суде или же ухудшение состояния уже после совершения сделки стабилизируется и исключает способность больных понимать значение своих действий или руководить ими, т.е. принимать участие в суде в качестве одной из сторон (гражданская процессуальная недееспособность).

Судебно-психиатрическая экспертиза по бракоразводным делам.

В этих случаях предметом судебно-психиатрической экспертизы является:

- 1) оценка психического состояния лица на момент вступления в брак в случае иска одного из супругов о признании брака недействительным;
- 2) оценка психического состояния лица, состоящего в браке, при иске одного из супругов о расторжении брака.

I. Признание брака недействительным. Согласно закону (ст. 14 Семейного кодекса РФ), не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие психического заболевания. Это обстоятельство является одним из условий для признания судом брака недействительным (ст. 27 Семейного кодекса РФ). Закон предусматривает также возможность признания брака недействительным, если он заключен хотя и с лицом дееспособным, но находящимся в момент регистрации брака в состоянии, исключающем возможность понимать значение своих действий или руководить ими. Таким образом, в задачу экспертизы по делам о признании брака недействительным входит клиническая характеристика психического состояния лица в момент его вступления в брак. При этом важно не только установить наличие у данного лица психического заболевания, но и уточнить время его возникновения по отношению к моменту вступления в брак, а также тяжесть и глубину психических расстройств в тот период времени, т.е. ответить на вопрос, мог ли подэкспертный в тот период понимать значение своих действий или руководить ими.

II. Расторжение брака. Дела о расторжении брака регламентируются ст. 16 Семейного кодекса РФ, согласно которой признание судом одного из супругов недееспособным является основанием для прекращения брака. В соответствии с особенностями поставленного перед экспертизой вопроса важно оценить психическое состояние одного из супругов в период их совместного проживания.

Необходимо установить, не имеется ли у подэкспертного таких психических расстройств, которые могут препятствовать дальнейшей семейной жизни. В этих случаях наряду с общими показателями, характеризующими особенности ведущего синдрома, глубину имеющихся личностных изменений, степень прогрессивности процесса, большое значение имеет социально-бытовой статус, уровень и стабильность социальной адаптации.

Применительно к делам по иску о расторжении брака особое значение имеет анализ комплекса признаков, характеризующих особенности семейных отношений.

Ведущими показателями являются эмоциональная сохранность больных, отсутствие грубых психопатоподобных расстройств, создающих трудные условия для совместного проживания супругов, правильное поведение в семье, разумная забота о детях.

Необходимым условием является отсутствие бредовых переживаний, непосредственно направленных на лиц, ближайшего окружения - одного из супругов, детей, определяющих неадекватное к ним отношение и патологическую мотивацию поведения. **Например**, связь бредовых идей ревности, воздействия, ущерб в отношении супруга с характером иска.

Таким образом, перед судебно-психиатрической экспертизой при исках о признании брака недействительным и о расторжении брака стоят различные задачи. Оценка психического состояния подэкспертных касается различных временных периодов. В случаях иска о признании брака недействительным решающее значение имеет ретроспективная оценка состояния подэкспертного в прошлом, в период заключения брака. При эксперти-

зе по вопросу о расторжении брака эксперт должен исходить из оценки настоящего психического состояния, учитывая в то же время его прогноз.

Обследуемая Г., 74 лет (1920 г. рождения). Направлена на экспертизу в 1994 г. в связи с иском сына о признании недействительным ее брака с гр. К. и договора об обмене жилой площади.

По специальности фельдшер, с 55 лет на пенсии, проживала в отдельной однокомнатной квартире. Была замужем, муж умер в 1978 г., имеет от брака сына. Проживала в отдельной однокомнатной квартире. С 1980 г. состояние здоровья Г. ухудшилось. У нее отмечалось повышение артериального давления, жаловалась на головные боли, шум в голове, снижение памяти. Стала раздражительной, гневливой, подозрительной. Считала, что в ее отсутствие кто-то проникает в ее квартиру, «обкрадывает». В последующем поведение стало неправильным. Она уходила из дома, не могла найти обратную дорогу, обитала на вокзалах. В июле 1989 г. по инициативе сына была направлена психиатром в областной ПНД, где был установлен **диагноз: «Атеросклеротическое слабоумие».**

В сентябре 1989 г. познакомилась на вокзале с гр. К. (1937 г. рождения), по инициативе которого стала с ним совместно проживать, а в мае 1992 г. с ним был зарегистрирован брак. По словам свидетелей, К не работал, пропивал ее пенсию. Она по-прежнему вела себя неправильно, уходила из дома, бродяжничала. Согласно материалам гражданского дела, сразу же после регистрации брака К. произвел ряд сложных квартирных обменов. При этом обследуемая при обмене квартиры дала согласие на выписку одного ордера на имя К., который в конечном итоге получил квартиру и садовый участок, а она лишилась своего права на квартиру.

Согласно меддокументации в связи с тем, что Г. находилась в беспомощном состоянии, обитала на вокзалах, была неухоженной, санитарно запущенной, исхудавшей, ее сын госпитализировал ее во Владимирскую психиатрическую больницу.

В отделении больницы она была дезориентирована, добродушна, называла только свою фамилию, но не знала своего возраста, домашнего адреса, возраста сына, полностью забывала события последних лет; не помнила, что вышла замуж, что обменяли ее квартиру.

Выписана с диагнозом: «Атеросклеротическое слабоумие».

В дальнейшем сын обратился в суд с заявлением о признании его матери недееспособной. Стационарная судебно-психиатрическая экспертная комиссия пришла к заключению, что как страдающая атеросклеротическим слабоумием Г. не может понимать значение своих действий и руководить ими, нуждается в установлении опеки, не может участвовать в судебном заседании. Решением суда она была признана недееспособной, ее опекуном был назначен сын.

В последующем он обратился в суд с иском о признании брака его матери с гр. К. недействительным, а также о признании недействительными ряда сделок по обмену жилплощади, совершенных по ее доверенности гр. К., в результате которых она лишилась жилплощади.

При освидетельствовании в ГНЦ. Заключение терапевта: ишемическая болезнь сердца, атеросклероз венечных артерий, аорты. Гипертония. Заключение невропатолога: «Церебральный атеросклероз».

Психическое состояние: обследуемая дезориентирована в окружающем, не знает текущего года, месяца, места нахождения, не понимает цели ее пребывания в Центре. Ничего не может сообщить о своем замужестве. На вопросы о К. пояснила, что это «мужчина», а кто он - не знает. Утверждает, что у нее маленький ребенок, которого «надо кормить грудью». Во время беседы благодушна, доброжелательна, никаких жалоб не предъявляет. В отделении не может найти свою палату, часто ложится в чужую кровать, не может себя обслужить. Память, интеллект грубо нарушены. Критика отсутствует. Заключение: Г. страдает атеросклеротическим слабоумием. Об этом свидетельствуют данные анамнеза. О появлении у нее интеллектуально-мнестических расстройств - примерно с

1980 г., которые в возрасте обратного развития, на фоне общего сосудистого заболевания приобрели нарастающий характер, сопровождались эмоциональными расстройствами, подозрительностью, бредовой трактовкой окружающего, идеями ущерба и привели к тотальному слабоумию, диагностированному в 1989 г. Указанные интеллектуально-мнестические расстройства в форме слабоумия определяли длительное неправильное поведение Г., являлись причиной наблюдения психиатром, лечения в психиатрической больнице, ее инвалидизации. Настоящее клиническое психиатрическое обследование также выявляет наряду с неврологической симптоматикой, общим сосудистым заболеванием грубые нарушения интеллекта, эмоциональную измененность, полное отсутствие критики. Поэтому как страдающая атеросклеротическим слабоумием, развившимся задолго (с 1986 г.) до вступления в брак с К., Г. в мае-июне 1992 г. не могла правильно понимать значение своих действий и руководить ими.

В последующем при участии в совершении обменов, в результате которых она лишилась жилплощади, также не могла правильно понимать значение своих действий и руководить ими. По своему психическому состоянию Г. не может также принимать участие в судебном заседании.

Судебно-психиатрическая экспертиза по делам о возможности принимать участие в воспитании детей. Решение вопроса о возможности одного из родителей принимать участие в воспитании детей регламентируется содержанием ст. 73 Семейного кодекса об ограничении родительских прав. Согласно данной статье:

1. Суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничение родительских прав).

2. **Ограничение** родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.). Ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав....

3. **Иск** об ограничении родительских прав может быть предъявлен близкими родственниками ребенка, органами и учреждениями, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 70 настоящего Кодекса), дошкольными образовательными учреждениями, общеобразовательными учреждениями и другими учреждениями, а также прокурором.

4. **Дела** об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства...».

Следует подчеркнуть, что предусмотренное ст. 73 Семейного кодекса РФ ограничение родительских прав значительно отличается по своему содержанию и процессуальным последствиям от лишения родительских прав, условия которых сформулированы в ст. 69 Семейного кодекса РФ.

Закон предусматривает лишение родительских прав в отношении лиц, виновных в неисполнении своих обязанностей.

По смыслу этой статьи родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они: уклоняются от выполнения обязанностей родителей; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни и здоровья своих детей либо против жизни и здоровья супруга.

В противоположность этому ограничение родительских прав предусматривает случаи, в которых оставление ребенка с родителями или одним из них опасно для ребенка по обстоятельствам, от них не зависящим, в частности при психическом расстройстве или ином хроническом заболевании. Таким образом, в соответствии с формулировкой данной

статьи задачей судебно-психиатрической экспертизы является определение психического состояния под экспертного с учетом тех психических расстройств, которые могут определять опасность для ребенка, с обязательным установлением отдаленного прогноза заболевания.

В этих случаях экспертиза чаще проводится в отношении психически больных женщин с неблагоприятным течением психического заболевания (шизофрения, эпилепсия, органическое поражение головного мозга).

Критериями опасности для пребывания с ними ребенка следует считать: наличие в клинической карте психического заболевания грубых **психопатоподобных расстройств**; бредовых идей ревности, преследования, отравления, воздействия, направленных на конкретных лиц ближайшего окружения - одного из супругов, детей, внуков и других родственников; преобладание глубокой депрессии с упорными попытками самоубийства.

Такие больные совершают опасные действия по бредовым мотивам - уводят из дома детей, препятствуют оказанию им медицинской помощи, пытаются совершить расширенное самоубийство из альтруистических побуждений (прежде чем покончить с собой, убить детей с целью оградить их от неминуемых мучений, которые их ожидают, по мнению больных, в состоянии глубокой депрессии).

Отмеченные психические расстройства определяют оценку психического состояния подобных больных, как представляющих опасность для ребенка со всеми вытекающими из этого последствиями, регламентированными ст. 73 Семейного кодекса. В случае ограничения родителей в их родительских правах или признания родителей недееспособными, а также в других случаях отсутствия родительского попечения, защита прав и интересов детей возлагается на органы опеки и попечительства (ст. 121 Семейного кодекса).

Вопросы, решаемые психиатром-экспертом в гражданском процессе после принятия Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Круг вопросов, решаемых по гражданским делам с помощью судебно-психиатрической экспертизы, существенно расширился после вступления в силу с 1 января 1993 г. Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее - Закон о психиатрической помощи). Закон впервые установил судебный порядок разрешения значительной категории дел, которые ранее решались административным путем. К примеру, все жалобы на действия психиатров и иных работников, допущенные при оказании психиатрической помощи, подавались в орган управления здравоохранением по подчиненности психиатрического учреждения, где эта помощь оказывалась. Судам такого рода дела были неподведомственны.

Следует, правда, уточнить, что уже в 1988 г. (с принятием «Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи») появилась возможность обжаловать в суд решения должностных лиц территориальных органов здравоохранения - главных психиатров. Например, главного психиатра города, области, республики (вплоть до главного психиатра Минздрава СССР). Так что с 1988 г. действия врачей-психиатров обжаловались главному психиатру, а его решения - в суд. Отмеченный порядок просуществовал до 1993 г., когда Положение от 1988 г. было отменено.

Статья 47 Закона о психиатрической помощи предоставила возможность обжалования действий, ущемляющих права граждан при оказании им психиатрической помощи, непосредственно в суд*, который рассматривает дело по жалобе в порядке гражданского судопроизводства. Чаще всего это дела о неправомерном, по мнению жалобщика, применении недобровольных психиатрических мер - недобровольном психиатрическом освидетельствовании, недобровольной госпитализации, диспансерном наблюдении и пр. Поскольку обжалуемые действия касаются специальных психиатрических вопросов, суд, в силу требований ст. 74 ГПК, должен назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

Лицо, приносящее жалобу, вправе по собственному выбору обратиться либо в суд, либо в вышестоящий орган (к вышестоящему должностному лицу), либо к прокурору (ч. 1

ст. 47 Закона о психиатрической помощи).

Предметом судебно-психиатрической экспертизы при рассмотрении судом исков, связанных с недобровольным психиатрическим освидетельствованием, недобровольной госпитализацией и постановкой на учет в психоневрологический диспансер, является оценка психического состояния под экспертнoгo в эти периоды, а также в период подачи иска для установления его возможности принимать участие в судебном процессе в качестве истца.

Общий принцип этих новых для судебно-психиатрической практики экспертиз сводится к установлению соответствия действий врача-психиатра психическому состоянию освидетельствованного лица, критериям недобровольного психиатрического освидетельствования, госпитализации и постановки на учет в психоневрологический диспансер, определенным Законом о психиатрической помощи.

При обжаловании недобровольного психиатрического освидетельствования или недобровольной госпитализации судебно-психиатрическая экспертиза сопряжена с решением трех основных вопросов.

В экспертном заключении должны содержаться конкретные ответы на поставленные судом вопросы, которые обычно сводятся к следующему:

1) страдает ли лицо каким-либо психическим расстройством в настоящее время и страдало ли им в период, относящийся к недобровольному психиатрическому освидетельствованию или госпитализации, если да, то каким;

2) является ли имеющееся психическое расстройство тяжелым (согласно формулировке ст. 29 о недобровольной госпитализации) и при этом обуславливало ли оно в период недобровольного психиатрического освидетельствования или госпитализации непосредственную опасность лица для себя или окружающих; его беспомощность; существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи;

3) нуждалось ли данное лицо по своему психическому состоянию в тот период в недобровольном психиатрическом освидетельствовании или недобровольной госпитализации, и если нуждалось, то вследствие каких особенностей его психического состояния;

4) способно ли данное лицо в период подачи иска понимать значение своих действий или руководить ими, а также принимать участие в судебном процессе в качестве истца, защищать свои интересы.

При решении вопроса о неправомерном установлении диспансерного наблюдения, которое изменяет правовое положение больных, задачей СПЭ является определение соответствия психического состояния под экспертнoгo критериям установления диспансерного наблюдения, указанным в ст. 27 Закона.

В соответствии с этим критериями в судебно-психиатрическом заключении должны быть ответы на следующие поставленные судом вопросы:

1) страдает ли данное лицо каким-либо психическим расстройством и страдало ли им на момент принятия врачебной комиссией решения об установлении диспансерного наблюдения, если да, то каким именно;

2) если установлен факт наличия психического расстройства, то является ли оно хроническим или затяжным с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями;

3) нуждалось ли данное лицо в период принятия рассматриваемого решения и нуждается ли в настоящее время в установлении за ним диспансерного наблюдения, если да, то почему именно.

В заключение следует подчеркнуть, что эксперты не вправе прибегать к правовым оценкам оспариваемых в суде действий. В частности, эксперты не могут именовать их «незаконными» или «неправомерными» (хотя экспертные суждения о медицинской обоснованности профессиональных действий вполне допустимы). Выходят за пределы компетенции эксперта такие характеристики врачебно-психиатрических действий, как «умыш-

ленные», «намеренные», «совершенные по небрежности», «явившиеся следствием халатного отношения к своим обязанностям» и т.п.

Эксперты-психиатры неправомочны касаться порядка (процедурной стороны) оказания психиатрической помощи (например, вопроса о нарушении в ходе недобровольной госпитализации, установленных законом сроков психиатрического освидетельствования). Для установления подобного рода обстоятельств психиатрические познания не нужны. Суд устанавливает их на основании других доказательств.

Некоторые общие принципы судебно-психиатрической оценки при экспертизе по гражданским делам. Главной особенностью судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе является необходимость дифференцированного подхода к решению вопроса о возможности под экспертного понимать значение своих действий или руководить ими применительно к различным юридическим актам, относящимся к различным периодам времени. В зависимости от характера юридического акта или предъявляемого иска это требует ретроспективной, актуальной или прогностической оценки психического состояния под экспертного.

При вынесении экспертного заключения о способности или неспособности лица понимать значение своих действий или руководить ими применительно к определенной юридической ситуации решающее значение имеет правильная оценка нозологической формы заболевания, его типа и этапа течения, преобладающих синдромов и возможность прогноза. Поэтому основные принципы экспертных решений целесообразно рассмотреть при отдельных нозологических формах.

Психология рассмотрения гражданских дел в суде исследует: психологические особенности судебного разбирательства, закономерности, связанные с психической деятельностью всех лиц, участвующих в рассмотрении дел, психологические особенности воздействия судебного процесса, приговора (в уголовном процессе), решения, определения на правосознание всех участников, присутствующих, а также лиц, использующих услуги средств массовой информации (телевидение, радио, интернет), роль общественного мнения как фактора, влияющего на судебный процесс и ряд других проблем.

Психологический анализ судебного процесса, его материалов и результатов дает возможность разработать рекомендации, направленные на повышение эффективности правосудия, культуры процесса, формирование правосознания граждан.

Правосудие осуществляется только судом путем рассмотрения и разрешения в судебном заседании гражданских дел. Все остальные стадии процесса направлены либо на обеспечение достаточных оснований для рассмотрения дел в суде, либо на проверку обоснованности и законности судебных решений и их исполнение.

Цель судебного разбирательства — осуществление правосудия на основе установления истины по делу, постановление исконого и обоснованного приговора или решения.

В судебных прениях по гражданским делам выступают участвующие в деле лица и их представители.

В гражданском процессе речь прокурора (его заключение) и речь адвоката (представителя истца и ответчика) имеют ряд особенностей. Прокурор не обвиняет, а дает заключение по делу, адвокаты не защищают, а оказывают юридическую помощь сторонам.

В гражданском судопроизводстве возможно участие адвоката в деле и в отсутствие доверителя.

Речь адвоката по гражданскому делу состоит из следующих психологически важных структурных элементов: вступления и установления контакта с аудиторией, определения исходной позиции по рассматриваемому делу, утверждения и обоснования фактических обстоятельств дела, анализа доказательств, их систематизации и оценки, определения правовой нормы, подлежащей применению для разрешения дела, предложений о разрешении дела (удовлетворить иск, приостановить производство и т.д.), предложений о вынесении частного определения, заключительного обращения к судьям.

Специфика деятельности прокурора в гражданском процессе определяется предметом его деятельности (надзором). Он может выступать как предъявитель иска (обращаться в суд за защитой прав и интересов граждан) или вступать в дело для дачи заключения. В первом случае прокурор участвует в судебных прениях и выступает первым, во втором случае речь прокурора носит итоговый характер (оценка от лица государства).

Стороны в гражданском процессе вправе участвовать в допросе свидетелей и выражать свое мнение в отношении достоверности и недостоверности доказательств. С участием сторон обсуждаются заключения эксперта. Они могут участвовать во всех проверочных действиях суда.

В ходе прений устраняются ранее возникшие сомнения и возникающие новые вопросы. Каждая сторона, естественно, старается навязать суду свою точку зрения и подвести суд к желательным для нее выводам, поэтому противоборство сторон на этом этапе может достигать предельного напряжения. В конфликтном противоборстве сторон материальные признаки фактов могут искажаться, скрываться и даже уничтожаться. **Задача суда** — реконструировать события.

Доказывание в гражданском процессе связано с установлением достоверности сведений о существенных для дела обстоятельствах. Достоверное знание — знание доказанное, бесспорное, эмпирически подтвержденное. Все достоверные сведения проверяемы.

Судебное разбирательство по гражданским делам заканчивается, как правило, вынесением судебного решения.

Судебная деятельность включает в себя психологические компоненты: познавательный, конструктивный, организационный, коммуникативный, социальный и удостоверительный.

В своей **познавательной** деятельности суд устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Особенность познавательного компонента заключается в том, что суд располагает материалами и заключением предварительного следствия, что облегчает суду познание обстоятельств дела. Однако материалы и выводы предварительного следствия должны восприниматься судом только как предположительные знания. И только в процессе судебного разбирательства эти предположительные знания могут быть преобразованы путем доказывания в судебном порядке в достоверные.

Предварительное заключение имеет значительную суггестивную (внушающую) силу. Для того чтобы оградить себя от этого влияния, суд вправе истребовать новые документы, допросить ранее выявленных и новых свидетелей, выполнить все необходимые судебно-следственные действия.

Познавательная деятельность суда отличается более узкой направленностью и большей опосредованностью, чем деятельность следователя. Возможность непосредственного восприятия здесь более ограничена.

В **гражданском процессе** на этапе подготовки дела к слушанию судья определяет полноту, относимость и допустимость материалов, которые в судебном разбирательстве могут стать доказательствами. Он устанавливает круг фактов, которые подлежат установлению, круг подлежащих исследованию доказательств, лиц, которых необходимо привлечь к участию в процессе, устанавливает коммуникативные контакты с проходящими по делу лицами, привлекает их к сотрудничеству, выявляет особенности поведения и формулирует тактику взаимодействия, уясняет характер возникших межличностных конфликтов, позиций сторон, возникающие психологические барьеры во взаимоотношениях.

Поэтому в познавательной деятельности для судьи значимы такие качества, как высокий интеллект, профессиональное восприятие, мышление, интуиция, память, познавательная доминанта, открытость новому, коммуникативные качества.

Конструктивная деятельность суда заключается в текущем и завершающем анализе всей собранной по делу информации. окончательной целью которого является принятие правильного решения по результатам судебного разбирательства, вынесение справедливого вердикта коллегией присяжных заседателей и приговора суда.

Временная ограниченность для анализа материалов дела предъявляет требования к интеллектуальной деятельности судей, памяти, воображению, аналитическому и синтетическому мышлению. интуиции. Суд вправе выдвинуть собственные версии. Основная часть доказательственной информации воспринимается судом из устных сообщений (показаний подсудимого, свидетелей, экспертов и др.). Это предполагает развитость у суда анализа речевых текстов, умение отличить факты от эмоционально-оценочных отношений к ним. Суд должен быть устойчивым к различным эмоционально-речевым приемам воздействия, патетическим призывам и сентиментальным оценкам. Председательствующий суда является формальным лидером. Вместе с тем, он должен обладать чертами и неформального лидера. Его полномочия не должны нарушать равенство всех членов судейской коллегии. Поэтому стиль его руководства должен быть максимально демократичным.

Организационная деятельность суда заключается в управлении председательствующим. В деятельности суда выделяют два аспекта: самоорганизованность и руководство всеми лицами, находящимися в сфере судебного процесса. В связи с этим у судей востребованы такие профессионально важные качества, как воля, собранность, целеустремленность, настойчивость.

Коммуникативная деятельность суда сводится к выстраиванию в процессе судебного заседания правильных взаимоотношений с участниками судебного разбирательства в рамках процессуального регулирования, а также к конструктивному общению: взаимоотношения по вертикали (с участниками судебного разбирательства), по горизонтали (между судьями и присяжными заседателями, самими судьями, самими присяжными заседателями, прокурором и адвокатом, истцами и ответчиками, подсудимыми, истцами, ответчиками, подсудимыми и прокурором, подсудимыми, истцами, ответчиками и адвокатом).

Судья должен уметь не только установить психологический контакт с присутствующими, но и создать благоприятный эмоциональный настрой в зале судебного заседания, уметь использовать психологические приемы для снятия повышенного нервного напряжения, растерянности, неловкости, раздражительности, вызова допрашиваемых на откровенность в условиях публичности процесса.

Судья является главным организатором общения в ходе судебного процесса. В этом процессе реализуются такие личностные качества судей, как чуткость, такт, общая культура и культура речи, эмоциональная устойчивость, умение слушать, вести диалог, убеждать.

Социальный компонент является основным в деятельности суда, так как суд обязан вынести справедливый приговор по делу на основании глубокого и всестороннего исследования доказательств и в соответствии с действующим законодательством. Судебный процесс оказывает воспитательное воздействие (способствует раскаянию, предупреждает преступные проявления и иные нарушения законности в перспективе) не только на подсудимого (начало ресоциализации, разрешения конфликта подсудимого с обществом), но и на всех, кто участвует, присутствует на процессе, а также на множество людей, осведомленных о его ходе и результатах.

Суд — единственный из правоохранительных органов, который применяет закон в условиях гласности, наглядности для населения. В связи с этим суды способствуют формированию и развитию у граждан высокого уровня их правосознания, создают социально-психологическую атмосферу неотвратимости наказания, создают вокруг преступника и его пособников атмосферу морального осуждения, стимулируют общественное мнение к выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления. Для этого аспекта деятельности судей характерны такие качества, как гуманизм, гражданственность, патриотизм, высокий уровень профессиональной ответственности, принципиальность, беспристрастность и выдержка.

Удостоверительная деятельность представляет собой приведение всей добытой в

ходе процесса информации в специальные, предусмотренные законом формы: протокол, приговор, определение, решение. В этой деятельности реализуются общая и специальная культура письменной речи судей, их профессиональные навыки в составлении письменных документов.

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ (УКАЗАНИЯ) К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Другой важнейшей формой учебной работы выступают практические занятия. Они призваны закрепить, углубить знания студентов, полученные на лекциях, консультациях и в результате самостоятельной работы над литературой, развить у них научное мышление. При подготовке к практическому занятию по определенной теме студент должен руководствоваться планом, изучить и законспектировать материал по вопросам плана занятия. Особое внимание следует обратить на овладение юридической терминологией. Поэтому студенту следует составлять словарь понятий и терминов по дисциплине, активно используя различного рода словари и энциклопедии. Выступление студента на семинаре должно быть глубоким, содержательным, конкретным, логичным.

В ходе практического занятия студенты должны внимательно слушать докладчиков по вопросам плана, чтобы сделать рецензию на ответ, принять участие в дискуссии. По ходу обсуждения вопросов практического занятия полезно вносить поправки и дополнения в свои конспекты. Во время семинарского занятия для выяснения уровня усвоения учебного материала могут проводиться экспресс-опросы с помощью тестов.

4. ПЛАН ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Психологические аспекты юридической деятельности. Предмет, методы и система юридической психологии.

Вопросы для обсуждения:

1. Определение понятия «юридическая психология». Связь юридической психологии с другими науками.

2. Объект, предмет и задачи юридической психологии.

3. Система юридической психологии.

4. Классификация и специфика методов в юридической психологии.

3. Самостоятельная работа студентов

Предмет и система юридической психологии. Социальные нормы и формирование правосознания личности.

1. Предмет, методы и система юридической психологии.

Задания:

1. Ознакомьтесь с предложенной по теме литературой, аргументировано обоснуйте значимость психологических знаний в профессиональной деятельности юриста.

2. Раскройте основные принципы научного познания, используемые в юридической психологии.

3. Проиллюстрируйте на конкретных примерах методы познания, используемые в юридической психологии.

4. Составьте схемы, отражающие место юридической психологии в системе общенаучных знаний, ее междисциплинарные связи с другими отраслями психологической и правовой науки.

5. В чем проявляется взаимосвязь юридической психологии с уголовным и гражданским процессом, уголовным и гражданским правом, криминалистикой и криминологией? Покажите это с помощью психолого-правового анализа отдельных норм права.

6. Изобразите графически систему юридической психологии.

2. История развития юридической психологии.

Задания:

1. Назовите имена известных психологов, юристов, общественных деятелей, внесших свой вклад в развитие юридической психологии у нас в стране и за рубежом.

2. Приведите интересные факты экспериментальных исследований по проблематике юридической психологии.

3. Какие этапы развития прошла юридическая психология?

4. Проанализируйте, каким образом общественно-политические взгляды в России во второй половине 19 века оказали влияние на формирование судебной психологии.

5. Проиллюстрируйте (например, в виде генеалогического дерева) историю возникновения и развития юридической психологии.

3. Социальные нормы и социальные девиации.

Задания:

1. Раскройте понятия «социальные нормы» и «девиации». Каким образом индивид может усваивать социальные нормы?

2. Приведите примеры, иллюстрирующие то, как социальные нормы регулируют поведение личности в конкретных ситуациях.

3. Объясните, почему социальные нормы и социальные отклонения носят исторический характер. Приведите примеры.

4. Каковы условия эффективности правовых норм и норм морали? В каких случаях они неэффективны?

5. Какие внешние и внутренние факторы влияют на склонность личности к правопослушному или девиантному поведению?

4. Правовая социализация и формирование правосознания личности.

Задания:

1. Какие факторы влияют на правовую социализацию подростков в современных условиях? Проанализируйте взаимосвязь внешних и внутренних факторов.

2. Сравните различные виды неблагополучных семей. Как происходит процесс социализации в этих семьях, и каким образом это влияет на формирование когнитивной и эмоциональной сфер, ценностных ориентаций и установок личности?

3. Приведите примеры стигматизации и негативного симулирования.

4. Возьмите газету, просмотрите заголовки и уясните основные идеи статей.

Проанализируйте, какое количество статей содержит позитивную информацию, а какое количество – негативную (о преступлениях, терактах, катастрофах, стихийных бедствиях).

Есть ли в газете статьи на правовые темы? Содержат ли они простое информирование о правовых нормах или в них разъясняется сущность этих норм? Какие приводятся примеры, для того, чтобы разъяснить правовые нормы, какие даются комментарии по применению этих норм? Правовая тематика, на Ваш взгляд, освещена интересно, познавательно, эмоционально или же скучно, малопонятно, без связи с реальными жизненными ситуациями?

Психологическая подготовка как юридической деятельности.

1. Общение в профессиональной деятельности юриста.

Задания:

1. Раскройте понятие «общение». Перечислите виды общения в профессиональной деятельности юриста.

2. Что понимается под коммуникативной компетентностью юриста?

3. Назовите требования, предъявляемые к речи юриста.

4. Потренируйте собственную речь при помощи психотехнических упражнений.

5. В результате каких причин возникают коммуникативные барьеры, какие обстоятельства влияют на их появление?

6. Что представляют собой средства невербальной коммуникации? Раскройте их роль в установлении и развитии психологического контакта между людьми.

7. Кратко охарактеризуйте содержание основных коммуникативных ситуаций.

8. Рассмотрите возможные конфликты в общении, пути решения конфликтных ситуаций.

9. В чем состоит суть понимающего слушания, приемы слушания.

2. Психические познавательные процессы, учет их закономерностей в юридической деятельности. Мышление и интуиция в юридической деятельности. Проблема памяти. Ощущения и восприятие. Внимание в деятельности юриста.

Задания:

1. Решите следующую задачу: Потерпевшая А. показала следующее: когда она возвращалась из командировки поздно вечером 26 декабря, на нее было совершено разбойное нападение неизвестными лицами, отобравшими в числе вещей, бывших при ней, и ценную посылку, переданную для ее сослуживца. Место нападения, указанное потерпевшей, было плохо освещено, но она уверенно описала приметы грабителей: один из них — блондин, одетый в коричневое пальто с повязанным вокруг шеи красным шарфом с зелеными полосками; другой — шатен, облаченный в темно-фиолетовое пальто и малинового цвета свитер.

Следователь усомнился в достоверности показаний потерпевшей. Какими знаниями об особенностях зрительных ощущений руководствовался следователь при оценке показаний потерпевшей А.?

2. Раскройте значение перцептивных процессов в профессиональной деятельности юриста.

3. Потренируйте свою память при помощи мнемических приемов.

4. Перечислите способы активизации мыслительной деятельности, которые могут

использоваться юристами в своей профессиональной деятельности.

3. Эмоции, чувства, психические состояния, их психолого-правовая оценка. Волевая регуляция деятельности. Методы изучения личности в юридической психологии. Индивидуально-психологические особенности личности.

Задания:

1. Дайте психологическую характеристику состоянию тревожности. Какие существуют причины возникновения состояния тревоги?

2. Определите собственный уровень ситуативной и личностной тревожности при помощи теста Спилбергера - Ханина.

3. Какое значение могут иметь эмоции тревоги, страха при оценке поведения лиц, участвующих в уголовном и гражданском процессах?

4. Дайте психологическую характеристику аффекта. Назовите его признаки, опишите динамику развития. Какое уголовно-правовое значение имеет аффект?

5. Проанализируйте, выступает ли в предложенной для разбора ситуации физиологический аффект как юридическая категория? (Ответ обосновать, проводя анализ приведенной ситуации).

Вечером 11 сентября Е. с женой находился в гостях у знакомых. После употребления спиртных напитков жена почувствовала себя плохо и осталась ночевать, а Е. с ребенком ушли домой.

В пятом часу утра 12 сентября Е. возвращалась домой одна. На улице ее неожиданно настиг незнакомый мужчина, сбил с ног и изнасиловал. Придя домой, Е. рассказала об этом мужу. Е. ушел на работу, где с целью мести насильнику отточил круглый напильник. Около 17 часов он вернулся с работы и принес с собой напильник. В разговоре с женой он заявил, что насильник не имеет права жить и что он убьет его. В 18 часов Е. во дворе своего дома увидел трех парней, которые кого-то искали. Внешность незнакомцев вызвала у него подозрение. Е. забежал в свою квартиру, взял напильник, попросил жену, чтобы она вышла с ним и посмотрела, нет ли среди них насильника. Е. - в одном из них узнала мужчину, напавшего на нее (это был, как установлено при расследовании, О.). С целью убийства Е. обогнал этих мужчин, двинулся им навстречу и ударил обидчика жены. О. пытался убежать, однако Е. догнал его и стал наносить удары напильником. От полученных ранений О. умер. Е. утверждал, что убил О. в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного сообщением о насилии, совершенном над его женой.

6. Что представляют собой страдания? Перечислите признаки страданий. Какие правовые последствия предполагает установление у потерпевшего страданий в результате совершения в отношении него неправомерных действий?

7. Какие Вам известны способы преодоления отрицательных эмоциональных состояний?

Рассмотрите несколько определений понятия «личность». Раскройте правовое значение понятия личности.

8. Проанализируйте основные научные подходы к изучению личности человека.

9. По каким критериям оценивается уровень сформированности личности? Проанализируйте, какими критериями руководствуетесь Вы при оценке личности другого человека.

10. Назовите методы изучения личности, используемые в правоохранительной деятельности.

11. Какие Вам известны наиболее распространенные тестовые методики, применяемые при проведении судебно-психологической экспертизы?

12. Дайте краткую характеристику основных типов темперамента.

13. На основании приведенных далее характеристик определите тип темперамента Школьника А. Виктор Г., 3-й класс. Медлителен. Походка неторопливая, вразвалку. Говорит медленно, но обстоятельно, последовательно. На уроках сидит с равнодушным

лицом, руки не поднимает, но на вопрос учителя всегда отвечает правильно. Когда учитель спрашивает, почему он не поднял руку, отделяется односложным ответом: «Да так...». Его трудно рассмешить или рассердить. Сам обычно не обижает товарищей, к ссорам других относится безразлично. Незлобив, но для товарища ленится что-либо сделать. В разговор вступает редко, больше молчит. Усваивает материал не сразу. Требуется несколько раз повторить ему новый материал, но задание выполняет правильно и аккуратно. Любит порядок. Придя в класс из другой школы, с трудом сдружился с ребятами. По словам матери, часто вспоминает старую учительницу. Видимо, привязчив. Б. Борис Р., 3-й класс. Безгранично увлекающийся. Часто берет работу не по силам. Крайне подвижен. В любую минуту готов сорваться с места и «лететь» куда угодно. Руки не находят покоя. Быстро и часто крутит головой во все стороны. Крайне вспыльчив. Усваивает материал быстро и правильно, но из-за торопливости дает сбивчивые ответы. Приходится все время говорить ему: «Не отвечай сразу, подумай, не торопись». Резко переходит от смеха к гневу, и наоборот. Обожает военные игры. Очень инициативен. Учителя буквально засыпает вопросами. Отзывчив и на хорошее, и на дурное (на последнее реже, так как с ним ведется педагогическая работа). Когда рассердится, еще не умеет себя сдерживать, хотя и старается. Очень любит получать хорошие отметки. Говорит: «Изумрудная пятерочка». Может сбегать по любому поручению, но по дороге часто его забывает, так как от нетерпения и желания скорее его выполнить не успевает дослушать до конца.

В. Саша Д., 2-й класс. Очень впечатлительный. Малейшая неприятность выводит его из равновесия, плачет по каждому пустяку. Однажды заплакал только из-за того, что сразу не нашел в портфеле учебник. Крайне обидчив. Долго помнит обиды и болезненно их переживает. Мечтательный. Часто задумчиво смотрит в окно вместо того, чтобы играть с товарищами. Покорно подчиняется всем правилам. Пассивен в детском коллективе. Часто обнаруживает неверие в свои силы. Если в работе встречаются трудности, легко опускает руки, теряется и не доводит дело до конца. Но если настоять на выполнении задания, в большинстве случаев справится с ним не хуже других. Г. Лена В., 2-й класс. Очень подвижна, на уроках ни минуты не сидит спокойно, постоянно меняет позу, вертит что-либо в руках, тянет руку, разговаривает с соседом. Легко заинтересовывается всем новым, но сравнительно быстро остывает.

Преобладающее настроение — веселое и бодрое. На вопрос: «Как дела?» обычно с улыбкой отвечает: «Очень хорошо!», хотя иногда оказывается, что полученные ею отметки не блестящи. Про пятерки радостно объявляет всем в доме. Двоек не скрывает, но всегда бодро добавляет: «Это у меня так... случайно...» Иногда огорчается, даже плачет, но не надолго. Мимика живая. Несмотря на живость и непоседливость, ее легко дисциплинировать. На интересных уроках проявляет отличную работоспособность. Легко сходится с подругами, быстро привыкает к новым требованиям. Весьма разговорчива.

14. Раскройте криминологическое значение отдельных видов акцентуаций характера.

15. Проанализируйте психолого-правовое значение воли в гражданском и уголовном праве. Что такое «порок воли»?

16. Что представляет собой мотивационная сфера личности?

17. Покажите на примере, каким образом воздействует на профессиональную деятельность юриста мотивация достижения успеха и избегания неудачи.

4. Социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста. Предмет и задачи психологии юридического труда.

Задания:

1. Изобразите графически (в виде схемы) структуру профессиональной деятельности юриста.

2. Охарактеризуйте общие социально-психологические особенности профессиональной деятельности юриста.

3. Раскройте содержание основных факторов профессионально-психологической

пригодности юриста к правоохранительной деятельности.

4. Какими качествами личности, на Ваш взгляд, должен обладать хороший юрист?

5. Сравните различные виды профессиональной деятельности юриста. Какие требования предъявляются к данным видам деятельности, и какие существуют противопоказания?

6. В чем причины и сущность профессиональной деформации лиц, осуществляющих юридическую деятельность?

Криминальная психология.

1. Предмет и задачи криминальной психологии. Психология преступного поведения.

Задания:

1. Раскройте задачи, которые призвана решать криминальная психология.

2. Что понимается в психологии под понятием «деятельность»? Какие элементы являются неотъемлемой частью деятельности, раскрывающей ее содержание и направленность?

3. Опишите процесс формирования мотивов противоправного поведения человека.

4. Какие признаки, на Ваш взгляд, присущи преступному поведению?

5. Проанализируйте на конкретном примере этапы преступного поведения.

6. В чем состоят отличия психологического свойства между умышленными и неосторожными преступлениями?

7. Есть ли мотивы в неосторожном преступлении? Обоснуйте свою точку зрения.

8. Раскройте понятие «криминогенная ситуация».

2. Психология личности преступника.

Задания:

1. Раскройте содержание понятия «личность преступника».

2. В каких целях изучаются психологические особенности личности субъекта, совершившего преступление?

3. Чем с психологической точки зрения отличается личность преступника от личности законопослушного гражданина?

4. Что представляют собой психические аномалии, психические расстройства? Какое влияние они могут оказывать на поведение человека?

5. Дайте психолого-правовую оценку понятий «норма агрессии» и «норма возмездия».

6. Раскройте понятие жестокости (особой жестокости), назовите ее разновидности, указанные в уголовном законе.

7. Перечислите известные Вам типы личности преступников, опишите их основные характеристики.

8. Дайте краткую психологическую характеристику социально-адаптивному и социально-дезадаптивному типу личности преступника.

3. Психология группового преступного поведения (психология преступной группы).

Задания:

1. Что такое группа? Какие виды преступных групп существуют согласно действующему уголовному законодательству?

2. Изобразите графически структуру какой-либо конкретной организованной преступной группы.

3. Какие признаки свидетельствуют об устойчивости организованной преступной группы?

4. По каким признакам можно определить, что расследованию преступления противодействует круговая порука среди его участников? Назовите методы нейтрализации круговой поруки.

5. Назовите основные направления (методы) психологического характера в борьбе с

организованной преступностью.

4. Психологическая характеристика и исследование личности потерпевшего.

Задания:

1. С какой целью анализируется поведение потерпевшего до момента совершения преступления?

2. Перечислите факторы, влияющие на поведение потерпевшего в момент совершения преступления.

3. Какие факторы влияют на полноту и достоверность показаний потерпевшего?

4. Что такое виктимность?

5. Разработайте рекомендации по изучению личности потерпевшего при предварительном следствии с целью получения от него достоверных показаний.

Психологические основы предварительного следствия.

1. Психология осмотра места преступления и проверки показаний.

Задания:

1. В чем проявляются психологические особенности деятельности следователя во время осмотра места происшествия?

2. Что такое динамический стереотип, как он проявляется на месте совершения преступления в поведении преступника?

3. С какой целью преступниками устраиваются инсценировки на месте совершения преступления, каковы их признаки?

4. Сформулируйте основные психологические приемы и методы, повышающие эффективность и качество осмотра места происшествия следователем.

5. Попробуйте восстановить картину происшедшего события по следующему описанию места происшествия:

Труп В. лежал на проезжей части дороги в 12 м от своего дома. Одежда трупа была пропитана кровью, под ним и около него - большая лужа крови. При наружном осмотре трупа обнаружена зияющая рана в затылочной части головы и рубленые раны на туловище со стороны спины и на задней части бедра левой ноги. Около трупа на земле имелись глубокие следы, оставленные остроережущим тяжелым предметом. В 15 м от трупа в восточном направлении на одиноко растущем дереве на расстоянии 1,2 м от земли обнаружены свежие рубленые следы, а около дерева - следы обуви. Дорожка следов вела в направлении от дерева к трупу и обратно, а затем терялась на твердом грунте.

6. Определите цели проведения следственного эксперимента.

7. Назовите наиболее распространенные виды следственного эксперимента, дайте им краткую психологическую характеристику.

8. Какие психологические факторы учитываются следователем при организации и в ходе проведения следственного эксперимента?

9. В каких случаях следственный эксперимент целесообразно проводить с участием специалиста-психолога?

10. С каким психическим процессом сопряжена проверка показаний на месте происшествия.

2. Психология обыска и задержания. Психология очной ставки.

Задания:

1. Проанализируйте, какие психологические особенности личности обыскиваемого проявляются в выборе им способов сокрытия искомого?

2. В чем состоит объективная и субъективная недоступность искомого предметов, какое влияние она оказывает на характер поисковой деятельности следователя?

3. К каким уловкам психологического характера прибегают обыскиваемые лица с целью обмануть, ввести в заблуждение следователя, проводящего обыск?

4. Какие используются тактико-психологические приемы, методы проверки следователем произвольных реакций (ошибочных действий) обыскиваемого лица?

5. При обыске и спальне у С. было обнаружено много ценностей. С. Сильно нервничала, но при обыске в столовой заметно успокоилась. Разбираясь в причинах перемены настроения С, члены оперативной группы решили повторить обыск в спальне. Вторичный осмотр вначале не дал результатов. Но когда еще раз была обследована внутренность платяного шкафа, внимание следователя привлекла массивная задняя стенка. Несмотря на возражения С, обшивка шкафа была снята и под ней оказалась полость, где хранились изделия из драгоценных металлов и камней. Во время оформления протокола один из участников обыска вспомнил, что при завершении обыска в спальне С. часто поглядывала в угол комнаты и даже всплакнула. Было замечено, что С. старалась постоянно находиться около тех мест, где впоследствии обнаружили наиболее ценные вещи. Поэтому было решено повторно обследовать и этот угол. В стене оказалась незначительная неровность. После удаления нескольких кирпичей обнаружили узелок с большим количеством золотых изделий и монет.

В чем выразились произвольные реакции обыскиваемой? Каково их значение в тактике расследования?

Какие существуют приемы, вызывающие произвольные реакции у обыскиваемого? Сформулируйте правила наблюдения за обыскиваемым.

3. Психология допроса.

Задания:

1. Назовите наиболее общие социально-психологические условия ведения допроса.
2. Какие виды вопросов ставятся перед допрашиваемыми лицами? В чем сущность этих вопросов?
3. Перечислите основные психологические приемы и методы допроса в бесконфликтной ситуации.
4. Какие поведенческие признаки могут свидетельствовать о стремлении допрашиваемого лица к лжесвидетельству?
5. Перечислите основные психологические приемы и методы разоблачения лжи, кратко охарактеризуйте их.
6. Дайте психологическую характеристику метода группового допроса.
7. В чем состоят психологические особенности ведения допроса на очной ставке?
8. Назовите принятую в психологии возрастную периодизацию несовершеннолетних. Каким образом их возраст влияет на продолжительность допроса?
9. Как учитываются особенности темперамента и характера при допросе взрослых и несовершеннолетних?

4. Судебно - психологическая экспертиза в уголовном процессе.

Задания:

1. Что является предметом судебно-психологической экспертизы?
2. Назовите наиболее распространенные методы, используемые экспертом-психологом при проведении экспертизы.
3. Решение каких вопросов входит в компетенцию эксперта-психолога по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья граждан?
4. Может ли эксперт-психолог высказывать свое мнение о правдивости свидетельских показаний? Обоснуйте Вашу точку зрения.
5. В каких целях используется заключение судебно-психологической экспертизы?

5. Психология судебной деятельности. Психологическая характеристика судебного процесса. Психологические особенности принятия решения судьей.

Задания:

1. Какие психологические факторы влияют на процесс оценки доказательств, познания истины в суде?
2. Дайте психологическую характеристику коммуникативным процессам, имеющим место в ходе судебного разбирательства дел.
3. Какими психологическими особенностями характеризуется допрос в суде?

4. Как ретроактивное торможение может влиять на показания свидетелей в суде?
5. Проанализируйте, какой с психологической точки зрения должна быть обстановка в зале суда в ходе судебного разбирательства дел?
6. Какие требования предъявляются к речи участников судебных прений?
7. Перечислите известные вам приемы психологического воздействия судебного оратора на внимание присутствующих в зале судебного заседания.
8. Опишите психологические факторы, которые могут оказать влияние на процесс принятия решений составом суда.
9. Каким образом эффект «психической установки» может воздействовать на принятие решений судьей при рассмотрении уголовных дел?
10. Какие 3 группы судебных работников, допуская типичные ошибки при рассмотрении уголовных дел, были выделены Морщаковой Т.Г.?
11. Какие психические состояния судей могут оказывать влияние на появление ошибочных судебных решений?

5. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Отдельные темы курса изучаются студентами самостоятельно. Самостоятельная работа является внеаудиторной и предназначена для самостоятельного ознакомления студента с определенными разделами курса по рекомендованным преподавателем материалам и подготовки к выполнению индивидуальных заданий по курсу. Самостоятельная работа включает в себя: самостоятельную работу студента с учебной и методической литературой, использование информационных технологий, самостоятельную подготовку к семинарским занятиям, подготовку к рубежному и итоговому тестированию, выполнение контрольных и творческих работ, решение задач, написание рефератов, и других видов индивидуальных заданий по самостоятельной работе.

Самостоятельная работа с учебной и методической литературой

Изучение курса включает в себя самостоятельную работу с литературой по усвоению теоретического материала, а также выполнение практических и самостоятельных работ по дисциплине.

В библиотеке самостоятельно можно найти учебную и методическую литературу по вопросам дисциплины, воспользовавшись каталогами.

Важными справочными источниками самостоятельной работы студентов являются справочные и энциклопедические издания, словари, в которых даны объяснения терминов.

Рекомендации по подготовке к практическому занятию (конспектированию текста)

- 1) читая изучаемый материал в первый раз, подразделяйте его на основные смысловые части, выделяйте главные мысли, выводы;
- 2) если составляется план-конспект, сформулируйте его пункты, подпункты, определите, что именно следует включить в план-конспект для раскрытия каждого из них;
- 3) наиболее существенные положения изучаемого материала (тезисы) последовательно и кратко излагайте своими словами или приводите в виде цитат;
- 4) в конспект включаются не только основные положения, но и доводы, их обосновывающие, конкретные факты и примеры, но без их подробного описания;
- 5) составляя конспект, можно отдельные слова и целые предложения писать сокращенно, выписывать только ключевые слова, вместо цитирования делать лишь ссылки на страницы цитируемой работы, применять условные обозначения;
- 6) располагайте абзацы «ступеньками», применяйте цветные карандаши, маркеры, фломастеры для выделения значимых мест.

Основные приемы конспектирования

- сокращение слов, словосочетаний, терминов.
- переработка фразы.

6. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

1. Курс по юридической психологии [Электронный ресурс] / . — Электрон. текстовые данные. — Новосибирск: Сибирское университетское издательство, Норматика, 2016. — 119 с. — 978-5-4374-0583-3. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/65268.html>
2. Шевченко В.М. Юридическая психология [Электронный ресурс] : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.М. Шевченко. — Электрон. текстовые данные. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 287 с. — 978-5-238-02630-5. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/34538.html>
3. Рогозина Т.И. Юридическая психология [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие для студентов (краткий курс лекций) / Т.И. Рогозина. — Электрон. текстовые данные. — Омск: Омская юридическая академия, 2013. — 84 с. — 2227-8397. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/29826.html>

б) дополнительная:

1. Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология [Электронный ресурс] / Р.Л. Ахмедшин. — Электрон. текстовые данные. — Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2011. — 228 с. — 987-5-4332-0006-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/13917.html>
2. Сорокотягин И.Н. Юридическая психология [Электронный ресурс] : учебное пособие / И.Н. Сорокотягин. — Электрон. текстовые данные. — М. : Проспект, 2011. — 118 с. — 2227-8397. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/3155.html>
3. Котлярова Л.Н. Юридическая психология [Электронный ресурс] : практикум / Л.Н. Котлярова. — Электрон. текстовые данные. — Москва, Саратов: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Ай Пи Эр Медиа, 2016. — 170 с. — 978-5-00094-341-0. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/66774.html> .

в) программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

№	Перечень программного обеспечения (обеспеченного лицензией)	Реквизиты подтверждающих документов
1	Операционная система MS Windows 7 Pro	DreamSpark Premium Electronic Software Delivery (3 years) договору – Сублицензионный договор №Tr000074357/КНВ 17 от 01 марта 2016 года
№	Перечень программного обеспечения (свободно распространяемого)	Реквизиты подтверждающих документов (при наличии)
1.	LibreOffice	Бесплатное распространение по лицензии Mozilla Public Licence Version 2.0

Интернет-ресурсы

№	Наименование ресурса	Краткая характеристика
1.	Электронно-библиотечная система IPRbooks http://www.iprbookshop.ru/	Электронно-библиотечная система IPRbooks — научно-образовательный ресурс для решения задач обучения в России и за рубежом. Уникальная платформа ЭБС IPRbooks объединяет новейшие информационные технологии и учебную лицензионную литературу. Контент ЭБС IPRbooks отвечает требованиям стандартов высшей школы, СПО, дополнительного и

№	Наименование ресурса	Краткая характеристика
		дистанционного образования. ЭБС IPRbooks в полном объеме соответствует требованиям законодательства РФ в сфере образования
2	ЭБС ЮРАЙТ https://www.biblio-online.ru	Фонд электронной библиотеки составляет более 4000 наименований и постоянно пополняется новинками, в большинстве своем это учебники и учебные пособия для всех уровней профессионального образования от ведущих научных школ с соблюдением требований новых ФГОСов.